

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И МОЛОДЕЖИ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
КРЫМСКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ
ПОСТДИПЛОМНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**Методические материалы к написанию
итогового сочинения-2021
(электронный сборник)**

Симферополь-2021

Авторы-составители:

Володина Анна Николаевна	методист отдела русской филологии ГБОУ ДПО РК КРИППО, учитель русского языка и литературы МБОУ «Перовская школа-гимназия» Симферопольского района Республики Крым
Беличенко Юлия Викторовна	учитель русского языка и литературы МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №8» муниципального образования городской округ Симферополь
Кривошапко Елена Васильевна	учитель русского языка и литературы МБОУ «Ялтинская средняя школа-лицей № 9» муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым
Редько Кристина Юрьевна	учитель русского языка и литературы ЧОУ «СОШ № 13»
Хомякова Ирина Ростиславовна	учитель русского языка и литературы МБОУ «Ялтинская средняя школа-лицей № 9» муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым

Пояснительная записка

Итоговое сочинение проводится в соответствии с Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации «О внесении изменений в Порядок проведения государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования» № 923 от 05.08.2014 (зарегистрирован Минюстом России 15.08.2014, регистрационный № 33604). Данное решение принято с целью реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 12.12.2013 во исполнение пунктов «б» и «в» перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству от 17.11.2013 г. №2699.

С 2014-2015 учебного года итоговое сочинение (изложение) как допуск к ГИА проводится в обязательном порядке для выпускников образовательных организаций, реализующих программы среднего общего образования. Итоговое изложение вправе писать обучающиеся с ограниченными возможностями здоровья или дети-инвалиды и инвалиды. По желанию итоговое сочинение (изложение) могут писать выпускники прошлых лет с целью представления его результатов в вузы.

Тематические направления итогового сочинения разработаны Советом по вопросам проведения итогового сочинения под председательством Натальи Солженицыной – президента Русского общественного фонда Александра Солженицына. В рамках направлений предусмотрены конкретные темы сочинений, которые станут известны выпускникам в день проведения итогового сочинения. Экзаменационный комплект включает 5 тем сочинений из закрытого перечня (по одной теме от каждого общего тематического направления). При составлении тем сочинений осуществляется опора на следующие принципы: посильность, ясность и точность постановки проблемы. Каждое тематическое направление включает два понятия, по преимуществу полярных. Такой подход позволяет создавать разнообразные формулировки конкретных тем сочинения и расширяет возможности выпускников в выборе литературного материала для построения аргументации.

Результаты итогового сочинения (изложения) - "зачет" или "незачет" - станут основанием для принятия решения о допуске к государственной итоговой аттестации (ГИА).

Итоговое сочинение, с одной стороны, носит надпредметный характер, то есть нацелено на проверку общих речевых компетенций обучающегося, выявление уровня его речевой культуры, оценку умения выпускника рассуждать по избранной теме, аргументировать свою позицию. С другой стороны, оно является литературоцентричным, так как содержит требование построения аргументации с обязательной опорой на литературный материал.

При написании итогового сочинения актуализируются следующие важные предметные результаты обучения, сформулированные во ФГОС среднего общего образования:

- 1) применение знаний о нормах русского литературного языка в речевой практике;
- 2) владение навыками самооценки на основе наблюдений за собственной речью;
- 3) владение умением представлять тексты в виде сочинений различных жанров;
- 4) знание содержания произведений русской и мировой литературы;
- 5) способность выявлять в художественных текстах образы, темы и проблемы и выражать свое отношение к ним в развернутых аргументированных письменных высказываниях;

б) владение навыками анализа художественных произведений в единстве эмоционального личностного восприятия и интеллектуального понимания.

Обучение сочинению способствует реализации следующих важных метапредметных результатов, обозначенных в ФГОС среднего общего образования, а именно: 1) умение самостоятельно определять цели и составлять планы деятельности, осуществлять и корректировать их; 2) готовность к самостоятельному поиску решения практических задач; 3) владение навыками познавательной рефлексии как осознания совершаемых действий и мыслительных процессов, их результатов; 4) владение языковыми средствами – умение ясно, логично и точно излагать мысли, использовать адекватные языковые средства.

Особенности подготовки к сочинению

При подготовке обучающегося к написанию сочинения, особое внимание следует уделить формированию умения создавать связный текст на заданную тему. Начинать нужно с многостороннего анализа готовых художественно-публицистических текстов, включающего в себя осмысление целевой установки высказывания, его назначения и предполагаемых результатов воздействия на человека.

В образцовых текстах существенное значение имеет выявление смысла и способов создания речевых высказываний, прослеживание пути от мысли к ее словесному воплощению, а также определение коммуникативной задачи текста, т.е. вычленение главной информации, определение темы и микротем текста, его логического и композиционного замысла, анализ отбора лексики и сочетаемости слов, риторических приемов и др.

В процессе подготовки к сочинению ученики основной школы должны научиться сравнивать и выстраивать в единый смысловой ряд события и героев произведений разных авторов и эпох в соответствии с задачей конкретного письменного высказывания, строить логическое рассуждение и делать выводы, формулировать и обосновывать тезисы, связанные с темой; устанавливать логические связи между вступлением и заключением.

Предложенные материалы являются методическим сопровождением тематических направлений 2021 года. Материалы содержат основные тезисы, сформулированные в рамках направления, примерные темы сочинений, высказывания известных людей, комментарии к произведениям и тексты-тренажеры в качестве литературных аргументов. Сборник способствует всесторонней подготовке учащихся к написанию сочинения, учитывает контингент обучающихся группы риска, для которых важна блоковая подача материала и необходимо обучение клишированным формам в создании собственных письменных высказываний. Методические материалы предназначены для учителей общеобразовательных организаций, учащихся, родителей.

А.С. Бурдина, зав. отделом русской филологии
ГБОУ ДПО РК КРИППО

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Советы выпускникам.....	6
2. Речевые клише.....	7
3. Содержание комментария	8
4. Методическое сопровождение открытого тематического направления «Человек путешествующий: дорога в жизни человека» (дорога реальная, воображаемая, книжная)	9
5. Методическое сопровождение открытого тематического направления Преступление и Наказание – вечная тема» (преступление и наказание как явление социальное и нравственное, совесть и стыд, ответственность, раскаяние).....	32
6. Методическое сопровождение открытого тематического направления Книга (музыка, спектакль, фильм) – про меня» (высказывание о тексте, который представляется лично важным для 11-классника)	84
7. Методическое сопровождение открытого тематического направления «Кому на Руси жить хорошо?» – вопрос гражданина» (социальные пороки и общественная справедливость, поиск путей помощи тем, кому трудно, путей совершенствования общества и государства)	115
8. Методическое сопровождение открытого тематического направления Цивилизация и технологии – спасение, вызов или трагедия?» (достижения и риски цивилизации, надежды и страхи, с ней связанные).....	131

СОВЕТЫ ВЫПУСКНИКАМ

- суммарный объем **введения** и **заключения** не должен превышать **одной трети** всего сочинения;
- на выбор темы нужно потратить не более 10-15 минут; в случае затруднения с выбором темы можно пользоваться методом исключения;
- не менять тему в процессе написания сочинения;
- на черновике составить тезисы или план (! План в чистовик не переносится);
- удобнее писать на одной стороне черновика, чтобы текст сочинения полностью был перед глазами; с полями, оставляя место для перестановок, вставок и т.д.;
- нумеровать страницы черновика;
- строго придерживаться избранной темы; сочинение должно быть логичным, представлять собой развернутый ответ на основной вопрос-тезис;
- не подменять примеры из текста пересказом;
- не увлекаться длинными цитатами и не увеличивать тем самым искусственно объём сочинения;
- если есть сомнение в авторстве или названии, можно сделать косвенную ссылку на критику («Чернышевский по этому поводу писал...»: «критика встретила произведение восторженно...» и т.п.);
- то же относится к именам героев, датам и т.п. всегда можно выйти из положения, указав примерную дату («в начале века...», «относится к ранней лирике...»), заменив забытое имя словами «один из героев Толстого...»; «антипод главного героя» и т.п.;
- если не уверены в жанре произведения, то вместо «рассказ, повесть, новелла, роман» можно употребить обобщенное слово – произведение;
 - удобно пользоваться приемами риторики: ставить вопросы, приводить разные варианты ответов;
 - привлекать материал из других произведений, из истории, из публицистики, таким образом демонстрируя свою эрудицию и умение сопоставлять;
 - обязательно рассчитать время, оставив его для редактирования, проверки и переписывания на чистовик. Не забыть о членении текста: разделить сочинение на абзацы.

РЕЧЕВЫЕ КЛИШЕ

клише для вступления или для оформления тезиса	Передо мной тема сочинения «...», которая заинтересовала меня тем, что...
	Могу предположить, что ...(тезис)
	Позволю себе высказать свою точку зрения
Переход к основной части	В правильности такой точки зрения меня убеждает художественная литература.
	Давайте вспомним произведения художественной литературы, в которых раскрывается тема ...
	Правильность своей точки зрения могу доказать, обратившись к ...
	Обратимся к произведениям художественной литературы
	За примерами давайте обратимся к произведениям художественной литературы
	Размышляя о ..., я не могу не обратиться к произведению ФИО, в котором...
Внутри основной части (переход от одного аргумента к другому)	Можно вспомнить и другое произведение, в котором тоже говорится (поднимается вопрос) о том, что...
	Можно привести и другой пример.
	В качестве второго аргумента обратимся к произведению...
	Эта же тема рассматривается и в произведении...
Заключение	К какому же выводу я пришёл, размышляя над темой «...»? Думаю, надо...
	В заключение мне хотелось бы сказать, что...
	Все приведенные мной аргументы, основанные на читательском опыте, убеждают нас в том, что...
	Приведенных аргументов, как мне кажется, уже достаточно для того, чтобы утверждать:
	Заканчивая рассуждение на тему «...», нельзя не сказать, что люди должны...
	Обобщая сказанное, хочу сказать, что...

СОДЕРЖАНИЕ КОММЕНТАРИЯ

Комментарий ФИПИ
Примерные темы
Основные определения
Мудрые мысли
Литературные источники
Цитатный материал

**МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ
ОТКРЫТОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ**

**«Человек путешествующий: дорога в жизни человека»
(дорога реальная, воображаемая, книжная)**

Автор-составитель: **Беличенко Юлия Викторовна**, учитель русского языка и литературы МБОУ «Средняя общеобразовательная школа №8» г. Симферополя.

Содержание

Комментарий ФИПИ
Примерные темы
Основные определения
Мудрые мысли
Литературные источники
Цитатный материал
И. А Гончаров «Обломов»

Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»
А.Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву»
Л. Н. Толстой «Анна Каренина»
А. Грин «Алые паруса»
Джеймс Джойс «Эвелин»
Рэй Брэдбери «Каникулы»
Рэй Брэдбери «Зеленое утро»

КОММЕНТАРИЙ ФИПИ

Тематическое направление нацеливает выпускника на размышление о дороге: реальной, воображаемой, книжной.

Выпускник сможет написать о личном опыте путешествий и путевых впечатлениях других людей, дорожных приключениях литературных героев, фантазийных перемещениях во времени и в пространстве, о теме дороги в произведениях искусства. Не исключено понимание дороги как пути научных исследований и творческих поисков. Дорога может быть осмыслена не только в конкретном, но и в символическом значении. Темы сочинений позволят рассуждать о том, как человек на жизненном пути обретает практический и духовный опыт, меняется, лучше понимает самого себя и других людей.

Обращение к художественной, философской, психологической, краеведческой, научной литературе, мемуарам, дневникам, травелогам и публицистике, позволит рассмотреть путешествие как важное средство познания действительности и внутреннего мира человека.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

Роль путешествий в жизни человека.

Путь человека к познанию себя.

Дорога в жизни человека.

Тернистый путь к раскаянию.

Дороги, которые мы выбираем.

Влияние книг на выбор жизненного пути человека.

Роль путешествий в становлении личности.

Зачем люди отправляются в путешествие?

Возможен ли жизненный путь без ошибок?

Что человек ищет в путешествиях?

Чем путешествия обогащают личность?

Как выбрать свою дорогу в жизни?

Почему важно ставить правильные цели в жизни?

Как Вы понимаете фразу «сбился с пути»?

Что помогает не заблудиться на жизненном пути?

Почему так важно идти по своему пути?

Важно ли оглядываться на пройденный путь, двигаясь вперед?

Что значит «идти в ногу со временем»?

Какие литературные персонажи-путешественники Вам нравятся?

Считаете ли Вы путешествия способом познания мира?

Какие города России Вы хотели бы посетить и почему?

Какие страны наиболее интересны для путешественника и почему?

Согласны ли Вы с тем, что «дорогу осилит идущий»?

Согласны ли Вы с утверждением «Где родился – там и пригодился»?

Согласны ли Вы с тем, что на ошибках учатся?

Выбирая жизненный путь, нужно прислушиваться к советам старших или жить своим умом?

Согласны ли Вы, что жизненный путь – это постоянный выбор?

Согласны ли Вы с утверждением Лао-Цзы: «Путешествие в тысячу миль начинается с первого шага»?

Согласны ли Вы с утверждением Леонардо да Винчи: «Познание стран мира – украшение и пища человеческих умов»?

Как Вы понимаете слова Д. Лондона: «Ценным достоинством нашей жизни является возможность поменять направление своего движения и не катиться, как камень»?

Как Вы понимаете высказывание Оноре де Бальзака: «Чтобы дойти до цели, человеку нужно только одно – идти»?

ОСНОВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ, -я, ср. Поездка или передвижение пешком по каким-н. местам, странам (обычно для ознакомления или отдыха). *Кругосветное п. П. по родной стране. Жанр путешествий* (повествовательная литература о путешествиях, странствованиях). *Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, м Н.Ю. Шведова. 1949-1992.*

ПУТЕШЕСТВИЕ – название, применяемое к произведениям, в которых повествуется о путешествиях, действительных или мнимых.

Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. М.; Л.: Издательство Л. Д. Френкель. Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского 1925.

ПУТЕШЕСТВИЕ, путешествия, ср.

1. Поездка (реже - передвижение пешком), обычно куда-нибудь далеко за пределы родной местности, постоянного местопребывания.

Путешествие на Памир. Отправляться в путешествие для научных наблюдений. «Занялся материальной стороной приготовлений к путешествию.» *Л. Толстой.*

2. Литературное произведение, посвященное описанию всего виденного и слышанного путешественником в чужом или неизвестном краю (лит.). Он читал только романы и путешествия. Литература путешествий 18 века.

Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940.

Путешествие

поездка, круиз, поход, турне, тур, вояж, странствование; путь, шествие, странствие, хождение, паломничество, пилигримство, экскурсия; туризм, авиапутешествие, скитание, месра, рейс, кругосветка, вояжировка, вояжирование, плавание, экспедиция, дорога, путь-дороженька, одиссея, путь-дорога. *Словарь русских синонимов.*

Путешественник

Путник, странник, приезжий, пассажир, турист, паломник, пилигрим; скиталец. *Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений.*

под ред. Н. Абрамова, М.: Русские словари, 1999.

ПУТЕШЕСТВЕННИК, путешественника, муж. Человек, совершающий путешествие. || Человек, совершающий путешествия с научными целями.

Знаменитый путешественник по Центральной Азии Пржевальский.

Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940.

ДОРО́ГА, дороги, жен.

1. Путь сообщения; полоса земли, предназначенная для передвижения. Шоссейная дорога. Проселочная дорога. Дорога шла лесом. Свернули с дороги и поехали полем.
2. Место, по которому надо пройти или проехать (разг.). Стул стоял на самой дороге. Отойдите в сторону, не стойте на дороге.
3. Путешествие, поездка. Отправиться в дорогу. Отдохнуть после дороги. Заболел в дороге. Прямо с дороги пошел на работу.
4. Направление, путь следования, маршрут. Покажите мне дорогу в театр. Из Крыма в Одессу кратчайшая дорога – морем.
5. Средства достижения какой-нибудь цели (книжн.). Это прямая дорога к тому, чтобы навлечь на себя неприятности. Бережливость – верная дорога к благосостоянию. || карьера, жизненный путь, направление деятельности. Избрал в техническую специальность, он пошел не по своей дороге. *Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940.*

ДОРО́ГА, -и, жен.

1. Полоса земли, предназначенная для передвижения, путь сообщения. *Асфальтированная, шоссейная, грунтовая, просёлочная д. Большая д.* (грунтовая дорога между крупными или отдалёнными друг от друга населёнными пунктами; устар.). *Обочина дороги. При дороге* (около дороги).
2. Место, по которому надо пройти или проехать, путь следования. *По дороге к дому. Не знать дороги. Спросить о дороге. Сбиться с дороги* (также перен.: то же, что *сбиться с пути*). *Дать дорогу кому-н.* (дать пройти, проехать; так же перен.: дать возможность расти, развиваться кому-н.). *Открыть дорогу кому-н. куда-н.* (перен.: дать возможность действовать, продвигаться в какой-н. области). *Стоять на чьей-н. дороге* или *стать поперёк дороги кому-н.* (также перен.: мешать, препятствовать кому-н. в чём-н.). *Перебежать (перейти) дорогу кому-н.* (также перен.: помешать кому-н., опередить в каком-н. деле; разг.).
3. Путешествие; пребывание в пути. *Устал с дороги. Взять еды на дорогу. В дороге было много интересного. Всю дорогу проспал* (во время всего пути).
4. перен. Образ действий, направление деятельности. *Труд д. к успеху. Быть на хорошей (верной, плохой) дороге. Идти своей дорогой* (по избранному пути). *Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992*

Дорога

1. Путь сообщения.

О дальности, направлении; о ширине, наличии или отсутствии изгибов. Ближняя, большая, вихлявая (простореч.), глухая, далекая, дальняя, длинная, долгая, змеистая, извивистая (устар.), извивная, извилистая, излучистая

(устар.), короткая, малая, обратная, окольная, петлистая, петлястая (разг.), прямая, прямоезжая (нар.-поэт.), ровная, узкая, чужедальняя (устар. поэт.), широкая.

О состоянии проезжей части.

Адская (разг.), бархатная, безобразная, безопасная, битая, вязкая, гиблая (простореч.), гладкая, грязная, дурная (разг.), заросшая, зыбкая, избитая, изъезженная, колеистая, кочковатая, лютая (разг.), малоезженная, малонаезженная, мерзкая (разг.), мягкая, наезженная, накатанная, неважная, неприглядная, неровная, несносная, обледенелая, осклизлая (разг.), ослизлая, отвратительная, плохая, покойная, разбитая, разбухшая, развороченная, размоченная, размытая, разъезженная, раскисшая (разг.), расхлябанная (разг.), ребристая, скверная, скользкая, твердая, торная, тряская, убийственная (разг.), уезженная, ужасная (разг.), укатанная, ухабистая, хлипкая, хлябкая (простореч.), хорошая, худая.

О впечатлении, психологическом восприятии.

Веселая, волшебная, грустная, невеселая, очаровательная, печальная, постылая, радостная, развеселая (разг.), сказочная, скучная, тоскливая, унывная (устар.), унылая, чудесная, чудная. Черствая. Асфальтированная, безрельсовая, бетонная, булыжная, военная, воздушная, волоковая (истор.), вымощенная, главная, глинистая, горная, городская, гравийная, грейдерная, грунтовая, гудронированная, железная, запасная, каменная, канатная, караванная, колесная, кольцевая, конная, круговая, кружная, лесная, нартовая, новая, обочная, объездная, окружная, песчаная, подвесная, подземная, подъездная, полевая, прифронтная, проселочная, профилированная, резервная, рельсовая, рокадная, санная, сельская, скотопробивная, старая, степная, столбовая, стратегическая, трактовая, узкоколейная, хрящевая (устар.), центральная, чугунная (устар.), ширококолейная, шоссейная, этапная и т. п.

2. Жизненный путь человека, направление в развитии чего-либо.

Безвестная, большая, верная, геройская, главная, гладкая, дурная, жизненная, заветная, избитая, избранная, косая, крутая, незабвенная, новая, обходная, окольная, отцовская, памятная, правильная, проторенная, прямая, разумная, ровная, светлая, свободная, скользкая, скромная, служебная, старая, столбовая, суровая, творческая, твердая, тернистая, торная, трудная, трудовая, тяжелая, хорошая, худая, широкая. Гуртовая, утренняя, чиновная.

Словарь эпитетов русского языка. 2006.

МУДРЫЕ МЫСЛИ

«Мир – это книга, и тот, кто не путешествует, читает»

лишь одну её страницу». *Аврелий Августин*

«Нет ничего более полезного для нервов, чем побывать там, где никогда не был». *А.А. Ахматова*

«Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» *Н. В. Гоголь*

«Когда я долго на одном месте, я себя чувствую, как блоха на зеркале».

Василий Шукшин

«Странствия – лучшее занятие в мире. Когда бродишь, – растёшь стремительно, и всё, что видел, откладывается даже на внешности. Людей, которые много ездили, я узнаю из тысячи. Скитания очищают, переплетают встречи, века, книги и любовь. Они роднят нас с небом. Если мы получили еще недоказанное счастье родиться, то надо хотя бы увидеть Землю».

К.Г. Паустовский

«Не существует пути к счастью. Счастье – это и есть путь». *Уэйн Дайер*

«Путешествие в тысячу миль начинается с первого шага». *Лао-Цзы*

«Путешествие, как самая великая и серьезная наука, помогает нам вновь обрести себя». *Альбер Камю*

«Чтобы дойти до цели, человеку нужно только одно – идти». *Оноре де Бальзак*

«Кто никогда не совершал ошибок, тот никогда не пробовал что-то новое».

Альберт Эйнштейн

«Двигаться, дышать, парить, плыть, получать то, что даришь, исследовать, путешествовать – это и значит ЖИТЬ». *Ганс Кристиан Андерсен*

«Вот, говорят, путешествие – лучшее средство образоваться во всем: правда, точно правда! Как многому тут научишься». *Оскар Уайльд*

«Посмотри на мир. Он куда удивительнее снов». *Рэй Брэдбери*

«Мы лишь тогда ощущаем прелесть родной речи, когда слышим ее под чужими небесами». *Дж. Бернард Шоу*

«Если ты не знаешь куда идешь, любая дорога подойдет». *Льюис Кэрролл*

«Только о двух вещах мы будем жалеть на смертном одре – что мало любили и мало путешествовали». *Марк Твен*

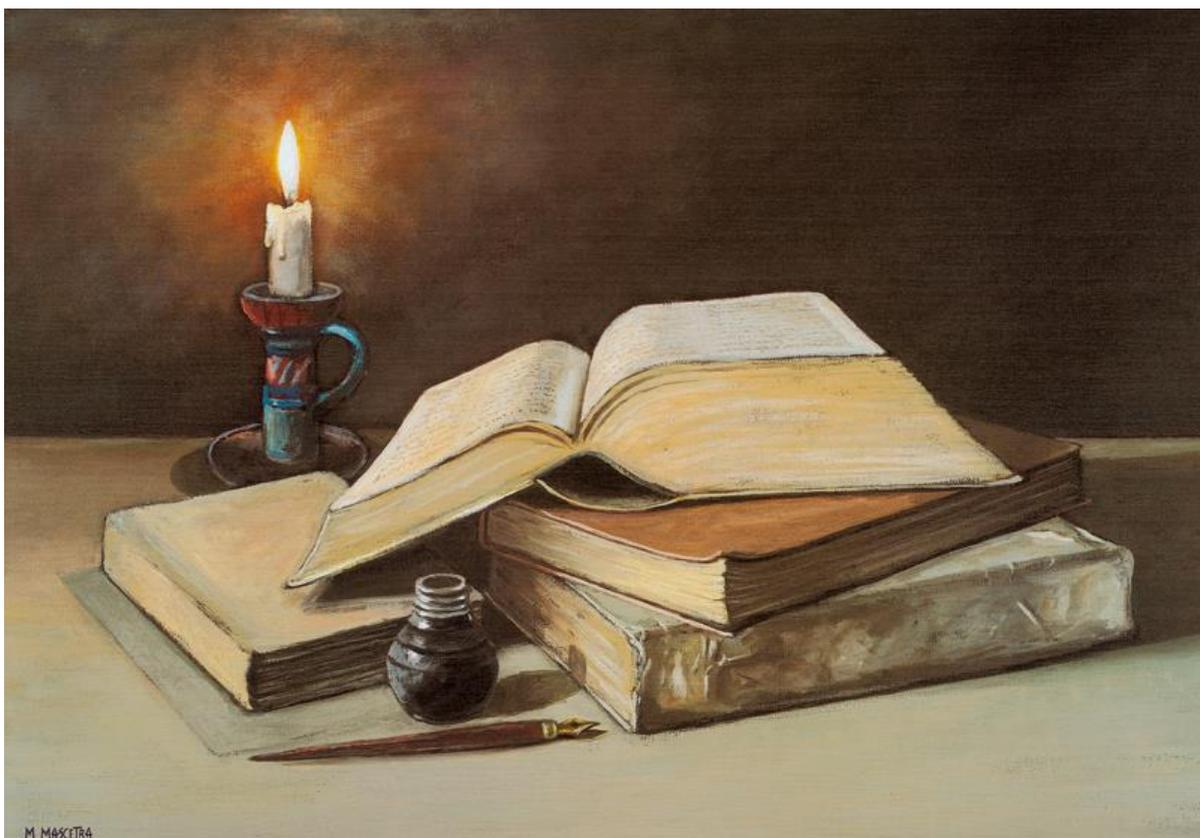
«Путешествовать – значит развенчивать чужие заблуждения о других странах». *Олдос Хаксли*

«Познание стран мира – украшение и пища человеческих умов». *Леонардо да Винчи*

«У каждого из нас есть только одно истинное призвание – найти путь к самому себе». *Герман Гессе*

«Человека делают счастливыми три вещи: любовь, интересная работа и возможность путешествовать». *И. А. Бунин*

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

А.Н. Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву».

Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо», «Железная дорога».

А.С. Пушкин «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Станционный смотритель».

Л.Н. Толстой «Война и мир», «Анна Каренина».

Н.С. Лесков «Очарованный странник», «Левша».

А.Т. Твардовский «Василий Тёркин».

А.С. Грибоедов «Горе от ума».

Н.В. Гоголь «Мёртвые души», «Шинель».

М.Ю. Лермонтов «Мцыри», «Герой нашего времени».

И.С. Тургенев «Отцы и дети».

М.А. Шолохов «Тихий Дон», «Судьба человека».

М. Е. Салтыков-Щедрин «История одного города», «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Премудрый пискарь», «Дикий помещик».

И.А. Бунин «Господин из Сан-Франциско», «Чистый понедельник».

В.П. Астафьева «Васюткино озеро».

А.П. Чехов «Дама с собачкой», «Крыжовник», «Степь».

В. Г. Короленко «Слепой музыкант», «В дурном обществе».

А.П. Платонов «Неизвестный цветок», «Юшка».

А.С.Грин «Алые паруса».

Б.Л. Пастернак «Доктор Живаго».

Максим Горький «Старуха Изергиль», «На дне», «Макар Чудра».

Гомер «Одиссея», «Илиада».

Данте Алигьери «Божественная комедия».

Рэй Брэдбери «Каникулы», «Зелёное утро», «451 градус по Фаренгейту».

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

Мигель де Сервантес Сааведра «Дон Кихот».

Даниэль Дефо «Робинзон Крузо».

Джонатан Свифт «Путешествие Гулливера».

О'Генри «Дороги, которые мы выбираем».

М.Ю. Лермонтов «Выхожу один я на дорогу»

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;

Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.

А.С. Пушкин «Поедем, я готов, куда бы вы, друзья...»

Поедем, я готов, куда бы вы, друзья,
Куда б ни вздумали, готов за вами я
Повсюду следовать, надменной убегая:
К подножию ль стены далёкого Китая,
В кипящий ли Париж, туда ли наконец,
Где Тасса не поёт уже ночной гребец,
Где древних городов под пеплом дремлют мощи,
Где кипарисные благоухают рощи,
Повсюду я готов. Поедем... но, друзья,
Скажите: в странствиях умрёт ли страсть моя?
Забуду ль гордую, мучительную деву,
Или к её ногам, её младому гневу,
Как дань привычную, любовь я принесу?

А.С. Пушкин «Зимняя дорога»

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...

Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ

И.А.Гончаров «Обломов»

Ганс Кристиан Андерсен писал: «Двигаться, дышать, парить, плыть, получать то, что даришь, исследовать, путешествовать – это и значит ЖИТЬ». Нельзя не согласиться с этими словами. Всегда нужно узнавать что-то новое, пробовать свои силы в различных направлениях. Главный герой романа И.А.Гончарова «Обломов» не жил, а существовал, впустую тратил самое дорогое – время. Илья Ильич строил планы лёжа на диване, подолгу рассуждал о проблемах в своём имении, но ничего при этом не предпринимал. Именно такой образ жизни и привёл к смерти героя, к смерти его души. Для того чтобы познать мир, нужно учиться, расширять свой кругозор, путешествовать. Илье Ильичу любое движение было в тягость, поэтому он и не смог ощутить радости от всего многообразия жизни.

Ф.М.Достоевский «Преступление и наказание»

Пути, которые мы выбираем, определяют всю нашу дальнейшую жизнь. Каждый из нас оказывался перед выбором. Вот и Родион Раскольников, главный герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», убил старуху-процентщицу, хотя мог бы и не проверять свою теорию на практике, не идти на кровавое преступление. И его сестра Дуня стояла перед выбором: выйти замуж за нелюбимого человека и помочь матери и брату, но остаться несчастной, или оставить свою семью в бедственном положении. Она готова была выбрать первое, чтобы помочь родным. Ещё одной героине романа, Соне Мармеладовой, также пришлось выбирать: зарабатывать деньги «грязным» способом или смотреть, как её

семья голодает. Девушка сделала выбор в пользу близких, хотя это «занятие» противоречило её представлениям о моральных ценностях.

Как видим, иногда сделать какой-то шаг в своей жизни очень трудно. Выбор может быть сложным, поэтому необходимо всё взвесить перед тем, как принять важное решение, чтобы не совершить роковую ошибку.

А.Н.Радищев «Путешествие из Петербурга в Москву»

Что человек находит в путешествиях по родной земле? Мне кажется, в дороге человек может по-новому открыть для себя Родину, узнать, как живут соотечественники. Рассказчик в романе А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», посетив города и сёла родной земли, увидел, как живёт простой народ. Дворянина поразили картины крестьянской жизни. Больше всего его удивила история чиновника, которому пришлось осудить крепостных, спасших девушку от барских сыновей (Глава «Зайцово»). Это путешествие позволило рассказчику увидеть всю несправедливость по отношению к простому народу. Голод жителей деревень, тирания вышестоящего начальства, барщина открылись А.Н. Радищеву именно во время путешествия.

Л.Н.Толстой «Анна Каренина»

Леонардо да Винчи писал: «Познание стран мира – украшение и пища человеческих умов». Подтвердить эти слова можно примером из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Главная героиня, оставив семью, потеряла друзей, с ней перестали общаться знакомые. С Вронским Анна уезжает в Италию. Путешествие открыло для неё много интересного: она увлеклась искусством, чтением. Знания, полученные за границей, сделали героиню прекрасной собеседницей. Новые знакомства смогли отвлечь её от мрачных мыслей. Вронский тоже пленился искусством: стал рисовать. Как видим, поездка в Италию подарила героям не только впечатления, но и позволила открыть в себе много нового, непознанного, неизвестного.

А. С. Грин «Алые паруса»

Что помогает человеку не сбиться с пути? Вера. Вера в Бога... Вера в себя... Вера в своё предназначение... Главная героиня повести-феерии А.С. Грина «Алые паруса» была уверена в том, что за ней приплывёт принц на корабле с алыми парусами. Жители Каперны считали Ассоль странной, говорили, что алых парусов не бывает. А девушка поверила в предсказание Эгля, ждала своего суженого. Её не разубедило мнение окружающих, ничто не могло сбить с пути к своей мечте. Возможно, поддавшись мнению жителей деревни, Ассоль отказалась бы от своих грёз. Она не сдавалась и была вознаграждена: Артур Грэй решил осуществить её мечту. Быть может, если бы главная героиня перестала верить в то, что приедет любимый под алыми парусами, Грэй так и не узнал бы о ней. Очень важно не сбиться с пути и придерживаться правильного курса в жизни.

Джеймс Джойс «Эвелин»

Она сидела у окна, глядя, как вечер завоевывает улицу. Головой она прислонилась к занавеске, и в ноздрях у нее стоял запах пропыленного кретона. Она чувствовала усталость.

Прохожих было мало. Прошел к себе жилец из последнего дома; она слышала, как его башмаки простучали по цементному тротуару, потом захрустели по шлаковой дорожке вдоль красных зданий. Когда-то там был пустырь, на котором они играли по вечерам с другими детьми. Потом какой-то человек из Белфаста купил этот пустырь и настроил там домов – не таких, как их маленькие темные домишки, а кирпичных, красных, с блестящими крышами. Все здешние дети играли раньше на пустыре – Дивайны, Уотерсы, Данны, маленький калека Кьюу, она, ее братья и сестры. Правда, Эрнст не играл: он был уже большой. Отец постоянно гонялся за ними по пустырю со своей терновой палкой; но маленький Кьюу всегда глядел в оба и успевал крикнуть, увидев отца. Все-таки тогда жилось хорошо. Отец еще кое-как держался; кроме того, мать была жива. Это было очень давно; теперь и она, и братья, и сестры выросли; мать умерла. Тиззи Данн тоже умерла, а Уотерсы вернулись в Англию. Все меняется. Вот теперь и она скоро уедет, как другие, покинет дом.

Дом! Она обвела глазами комнату, разглядывая все те знакомые вещи, которые сама обметала каждую неделю столько лет подряд, всякий раз удивляясь, откуда набирается такая пыль. Может быть, больше никогда не придется увидеть эти знакомые вещи, с которыми она никогда не думала расстаться. А ведь за все эти годы ей так и не удалось узнать фамилию священника, пожелтевшая фотография которого висела над разбитой фисгармонией рядом с цветной литографией святой Маргариты-Марии Алакок^[1]. Он был школьным товарищем отца. Показывая фотографию гостям, отец говорил небрежным тоном:

– Он сейчас в Мельбурне.

Она согласилась уехать, покинуть дом. Разумно ли это? Она пробовала обдумать свое решение со всех сторон. Дома по крайней мере у нее есть крыша над головой и кусок хлеба; есть те, с кем она прожила всю жизнь. Конечно, работать приходилось много, и дома, и на службе. Что будут говорить в магазине, когда узнают, что она убежала с молодым человеком? Может быть, назовут ее дурочкой; а на ее место возьмут кого-нибудь по объявлению. Мисс Гэйвен обрадуется. Она вечно к ней придиралась, особенно когда поблизости кто-нибудь был.

– Мисс Хилл, разве вы не видите, что эти дамы ждут?

– Повеселее, мисс Хилл, сделайте одолжение.

Не очень-то она будет горевать о магазине.

Но в новом доме, в далекой незнакомой стране все пойдет по-другому. Тогда она уже будет замужем – она, Эвелин. Ее будут уважать тогда. С ней не будут обращаться так, как обращались с матерью. Даже сейчас, несмотря на свои девятнадцать с лишним лет, она часто побаивается грубости отца. Она уверена, что от этого у нее и сердцебиения начались. Пока они подрастали, отец никогда не бил ее так, как он бил Хэрри и Эрнста, потому что она была девочка; но с некоторых пор он начал грозить, говорил, что не бьет ее только ради покойной матери. А защитить ее теперь некому. Эрнст умер, а Хэрри работает по украшению церквей и постоянно в разъездах. Кроме того, непрерывная грызня из-за денег по субботам становилась просто невыносимой. Она всегда отдавала весь свой заработок – семь шиллингов, и Хэрри всегда присылал сколько мог, но получить деньги с отца стоило больших трудов. Он говорил, что она транжирка, что она безмозглая,

что он не намерен отдавать трудовые деньги на мотовство, и много чего другого говорил, потому что по субботам с ним вовсе сладу не было. В конце концов он все-таки давал деньги и спрашивал, собирается ли она покупать провизию к воскресному обеду. Тогда ей приходилось сломя голову бегать по магазинам, проталкиваться сквозь толпу, крепко сжав в руке черный кожаный кошелек, и возвращаться домой совсем поздно, нагруженной покупками. Тяжело это было – вести хозяйство, следить, чтобы двое младших ребят, оставленных на ее попечение, вовремя ушли в школу, вовремя поели. Тяжелая работа – тяжелая жизнь, но теперь, когда она решилась уехать, эта жизнь казалась ей не такой уж плохой.

Она решилась отправиться вместе с Фрэнком на поиски другой жизни. Фрэнк был очень добрый, мужественный, порядочный. Она непременно уедет с ним вечерним пароходом, станет его женой, будет жить с ним в Буэнос-Айресе, где у него дом, ожидающий ее приезда. Как хорошо она помнит свою первую встречу с ним; он жил на главной улице в доме, куда она часто ходила. Казалось, что это было всего несколько недель назад. Он стоял у ворот, кепка съехала у него на затылок, клок волос спускался на бронзовое лицо. Потом они познакомились. Каждый вечер он встречал ее у магазина и провожал домой. Повел как-то на «Цыганочку»^[2], и она чувствовала такую гордость, сидя рядом с ним на непривычно хороших для нее местах. Он очень любил музыку и сам немножко пел. Все знали, что он ухаживает за ней, и, когда Фрэнк пел о девушке, любившей моряка^[3], она чувствовала приятное смущение. Он прозвал ее в шутку Маковкой. Сначала ей просто льстило, что у нее появился поклонник, потом он стал ей нравиться. Он столько рассказывал о далеких странах. Он начал с юнги, служил за фунт в месяц на пароходе линии Аллен^[4], ходившем в Канаду. Перечислял ей названия разных пароходов, на которых служил, названия разных линий. Он плавал когда-то в Магеллановом проливе и рассказывал ей о страшных патагонцах. Теперь, по его словам, он обосновался в Буэнос-Айресе и приехал на родину только в отпуск. Отец, конечно, до всего докопался и запретил ей даже думать о нем.

– Знаю я эту матросню, – сказал он.

Как-то раз отец повздорил с Фрэнком, и после этого ей пришлось встречаться со своим возлюбленным украдкой.

Вечер на улице сгущался. Белые пятна двух писем, лежавших у нее на коленях, расплылись. Одно было к Хэрри, другое – к отцу. Ее любимцем был Эрнст, но Хэрри она тоже любила. Отец заметно постарел за последнее время; ему будет недоставать ее. Иногда он может быть очень добрым. Не так давно она, больная, пролежала день в постели, и он читал ей рассказ о привидениях и поджаривал гренки в очаге. А еще как-то, когда мать была жива, они ездили на пикник в Хаут-Хилл^[5]. Она помнила, как отец напялил на себя шляпу матери, чтоб посмешить детей.

Время шло, а она все сидела у окна, прислонившись головой к занавеске, вдыхая запах пропыленного кретона. С улицы издалека доносились звуки шарманки. Мелодия была знакомая. Как странно, что шарманка заиграла ее именно в этот вечер, чтобы напомнить ей про обещание, данное матери, – обещание как можно дольше не бросать дом. Она вспомнила последнюю ночь перед смертью матери: она снова была в тесной и темной комнате по другую сторону передней, а на улице звучала печальная итальянская песенка. Шарманщику велели тогда уйти и дали ему шесть пенсов. Она вспомнила, как отец с самодовольным видом вошел в комнату больной, говоря:

– Проклятые итальянцы! И сюда притащились.

И жизнь матери, возникшая перед ней, пронзила печалью все ее существо – жизнь, полная незаметных жертв и закончившаяся безумием. Она задрожала, снова услышав голос матери, твердивший с тупым упорством: «Конец удовольствию – боль! Конец

удовольствию – боль!» Она вскочила, охваченная ужасом. Бежать! Надо бежать! Фрэнк спасет ее. Он даст ей жизнь, может быть, и любовь. Она хочет жить. Почему она должна быть несчастной? Она имеет право на счастье. Фрэнк обнимет ее, прижмет к груди. Он спасет ее.

Она стояла в суетливой толпе на пристани в Норт-Уолл. Он держал ее за руку, она слышала, как он говорит, без конца рассказывает что-то о путешествии. На пристани толпились солдаты с вещевыми мешками. В широкую дверь павильона она увидела стоящую у самой набережной черную громаду парохода с освещенными иллюминаторами. Она молчала. Она чувствовала, как побледнели и похолодели у нее щеки, и, теряясь в своем отчаянии, молилась, чтобы бог вразумил ее, указал ей, в чем ее долг. Пароход дал в туман протяжный, заунывный гудок. Если она поедет, завтра они с Фрэнком уже будут в открытом море на пути к Буэнос-Айресу. Билеты уже куплены. Разве можно отступать после всего, что он для нее сделал? Отчаяние вызвало у нее приступ тошноты, и она не переставая шевелила губами в молчаливой горячей молитве.

Звонок резанул ее по сердцу. Она почувствовала, как Фрэнк сжал ей руку.
– Идем!

Волны всех морей бушевали вокруг ее сердца. Он тянет ее в эту пучину; он утопит ее. Она вцепилась обеими руками в железные перила.

– Идем!

Нет! Нет! Нет! Это невысказано. Ее руки судорожно ухватились за перила. И в пучину, поглощавшую ее, она кинула вопль отчаяния.

– Эвелин! Эви!

Он бросился за барьер и звал ее за собой. Кто-то крикнул на него, но он все еще звал. Она повернула к нему бледное лицо, безвольно, как беспомощное животное. Ее глаза смотрели на него не любя, не прощаясь, не узнавая.

Примечания

[1] Маргарита-Мария Алакок (1647-1690) – монахиня, учредительница одного из наиболее популярных культов в католической церкви – культа Святого сердца.

[2] Наиболее известная опера ирландского композитора и оперного певца Майкла Уильяма Балфа (1808-1870) на сюжет одноименной новеллы М. Сервантеса.

[3] «Подружка моряка», песня английского композитора и драматурга Чарльза Дибдина (1745-1814). [4] Морская трасса, соединявшая Англию с Канадой и США.

[5] Небольшая гора на берегу Дублинского залива.

Ваш комментарий

Рэй Брэдбери «Каникулы»

День был свежий – свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опускались на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, ее создавали пчелы и цветы, суша и океан, все, что двигалось, порхало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и все двигалось. Море было беспокойно, и море молчало. Парадокс, сплошной парадокс, безмолвие срасталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчелы маленькими каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой, пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины, дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась, петляя, потом терялась в мгlistых даях; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далеких гор.

Неожиданно рельсы задрожали. Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забилося чье-то сердце.

Черный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина, в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

На этой маленькой четырехколесной дрезине, на обращенной в две стороны двойной скамейке, защищенные от солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развеивал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперед. Иногда, на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально, и все время настроенно — что дальше?

На ровной прямой мотор вдруг закашлялся и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось — это покой, излучаемый морем, землей и небом, затормозил и пресек вращение колес.

— Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горючее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушенный гром, шепот, слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зеленых водорослей, пены.

— Море красивое, правда? — сказала женщина.

— Мне нравится, — сказал мальчик.

— Может быть, заодно сделаем привал и поедем?

Мужчина навел бинокль на зеленый полуостров вдали.

— Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придется ждать, пока я исправлю.

— Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! — сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьезные, пытливые глаза на мужчину.

— Сколько мы проехали сегодня?

— Неполных девяносто миль. — Мужчина все еще напряженно глядел в бинокль. —

Больше, по-моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. Послезавтра будем в Монтерее, на следующий день, если хочешь, в Пало Альто.

Женщина развязала ярко-желтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла ее с золотистых волос и, покрытая легкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясучей дрезине, что все тело пропиталось ее ровным ходом. Теперь,

когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

— Давайте есть!

Мальчик бегом отнес корзинку с припасами на берег. Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нем был строгий костюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сэндвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зеленых баночек, он понемногу отпускал галстук и расстегивал жилет, все время озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

— Мы одни, папа? — спросил мальчик, не переставая жевать.

— Да.

— И больше никого, нигде?

— Больше никого.

— А прежде на свете были люди?

— Зачем ты все время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

— Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вовсе забываю. — Мальчик просеял между пальцами горсть песка. — Людей было столько, сколько песка тут на пляже? А что с ними случилось?

— Не знаю, — ответил мужчина, и это была правда.

В одно прекрасное утро они проснулись и мир был пуст. Висела бельевая веревка соседей, и ветер трепал ослепительно белые рубашки, как всегда поутру блестели машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свидания», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и даже не развертывая ее, не глядя на заголовки, сказал:

— Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

— Да, до чего дошло, — подхватила она. — И не остановишь. Как же мы глупы, правда?

— А замечательно было бы... — Он раскурил свою трубку. — Проснуться завтра, и во всем мире ни души, начинай все сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

— Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

— Наверно, да, — ответил он. — Без насилия. Просто все исчезнет с лица земли. Оставить землю и море, и все что растет — цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Все оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

— Но мы-то должны остаться. — Она тихо улыбнулась.

— Хорошо было бы. — Он задумался. — Впереди — сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов.

Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзину с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свернутая газета.

Наконец она сказала:

— А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они проснулись и услышали мягкие звуки земли, которая теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, вьюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно, должно

быть потому, что уже столько лет не любили город и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

— Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они завтракали не торопясь, потому что мальчик еще спал, потом муж выпрямился и сказал:

— Теперь мне надо придумать, что делать.

— Что делать? Как... разве ты не пойдешь на работу?

— Ты все еще не веришь, да? — Он засмеялся. — Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Всё, занятия кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпустили, милая, и мы никогда не вернемся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине. Пошли!

И он повел ее по пустым и безмолвным улицам города.

— Они не умерли, — сказал он. — Просто... ушли.

— А другие города?

Он зашел в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско. Молчание. Молчание. Молчание.

Все, — сказал он, вешая трубку.

— Я чувствую себя виноватой, — сказала она. — Их нет, а мы остались. И... я радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

— Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучали. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность — быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

— Но... но тогда нам нужно заводить еще детей?

— Чтобы снова населить мир? — Он медленно, спокойно покачал головой. — Нет. Пусть

Джим будет последним. Когда он состарится и умрет, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут. А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города, совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнем наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и пока он полчаса один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блокноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки. Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы. Соленый ветер разносил запах горячего дегтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцем по своему карманному атласу.

— Через месяц, в мае, доберемся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сиятл. Пробудем там до первого июля, июль хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно, в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь поохотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошел к самой воде и бросал палки в море, потом сам же бегал за ними, изображая ученую собаку.

Отец продолжал:

— Зимуем в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной — вдоль побережья, в июне попадем, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года — как ты насчет того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку — превосходно, поедем

по ней до конца, посмотрим, куда она ведет. Когда-нибудь, честное слово, пойдем на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршрут — находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьезные глаза его подозрительно блестели. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул ее руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

— Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью все каким-то образом вернулось на свои места. Все нелепости, шум и гам, ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бестолковые дети, вся эта катавасия, мелочность, суета, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула. И тут оба вздрогнули. Потому что между ними (когда он пришел?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледно. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там где оставила след слезинка.

— Ты... — сказал он и вздохнул. — Ты... Папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать. Муж хотел взять руку мальчика. Мальчик отскочил назад.

— Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны!

Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами.

Мать хотела пойти за ним, но отец ее удержал.

— Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил ее железным колпачком, взял покрепче, размахнулся — и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море. Что, думала она, что он написал на бумажке? Что там, в бутылке?

Бутылка плыла по волнам. Мальчик перестал плакать. Потом он отошел от воды и остановился около родителей, глядя на них, лицо ни просветлевшее, ни мрачное, ни живое, ни убитое, ни решительное, ни отрешенное, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку — бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

Он написал наше желание? — думала женщина.

Написал то, о чем мы сейчас говорили, нашу мечту? Или написал что-то свое, пожелал для себя одного, чтобы проснуться завтра утром — и он один в безлюдном мире, больше никого, ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, никаких глупых взрослых с их глупыми желаниями, подошел к рельсам и сам, в одиночку, повел дрезину через одичавший материк, один отправился в нескончаемое путешествие, и где захотел — там и привал.

Это или не это? Наше или свое?..

Она долго глядела в его лишенные выражения глаза, но не прочла ответа, а спросить не решилась.

Тени чаек парили в воздухе, осеняя их лица мимолетной прохладой.

— Пора ехать, — сказал кто-то.

Они поставили корзину на платформу. Женщина покрепче привязала шляпу к волосам желтой лентой, ракушки сложили кучкой на доски, муж надел галстук, жилет, пиджак и шляпу, и все трое сели на скамейку, глядя в море, — там, далеко, у самого горизонта, поблескивала бутылка с запиской.

— Если попросить — исполнится? — спросил мальчик. — Если загадать — сбудется?

пробовать грунт, делать лунки, бросать семена, сажать саженцы, заботливо приминая землю вокруг, поливать и идти дальше, тихонько насвистывая и поглядывая на светлеющий край неба, — завтра снова будет жаркий день.

— Тебе тоже нужен кислород, — сказал он, обращаясь к костру, озорному румянолицему другу, который, хоть и не прочь укусить за палец, делит с тобой ночлег, и в темноте прохладной ночи его сонный розовый глазок излучает благодатное тепло. — Нам всем нужен кислород, а его так мало на Марсе. От этого быстро устаешь. Здесь как в высоких Андах, в Южной Америке. Хочешь вдохнуть полной грудью, а воздуха-то нет!

Так и остаешься ни с чем.

Он ощупал себя руками — его грудная клетка заметно расширилась за эти тридцать дней на Марсе. Здесь необходимо тренировать легкие, чтобы они набирали побольше воздуха. Или же сажать деревья — как можно больше деревьев!

— Теперь тебе понятно, зачем я здесь, — сказал он. Костер стрельнул в ответ. — В школе нам рассказывали о парне по прозвищу Джонни Яблочное Семечко. Он прошел всю Америку и везде сажал яблоневые деревья. Мое дело поважнее. Я сажаю дубы, вязы, клены — все деревья, какие есть, — осину, гималайский кедр, каштан. Вместо плодов, чтобы утолить голод, люди получают свежий воздух, чтобы дышать. Когда эти деревья вырастут, представляешь, сколько они дадут кислорода!

Он вспомнил день, когда прибыл на Марс. Вместе с тысячами других он смотрел на тихое марсианское утро и думал: «Приживусь ли я здесь? Что ждет меня? Найду ли дело по душе?»

А потом он потерял сознание.

Кто-то сунул ему под нос флакончик с нашатырным спиртом, и, закашлявшись, он пришел в себя.

— Ничего страшного, — успокоил его врач.

— Что со мной?

— Слишком разреженный воздух. Многие не выдерживают. Думаю, вам лучше вернуться на Землю.

— Нет! — Он сел, но тут же снова потемнело в глазах, и Марс дважды обернулся вокруг своей оси. Ноздри жадно раздулись, когда он попытался втянуть в легкие воздух, которого не было. — Ничего, обойдется. Я должен остаться здесь.

Его больше не трогали. Он лежал, судорожно открывая рот, как рыба, выброшенная на берег, и думал: «Воздух, воздух, воздух! Меня отправят обратно, потому что здесь нет кислорода».

Повернув голову, он посмотрел на марсианские равнины и холмы. Дурнота прошла, и теперь, когда он мог все хорошенько разглядеть, его поразило, что вокруг ни клочка зелени, куда ни глянь — пусто. Казалось, земля сама себя прокляла — черная, плодородная земля, но на ней даже трава не растет. «Воздух», — думал он, со свистом втягивая пустоту. На вершинах холмов или у их подножий, где ложатся тени, даже у ручья — ни деревца, ни травинки. Ну конечно же! Он понимал, что ответ подсказал ему не разум, а боль в груди и пересохшем горле. Был он неожиданным, как глоток кислорода, способный снова поставить его на ноги. Здесь нужны деревья, нужна трава! Он посмотрел на свои руки, повертел ими — ладони вверх, ладони вниз. Надо посадить здесь деревья, посеять траву! Это и будет его делом. Он бросит вызов всему, что может помешать остаться здесь. Пойдет на то, что объявит Марсу войну, и это будет зеленая война. Вот она, древняя марсианская почва. На ней когда-то росли леса, такие древние, что в конце концов выродились и исчезли. А что, если снова посадить здесь деревья, например те, что растут на Земле? Роскошные мимозы, плакучие ивы, магнолии и красавцы эвкалипты? Что будет тогда? Кто знает, какие богатства таит в себе эта земля, какие силы остались в ней нетронутыми, потому что древние папоротники, цветы, кустарники и деревья, отжив свой век, погибли.

— Помогите мне встать! — крикнул он. — Я должен видеть Координатора.

Они с Координатором проговорили все утро — и все о том, что должно расти здесь, зеленеть, цвести. Пройдут месяцы, а то и годы, прежде чем на Марсе начнутся массовые посадки деревьев. Продукты питания доставляются с Земли в замороженном виде в ракетах-рефрижераторах, похожих на ледяные сосульки. Правда, кое-где в поселках уже выращивают овощи в гидропонных теплицах.

— А пока возьмитесь-ка за это дело вы, — заключил Координатор. — Дадим вам семян, кое-какой инвентарь. На ракетах не хватает места, чтобы доставить все необходимое. Первые поселки строились все больше возле шахт да рудников, так что, боюсь, ваше начинание мало кто поймет или поддержит... На это не рассчитывайте.

— Значит, вы мне разрешаете?

Он получил разрешение, а также мотоцикл, прицеп которого был доверху наполнен отборными семенами и саженцами, и отправился в путь. В пустынной долине он оставил мотоцикл и дальше пошел пешком.

Прошло уже тридцать дней, и за это время он ни разу не оглянулся назад. Оглянуться — означало бы потерять веру. Сушь стояла невиданная, семена едва ли дали ростки. Может, все, что он затеял, ради чего целый месяц трудился, не разгибая спины, напрасно. Он смотрел только вперед, когда шагал под жарким солнцем по дну широкой долины, все дальше от Первого Города, и надеялся на дождь.

Над голыми, иссушенными солнцем вершинами клубились облака, и он натянул на себя одеяло. Марс непредсказуем, как само время. Он чувствовал, как раскаленные вершины отдают тепло холодному воздуху ночи, и думал о тучной, черной, как чернила, марсианской почве, такой черной и блестящей, что, казалось, она оживет и зашевелится, если зажать ее в ладони. Она так плодородна, что, если посадить на ней бобы, стебли будут гигантского роста, а из лопнувших стручков на землю, как ядра, будут падать зерна невиданной величины, сотрясая все вокруг.

Костер, затухая, спрятался в золу. Воздух дрогнул от грохота далекой колесницы. Гром. Неожиданно потянуло речной прохладой. «Сегодня ночью», — подумал он и высвободил руку из-под одеяла, чтобы проверить, не пошел ли дождь. — Сегодня ночью.» Что-то легонько ударило по лбу, и он проснулся.

Струйка влаги сбежала по носу и смочила губы. Еще одна капля попала прямо в глаз и на миг ослепила, другая ударила по подбородку.

Дождь.

Прохладный, ласковый, неторопливый, он падал с неба, как живительный эликсир, пахнувший колдовством и звездами, свежим воздухом и пряным ароматом прибитой дождем пыли, легкий на вкус, как доброе вино.

Дождь.

Он сел. Одеяло сползло с плеч, и синяя холщовая рубаха мигом потемнела на спине. А дождь набирал силу, капли становились все тяжелее. По костру будто кто-то заплясал, да так лихо, что вскоре от него осталась лишь сердито шипящая струйка дыма. Шел дождь. Огромный купол небосвода треснул и раскололся на шесть темно-голубых осколков, посыпавшихся вниз, будто разбили прекрасную, покрытую глазурью вазу. При вспышке молнии он увидел мириады дождевых капель, кристаллами застывших в воздухе, словно ждущих, что их запечатлеет невидимый фотограф. А потом темнота и шум дождя. Он промок до нитки, но продолжал сидеть, подставив лицо дождю, и смеялся, наслаждаясь тем, как капли бьют по его сомкнутым векам. Наконец, довольный, он хлопнул в ладоши, вскочил и обошел свой маленький лагерь. Был час ночи.

Дождь шел без малого два часа, а потом прекратился. Высыпали звезды, чистые, умытые и такие яркие, каких еще не бывало.

Переодевшись во все сухое, Бенджамин Дрисколл снова улегся и, счастливый, уснул. Солнце поднялось над холмами, неторопливо послало свои лучи на землю и разбудило Дрисколла.

МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОТКРЫТОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Преступление и Наказание – вечная тема» (преступление и наказание как явление социальное и нравственное, совесть и стыд, ответственность, раскаяние)

Автор-составитель: **Кривошапко Елена Васильевна**, учитель русского языка и литературы МБОУ «Ялтинская средняя школа-лицей №9»

Содержание

Комментарий ФИПИ
Примерные темы
Основные определения
Мудрые мысли
Литературные источники
Цитатный материал
Ф. Достоевский «Преступление и наказание»
А. Чехов «Рассказ старшего садовника»
В. Вересаев «Звезда»
М. Кубеев «Первый в истории убийца!»
В. Шукшин «Материнское сердце»

КОММЕНТАРИЙ ФИПИ

Тематическое направление предлагает осмыслить «преступление» и «наказание» как социальные и нравственные явления, соотнести их с понятиями закона, совести, стыда, ответственности, раскаяния.

Темы сочинений позволят анализировать и оценивать поступки человека с правовой и этической точек зрения. В рассуждениях можно касаться таких проблем, как ответственность за сделанный выбор, последствия преступления для окружающих и самопреступника, возмездие и муки совести и др.

Многообразны литературные источники, рассматривающие вечную тему с научной точки зрения (юридической, психологической, социальной, философской). Богата названной проблематикой публицистическая, мемуарная и, конечно, художественная литература, в которой особое место занимает роман «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, 200-летний юбилей со дня рождения которого все человечество будет отмечать в конце 2021 г.

НЕОБХОДИМЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

- (уголовное преступление) **правонарушение (общественно опасное деяние)**, совершение которого влечёт применение к лицу мер **уголовной ответственности**. Преступления могут выделяться из общей массы правонарушений по формальному признаку (установление за них **уголовного наказания**, запрещённость **уголовным законом**), а также по материальному признаку (высокая степень опасности их для общества, существенность причиняемых ими нарушений **правопорядка**) (Википедия).
- **Общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности.** Совершить п. Государственное п. (посягательство на интересы государства). Должностное п. Преступления против человечества (преступления против мира, военные преступления, преступления против человечности: подготовка и ведение агрессивных войн, применение средств массового уничтожения людей, военные акции против мирного населения, грабежи, убийства и другие злодеяния, расизм, геноцид, апартеид). («Толковый словарь русского языка» С.И.Ожегов)
- **Общественно опасное действие (или бездействие), нарушающее существующий правопорядок и подлежащее уголовной ответственности (юр.). Совершить преступление.** Состав преступления. Преступление по должности. Поймать кого-нибудь на месте преступления (в том месте и в тот момент, когда совершается преступление). перен. Неправильное, вредное поведение. С таким голосом не учиться петь - это преступление. Больше, чем провинность или нарушение; во-первых, потому, что преступление – это одновременно и то и другое (тогда как не всякая провинность – нарушение и не всякое нарушение – провинность); во-вторых, в силу своей тяжести. Преступление есть грубое попрание права и морали в их наиболее существенной части. Вот почему безусловным примером преступления является убийство, а самым тяжким преступлением – преступление против человечества. («Философский словарь» А. Конт-Спонвиля)

Синонимы к слову «преступление»

- беззаконие, биоцид, вина, воровство, грешок, законопреступление, злодейский поступок, злодейство, злодеяние, злоупотребление, киберпреступление, криминал, лиходейство, наркопреступление, подделка, подлог, политпреступление, правонарушение, преступное деяние, провинность, разбой, уголовщина, фальшивомонетничество, фелония, черное дело, членовредительство (словарь синонимов).

Эпитеты к слову «преступление»

- Бандитское, безрассудное, бесчеловечное, гнусное, грубое, грязное, дикое, дьявольское, жестокое, жуткое, зверское, злодейское, изуверское, коварное, кровавое, крупное, мерзкое, наглое, невольное, нечеловеческое, низменное, омерзительное, опасное, отвратительное, серьезное, сознательное, страшное, тайное, тяжкое, ужасное, циничное, чудовищное.

НАКАЗАНИЕ

- Взыскание, налагаемое имеющим право, власть или силу, на того, кто совершил преступление или проступок; кара. Тяжкое наказание. Налгать на кого-нибудь наказание.

Заслужить наказание. Подвергнуться наказанию за что-нибудь. Телесное наказание (причинение физических страданий, преим. побоев).

2. перен. Расплата. Болезнь послужила ему наказанием за неосторожность. («Большой толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушаков)

- мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключающаяся в предусмотренном законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного. Перечень видов наказаний, расположенный в порядке их тяжести, закреплен в ст. 44 УК. К ним отнесены: а) штраф; б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; в) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; г) обязательные работы; д) исправительные работы; е) ограничение по воинской службе; ж) конфискация имущества; з) ограничение свободы; и) арест; к) содержание в дисциплинарной воинской части; л) лишение свободы; м) пожизненное лишение свободы; н) смертная казнь. Перечень этих видов наказания является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Исчерпывающий и обязательный для судов перечень видов наказаний, установленный действующим уголовным законодательством образует систему наказаний (Из книги «Элементарные начала общей теории права» *И.В. Гойман-Калинский*).

НАКАЗАНИЕ — англ. punishment; нем. Strafe. 1. Нанесение физического, материального или морального ущерба за совершение преступления. 2. Форма соц. контроля, к-рая состоит в отрицатель — ном санкционировании соц. неодобряемого поведения.

(«Социологический словарь» Николас Аберкромби)

- НАКАЗАНИЕ — В широком смысле слова неблагоприятное последствие для лица, совершившего порицаемый поступок; в правоприменительной и правотворческой практике — мера государственного принуждения, применяемого по приговору суда к лицам... Словарь по конституционному праву
- НАКАЗАНИЕ, наказания, ср. 1. Взыскание, налагаемое имеющим право, власть или силу, на того, кто совершил преступление или проступок; кара. Тяжкое наказание. Налгать на кого-нибудь наказание. Заслужить наказание. Подвергнуться наказанию за что-нибудь. («Большой толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушаков)
- Мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда (ст. 43 УК РФ). н. применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных УК РФ лишении или ограничении прав и свобод этого лица. цели... (Большой юридический словарь)
- Мера воздействия на того, кто совершил проступок, преступление. Не пустили гулять в н. за шалость. Заслуженное н. Тяжёлое н. 2. перен. О ком-чёмн. трудном, тяжёлом, неприятном (разг.). Н. мне с ним. Не ребёнок, а н. Что за н.! Н. ты моё! (выражение осуждения). («Толковый словарь русского языка» С.И.Ожегов)
- Наставление, научение, вразумление. Краткий церковнославянский словарь

Синонимы к слову «наказание»

Статья, расчет, плата, ссылка, промывка мозгов, штраф, казнь, санкция, взыскание, репрессия, расправа, выговор, проклятие, кара, возмездие, бич, мойка, расплата, проклятье, пеня, опала, вливание, разделка, примочка, нагоняй, воздаяние, темная,

оштрафовать, карательная мера, епитимья, харакири, огреть, уголовка, наказание, египетская казнь, расправа короткая.

Эпитеты к слову «наказание»

- Безжалостное, бесчеловечное, божеское, божье, варварское, глупое, гуманное, драконовское, дьявольское (разг.), жесткое, жестокое, зверское (разг.), легкое, мучительное, мягкое, незаслуженное, нелепое, немилосердное, несправедливое, нечеловеческое, позорное, постыдное, праведное (устар.), разумное, резкое (устар.), свирепое, слабое, снисходительное, спартанское, справедливое, страшное, строгое, суровое, тяжелое, тяжкое, ужасное, чувствительное, чудовищное. Административное, домашнее, партийное, телесное, уголовное, условное и т. п.

ЗАКОН

- Не зависящая ни от чьей воли, объективно наличествующая непреложность, заданность, сложившаяся в процессе существования данного явления, его связей и отношений с окружающим миром. Законы природы. Законы движения планет. 3. общественного развития. Законы рынка. 2. Постановление государственной власти, нормативный акт, принятый государственной властью; установленные государственной властью общеобязательные правила. Конституция основной з. государства. Соблюдать законы. 3. Общеобязательное и непреложное правило. Законы нравственности. Неписанные законы (сложившиеся нравственные устои, нормы). 4. Общее название основных принципов и идей религиозного вероучения, свод правил какой-н. религии. 3. Божий (род. п. Закона Божия; православное вероучение; также такой предмет) («Толковый словарь русского языка» С.И.Ожегов).
- 1. Постоянное и необходимое отношение, связь между явлениями, существующая в объективном мире независимо от человеческого сознания (филос.). «Понятие закона есть одна из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового процесса.» Ленин. Закон природы. Законы мышления. Законы диалектики. | Общее положение какой-нибудь науки, являющееся результатом осмысления и обобщения отдельных наблюдений, исследований (научн.). Закон сохранения энергии. Закон всемирного тяготения. Законы рынка. Фонетический закон. 2. Установленное государственной властью общеобязательное правило, регулирующее какую-нибудь область общественно — правовых отношений (юр.). Кодекс законов о труде. Новый закон о подоходном налоге. Действовать согласно закону. Нельзя отговариваться незнанием законов. Нарушение законов преследуется по суду. | Предписание, веление, обладающее безусловной авторитетностью и имеющее значение нормы жизненного поведения (·книж.). Решение партии — закон для каждого коммуниста. Слово отца было для меня законом. «Для старика была закон ее младенческая воля». Пушкин. | Общепринятое правило общественного поведения, обычай социального быта (·книж.). Законы гостеприимства, вежливости. 3. преим. мн. Основные правила, вытекающие из свойств какого-нибудь дела и необходимые для его выполнения (книж.). Соблюдать законы грамматики. Изучать законы контрапункта. Мастерское знание законов полемики. Маэстро объяснил любителям основные правила и законы шахматной игры. Законы стрельбы в цель. 4. только ед. Система нравственных и обрядовых правил. («Большой толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушаков)

Синонимы к слову «закон»

Принцип, правило, элементарный, заповедь, предписание, законность, установление, требование, адат, узаконение, уложение, законоположение, статут, капитулярий, принцип, логика, закономерность, элементарный, узаконение, постановление, декрет, уложение, устав, регламент, заповедь, адат, догмат, учение, вера, правило, норма, обыкновенный (Словарь синонимов)

Эпитеты к слову «закон»

Безусловный, великий, вечный, всеобщий, естественный, железный (Словарь эпитетов русского языка).

СТЫД

- Чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины. Испытывать с. Гореть (сгорать) от стыда (испытывать сильный стыд; разг.). Ни стыда, ни совести нет у кого-н. (совершенно бессовестен; разг.). К стыду своему (признаваясь в своей неправоте). 2. Позор, бесчестье. С. и срам так поступать! («Толковый словарь русского языка» С.И.Ожегов).
- 1. Чувство смущения, раскаяния от сознания предосудительности поступка. «Он проснетс я с содроганьем, полон страха и стыда.» Пушкин. «Слезы потекли еще обильнее, но уже н е от злости, а от любви и стыда.» Л.Толстой. «Я просто сгорел со стыда, когда он стал рас писывать Бегушеву наше дурацкое дело.» Писемский. Ни стыда, ни совести. Ложный сты д.
2. Позор, бесчестье. «Стыд пал на седую голову мою». Даль. Стыд и срам.
3. То же, что срам во 2 знач. (прост.). Стыд прикрыть. («Большой толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушаков)
- Стыд — эмоция, возникающая в результате осознания человеком реального или мнимого несоответствия его поступков или тех или иных индивидуальных проявлений принятым в данном обществе и разделяемым им самим нормам, требованиям морали. (Психологический словарь)

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

- Необходимость, обязанность отдавать кому-н. Отчет в своих действиях, поступках. Чувство ответственности. Нести о. За что-н. Привлечь к ответственности (заставить отвечать за плохой ход дела, за проступки; офиц.). Возложить о. На кого-н.(офиц.). («Толковый словарь русского языка» С.И.Ожегов)
- Положение, при котором лицо, выполняющее какую-нибудь работу, обязано дать полный отчет в своих действиях и принять на себя вину за все могущие возникнуть последствия в исходе порученного дела, в выполнении каких-нибудь обязанностей, обязательств. («Большой толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушаков)
- Отношение зависимости человека от чего-то, что воспринимается им в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий. (Философский словарь)
- Осуществляемый в различных формах контроль над деятельностью субъекта с точки зрения выполнения им принятых норм и правил; различают внешние формы контроля, обеспечивающие возложение на субъекта ответственности за результаты его деятельности

и внутренние формы саморегуляции его деятельности (чувство ответственности, чувство долга).(Психологический словарь)

РАСКАЯНИЕ

- Сожаление по поводу своего поступка и чувство вины за его последствия. Означает признание своей вины в чём-либо, обычно с просьбой о прощении. (Википедия)
- Чувство сожаления по поводу своего поступка, проступка. («Толковый словарь русского языка» С.И.Ожегов).
- Действие и состояние по гл. раскаяться-раскаиваться, сожаление о совершенном дурном, неправильном, ошибочном поступке. «Того змия воспоминаний, того раскаянье грызет.» («Большой толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушаков) мучительное чувство, связанное с мыслью о том, что дело идет не так, как оно – в соответствии с совестью – должно было бы идти. В раскаянии содержится намерение в будущем следовать голосу совести.

СОВЕСТЬ

- Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом. («Толковый словарь русского языка» С.И.Ожегов).
Синонимы: стыд, ответственность, убежденность.
Эпитеты: больная, взбаламученная (разг.), возмущенная, глубокая, глухая, дремлющая, забывчивая, кристальная, кристально-чистая, непогрешимая, беспокойная, нечистая, потерянная, потревоженная, пробудившаяся, продажная, проснувшаяся, растревоженная, растяжимая, резиновая, сговорчивая, спокойная, черная, чистая, щекотливая (устар.).

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

1. От чего предостерегает нас роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»?
2. Кого убивает Раскольников: себя или старушонку?
3. Почему в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» 1 часть посвящена преступлению и 5 наказанию?
4. Что толкает человека на преступление?
5. Есть ли преступление, которое можно оправдать?
6. Как Вы понимаете утверждение Достоевского «Пусть присяжные прощают преступников, но беда, если преступники сами начнут прощать себя»?
7. Как совесть помогает человеку совершать выбор между добром и злом?
8. Всегда ли после совершенного преступления наступает раскаяние?
9. Согласны ли вы с утверждением Аристотеля, что «совесть — это правильный суд доброго человека»?
10. Действительно ли «преступление есть протест против ненормального социального устройства»?
11. Согласны ли вы с утверждением французского философа и писателя Шарля Луи Монтескье, что «законы должны иметь для всех одинаковый смысл»?
12. Опасно ли утверждение некоторых людей о том, что они живут по собственным законам?
13. Прав ли английский писатель Сомерсет Моэм, который утверждает, что «человек может поступать как ему угодно, если он согласен нести за это ответственность».
14. Согласны ли вы, что оправдательные приговоры поощряют безнаказанность?

15. Что может остановить человека, решившегося на преступление?
16. Есть ли разница между наказанием и мстью?

ТЕЗИСЫ

1. Что посеешь, то и пожнешь.
2. Не рой яму другому, сам в нее попадешь.
3. Обесценивание человеческой жизни недопустимо.
4. Даже если человек готов нести ответственность за свои поступки, он не должен преступать закон и нарушать моральные нормы.
5. Свобода человека заканчивается там, где начинается ущемление прав другого.
6. Совесть – надежный помощник в минуту нравственного выбора.
7. Раскаяние – это чувство, которое может воскресить человека к новой жизни.
8. Общество тогда станет совершенным, когда закон будет един для всех.
9. Совершая преступление, человек, несомненно, разрушает себя.
10. Человек, воспитанный в любви и уважении к ближним, не сможет нанести им вред.
11. Высокомерие и гордыня побуждают человека к преступлению против общества.
12. Переступая через свои нравственные принципы, человек обрекает себя на муки совести и раскаяние.
13. Никакой высокой целью нельзя оправдать убийство человека.

МУДРЫЕ МЫСЛИ

1. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе. Ветхий Завет
2. Не убивай. Ветхий Завет
3. Не прелюбодействуй. Ветхий Завет
4. Не кради. Ветхий Завет
5. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего. Ветхий Завет
6. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего. Ветхий Завет
7. Виновный боится закона, невинный — судьбы. Сир Публий
8. Всякому приходится расплачиваться за свои грехи. Петроний Арбитр
9. Гораздо тяжелее кажется то наказание, которое назначается мягким человеком. Сенека младший
10. Если хочешь быть беспристрастным судьей, смотри не на обвинителя, а на самое дело. Эпиктет
11. За преступлением следует наказание. Гораций
12. Лишь временной бывает безнаказанность. Сир Публий
13. Наказывай не только за проступок, но и за намерение. Периандр из Коринфа
14. Не наказывай грозным бичом того, кто заслуживает лишь плетки. Гораций
15. Преступник может иногда избежать наказания, но не страха перед ним. Сенека младший
16. Простив проступок, побуждаешь к худшему. Сир Публий
17. Первое наказание для виновного заключается в том, что он не может оправдаться перед собственным судом. Ювенал
18. Судья, осуждающий невинного, осуждает самого себя. Сир Публий
19. Щадя преступников, вредят честным людям. Сенека младший
20. Без совести и при большом уме не проживешь. Максим Горький

21. Внушения совести в связи с раскаянием и чувством долга являются важнейшими различиями между человеком и животным. Чарлз Дарвин
22. Голос чистой совести приятнее ста голосов славы. Пьер Буаст
23. Наша совесть — судья непогрешимый, пока мы не убили ее. Оноре Бальзак
24. Не сближайся с людьми, у которых слишком гибка совесть. Эжен Делакруа
25. Самую сильную черту отличия человека от животных составляет нравственное чувство, или совесть. И господство его выражается в коротком, но могучем и крайне выразительном слове «должен». Чарлз Дарвин
26. Раскаиваться хорошо, но не делать зла еще лучше. Гюстав Флобер
27. Трудись, чтобы в твоей душе не умерли те крошечные искры небесного огня, что зовутся совестью. Джордж Вашингтон
28. Честь — это внешняя совесть, а совесть — это внутренняя честь. Артур Шопенгауэр
29. Тот, кто сеет зло, — пожинает раскаяние. Саади
30. Чистосердечное раскаяние ничем не отличается от любого хорошего поступка: оно тоже приносит награду. Пьер Огюстен Бомарше
31. Раскаиваться на публике значит не раскаиваться ни в чем. Элиас Канетти
32. Беззаконие никому не может быть зачтено в заслугу, не может вызвать к себе уважения. Александр Казбеги
33. Когда будут справедливы законы, будут справедливы и люди. Анатоль Франс
34. Закон есть высшее проявление человеческой мудрости, использующее опыт людей на благо общества. Сэмюэл Джонсон
35. Истинное равенство граждан состоит в том, чтобы все они одинаково были подчинены законам. Жан Лерон Д'Аламбер
36. Стыд — это страх перед людьми, совесть — страх перед Богом. Иероним Стридонский
37. Стыдись грешить, но не стыдись каяться. Иоанн Златоуст
38. Стыд есть драгоценнейшая способность человека ставить свои поступки в соответствие с требованиями той высшей совести, которая завещана историей человечества. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
39. Чем больше человек стыдится, тем больше он заслуживает уважения. Джордж Бернард Шоу
40. Стыд перед людьми — хорошее чувство, но лучше всего стыд перед самим собой. Лев Николаевич Толстой
41. Каждый человек несет ответственность перед всеми людьми за всех людей и за всё. Ф.М. Достоевский
42. Ответственность и свобода составляют духовную сферу человека. *Виктор Франкл*
43. Только там, где мы несем ответственность за свои действия, где наша жертва свободна и добровольна, решения, принимаемые нами, могут считаться моральными. Фридрих Август фон Хайек
44. Кто не карает зла, тот способствует его свершению. Леонардо да Винчи
45. Кто ждет наказания, тот наказан, а кто заслужил его, тот ждет непременно. Когда совесть нечиста, можно остаться безнаказанным, а уверенным нельзя. Сенека Луций Анней (Младший)
46. Первое наказание для виновного заключается в том, что он не может оправдаться перед собственным судом. Ювенал Децим Юний
47. Наказание должно преподать урок тем, кто не желает грешить. Карл Краус

48. Сделайте так, чтобы наказание за проступок было не вне, а внутри виновного — и вы дойдете до идеала нравственного воспитания. Николай Иванович Пирогов
49. Не замышляй против ближнего твоего зла, когда он без опасения живет с тобой.
50. Между мстостью и наказанием есть разница: наказание производится ради наказуемого, а мщение ради мстящего, чтобы утолить его гнев. Аристотель
51. Тот, кто замышляет месть, растравляет свои раны, которые иначе уже давно бы исцелились и зажили. Фрэнсис Бэкон

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы»
А.С.Пушкин «Капитанская дочка», ода «Вольность», «Дубровский»
М.Ю.Лермонтов «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Герой нашего времени»
А.П.Чехов «Рассказ старшего садовника», «Пари».
Л.Н.Тостой «Война и мир»
В.А.Каверин «Два капитана»
А.И.Куприн «Олеся»
М.А.Булгаков «Мастер и Маргарита»
А.Грин «Алые паруса»
М.Горький «На дне», «Старуха Изергиль»
Н.В.Гоголь «Шинель», «Ревизор»
А.Дюма «Граф Монте-Кристо»
А.Н.Островский «Гроза»
В.М.Шукшин «Материнское сердце»
М.А.Шолохов «Тихий Дон»
В.Шекспир «Гамлет»
О. Уайльд «Портрет Дориана Грея»
А. Платонов «Юшка»
Н.С. Лесков «Очарованный странник», «Леди Макбет Мценского уезда»
А. Конан Дойл «Рассказы о Шерлоке Холмсе»
Агата Кристи романы об Эркюле Пуаро, рассказы, пьеса «Свидетель обвинения»
Борис Акунин романы о приключениях Эраста Фандорина, романы с участием монахини Пелагеи.

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ

ТЕКСТ № 1 Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»

Великий роман великого писателя был создан в то время, когда в России активно развивалось капиталистическое общество, значительным было социальное расслоение, в воздухе витали различные индивидуалистические и рационалистические идеи, пришедшие из западной идеологии. Одна из таких идей легла в основу теории главного героя – бывшего студента юридического факультета Петербургского университета, Родиона Романовича Раскольникова.

Фрагмент № 1. Разговор студента и офицера

...Раскольников в последнее время стал суеверен. Следы суеверия оставались в нем еще долго спустя, почти неизгладимо. И во всём этом деле он всегда потом склонен был видеть некоторую как бы странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений. Еще зимой один знакомый ему студент, Покорев, уезжая в Харьков, сообщил ему как-то в разговоре адрес старухи Алены Ивановны, если бы на случай пришлось ему что заложить. Долго он не ходил к ней, потому что уроки были и как-нибудь да пробивался. Месяца полтора назад он вспомнил про адрес; у него были две вещи, годные к закладу: старые отцовские серебряные часы и маленькое золотое колечко с тремя какими-то красными камешками, подаренное ему при прощании сестрой, на память. Он решил отнести колечко; разыскав старуху, с первого же взгляда, еще ничего не зная о ней особенного, почувствовал к ней непреодолимое отвращение, взял у нее два «билетика» и по дороге зашел в один плохонький трактиришко. Он спросил чаю, сел и крепко задумался. Странная мысль наклеивалась в его голове, как из яйца цыпленок, и очень, очень занимала его.

Почти рядом с ним на другом столике сидел студент, которого он совсем не знал и не помнил, и молодой офицер. Они сыграли на бильярде и стали пить чай. Вдруг он услышал, что студент говорит офицеру про процентщицу, Алену Ивановну, коллежскую секретаршу, и сообщает ему ее адрес. Это уже одно показалось Раскольникову как-то странным: он сейчас оттуда, а тут как раз про нее же. Конечно, случайность, но он вот не может отвязаться теперь от одного весьма необыкновенного впечатления, а тут как раз ему как будто кто-то подслуживается: студент вдруг начинает сообщать товарищу об этой Алене Ивановне разные подробности.

– Славная она, – говорил он, – у ней всегда можно денег достать. Богата как жид, может сразу пять тысяч выдать, а и рублевым залогом не брезгает. Наших много у ней перебивало. Только стерва ужасная...

И он стал рассказывать, какая она злая, капризная, что стоит только одним днем просрочить заклад, и пропала вещь. Дает вчетверо меньше, чем стоит вещь, а процентов по пяти и даже по семи берет в месяц и т. д. Студент разболтался и сообщил, кроме того, что у старухи есть сестра, Лизавета, которую она, такая маленькая и гаденькая, бьет поминутно и держит в совершенном порабощении, как маленького ребенка, тогда как Лизавета, по крайней мере, восьми вершков росту...<...>

Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зазору совести, – с жаром прибавил студент.

Офицер опять захохотал, а Раскольников вздрогнул. Как это было странно!

– Позволь, я тебе серьезный вопрос задать хочу, – загорячился студент. – Я сейчас, конечно, пошутил, но смотри: с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная, которая сама не знает, для чего живет, и которая завтра же сама собой умрет. Понимаешь? Понимаешь?

– Ну, понимаю, – отвечал офицер, внимательно уставясь в горячившегося товарища.

– Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! Сто, тысячу добрых дел и начинаний, которые можно устроить и поправить на старухины деньги, обреченные в монастырь! Сотни, тысячи, может быть, существований, направленных на дорогу; десятки семейств, спасенных от нищеты, от разложения, от гибели, от разврата, от венерических больниц, – и всё это на ее деньги. Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить

потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленище тысячами добрых дел? За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика! Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. Она чужую жизнь заедает: она наемни Лизавете палец со зла укусила; чуть-чуть не отрезали!

– Конечно, она недостойна жить, – заметил офицер, – но ведь тут природа.

– Эх, брат, да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках. Без этого ни одного бы великого человека не было. Говорят: «долг, совесть», – я ничего не хочу говорить против долга и совести, – но ведь как мы их понимаем? Стой, я тебе еще задам один вопрос. Слушай!

– Нет, ты стой; я тебе задам вопрос. Слушай!

– Ну!

– Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?

– Разумеется, нет! Я для справедливости... Не во мне тут и дело...

– А по-моему, коль ты сам не решаешься, так нет тут никакой и справедливости! Пойдем еще партию!

Раскольников был в чрезвычайном волнении. Конечно, всё это были самые обыкновенные и самые частые, не раз уже слышанные им, в других только формах и на другие темы, молодые разговоры и мысли. Но почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... такие же точно мысли? И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. Станным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...

Комментарий

Проблема: ценность человеческой жизни; деление людей на достойных жить и недостойных, социальная несправедливость, причины, которые толкают человека на совершение преступления.

Тезис: люди есть разные: хорошие и плохие, добрые и злые, милосердные и жестокие – но никому не дано право решать, кто из них достоин жить, а кто нет. Недопустимо обесценивать человеческую жизнь.

Родион Раскольников стал случайным свидетелем разговора о старухе-процентщице, у которой только что побывал и заложил ей кольцо, подаренное сестрой. Этот разговор оказал большое влияние на молодого человека, уже и так некоторое время одержимого одной странной идеей. Разговор воплотил в словесную форму те мысли, которые волновали юношу. Молодой студент в разговоре делит людей на 2 разряда: «с одной стороны, глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, больная старушонка, никому не нужная», «с другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду!» Вроде бы и правильное деление, действительно в жизни есть и противные старушонки и замечательные, талантливые молодые люди. Да, мир состоит из разных людей, да, всем бы хотелось, чтобы добрых, честных и справедливых

было бы больше, с этим не поспоришь. Но есть одно но! Кто дал нам право решать, кто из этих хороших и плохих, «нужных» и «ненужных» достоин жить? Никто! Мы такого права не имеем! Нельзя забывать важные нравственные истины, которые проверены даже не веками – тысячелетиями! Одна из библейских заповедей, которую произносит Иисус в Нагорной проповеди, гласит: «Не судите, да не судимы будете» (Матф.7,1). Рассуждая так, как студент, мы обесцениваем человеческую жизнь, что недопустимо.

Оппонентом в разговоре является офицер, он вроде бы согласен, что есть и хорошие, и плохие, и достойные, и недостойные, но что поделать, если так создан мир, от этого не уйти: «... но ведь тут природа», - замечает он. «Эх, брат, да ведь природу поправляют и направляют, а без этого пришлось бы потонуть в предрассудках. Без этого ни одного бы великого человека не было», - студент высказывает мысль, которая будет очень популярна в 20 веке – это идея сверхчеловека, сверхнации... Мы прекрасно знаем, сколько человеческих жизней было уничтожено, пока нацистская Германия «природу поправляла». К сожалению, и сейчас идея поделить народ на тех, кто достоин жить, и тех, кто нет, еще живет в умах некоторых людей, подтверждением тому могут служить чудовищные по своей сути поступки молодых людей в Керчи, в Казани и в Перми. Приведенный фрагмент показывает нам, насколько гениален был Ф. М. Достоевский, понявший губительную суть капитализма с его несправедливостью, жадной наживы, жестоким социальным расслоением общества. Великий писатель в романе «Преступление и наказание» предупреждает о том, что высказанная студентом мысль («Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!») может завладеть умами многих и, соответственно, принести много горя.

Следует отметить, что таких, как студент, разглагольствующих на разные, не самые гуманные темы людей много, но не все пойдут на самом деле убивать «ничтожную старушонку». Однако зерно, брошенное на благодатную почву, дает свои плоды. Так получилось и с главным героем романа. Раскольников задумывается, «...почему именно теперь пришлось ему выслушать именно такой разговор и такие мысли, когда в собственной голове его только что зародились... такие же точно мысли? И почему именно сейчас, как только он вынес зародыш своей мысли от старухи, как раз и попадает он на разговор о старухе?.. Станным всегда казалось ему это совпадение. Этот ничтожный, трактирный разговор имел чрезвычайное на него влияние при дальнейшем развитии дела: как будто действительно было тут какое-то предопределение, указание...». Эти слова позволяют нам задуматься еще и о том, что толкает человека на преступление? Как неосторожны иногда бываем мы в своих словах и мыслях, не думаем об их последствиях. Трудно устроен человек, его душа, сознание, нам не дано знать, что будет той отправной точкой, которая навсегда изменит жизнь преступившего закон. Этот человек, подобно Родиону Раскольникову, будет не раз задавать себе вопросы: почему я это сделал, как дошел до такого, почему разрешил себе пролить кровь другого человека?

Из произведения мы знаем, что причин, толкнувших Раскольникова на преступление было много. Это и свойства его характера, о которых говорят разные люди, в том числе самые близкие («оба вы меланхолики, оба угрюмые и вспыльчивые, оба высокомерные и оба великодушные», - говорит мать Раскольникова о своих детях; «Она знала к тому же его тщеславие, заносчивость, самолюбие и неверие», - это характеристика, которую дает сестра Дуня; «Полтора года я Родиона знаю: угрюм, мрачен, надменен и горд», - так характеризует друга Разумихин; «От бога вы отошли, и вас бог поразил, дьяволу предал!» - говорит Соня), и социальные условия, в которых

находится Раскольников (нищета собственная, доведенная до крайней степени (ходит в лохмотьях, несколько месяцев не платит за квартиру, нет денег на еду), и место, где он снимает квартиру (район полон питейных заведений и домов терпимости), и несчастная судьба семьи Мармеладовых, и Соня, которая вынуждена жертвовать собой, чтобы прокормить семью, и сестра, которая подобно Соне, готова пожертвовать собой и выйти замуж за нелюбимого человека, чтобы спасти семью от нищеты, - все это вызывает в Раскольникове бунт против несправедливости, творящейся в мире. Молодой талантливый и образованный человек создает ужасную теорию, которая рождается в его голове в то время, когда он живет в комнатке, похожей на гроб, на шкаф. Это замкнутое пространство, словно в клетку, запирает душу Раскольникова, живую и сострадательную, и рождает в его уме уродливое создание, в основе которого лежит превосходство одних над другими...

ФРАГМЕНТ № 2. Теория Раскольникова (разговор Порфирия Петровича и Раскольникова о статье)

– Видишь, Родион: слушай и скажи свое мнение. <...>Началось с воззрения социалистов. Известно воззрение: **преступление есть протест против ненормальности социального устройства** – и только, и ничего больше, и никаких причин больше не допускается, – и ничего!..<...>всё у них потому, что «среда заела», – и ничего больше! Любимая фраза! **Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными. Натура не берется в расчет, натура изгоняется, натуры не полагается!** У них **не человечество, разившись историческим, живым путем до конца, само собою обратится наконец в нормальное общество, а, напротив, социальная система**, выйдя из какой-нибудь математической головы, тотчас же и устроит всё человечество и в один миг сделает его праведным и безгрешным, раньше всякого живого процесса, **без всякого исторического и живого пути!** Оттого-то они так инстинктивно и не любят историю: «безобразия одни в ней да глупости» – и всё одною только глупостью объясняется! **Оттого так и не любят живого процесса жизни: не надо живой души! Живая душа жизни потребует, живая душа не послушается механики, живая душа подозрительна, живая душа ретроградна!** А тут хоть и мертвечинкой припахивает, из каучука сделать можно, – зато не живая, зато без воли, зато рабская, не взбунтуется!

– Вообразите, – обернулся он (П.П.) к Раскольникову, – вот так же вчера вечером, в одной комнате, в шесть голосов, да еще пуншем напоил предварительно, – можете себе представить? Нет, брат, ты врешь: «среда» многое в преступлении значит; это я тебе **подтвержу.**

– И сам знаю, что много, да ты вот что скажи: сорокалетний бесчестит десятилетнюю девочку, – среда, что ль, его на это понудила?

– А что ж, оно в строгом смысле, пожалуй, что и среда, – с удивительною важностью заметил Порфирий, – преступление над девочкой очень и очень даже можно «средой» объяснить.

Разумихин чуть в бешенство не пришел<...>

– По поводу всех этих вопросов, преступлений, среды, девочек мне (П.П.) вспомнилась теперь, – а впрочем, и всегда интересовала меня, – одна ваша статейка: «О преступлении», или как там у вас, забыл название, не помню. Два месяца назад имел удовольствие в «Периодической речи» прочесть.

– Моя статья? В «Периодической речи»? – с удивлением спросил Раскольников, – я действительно написал, полгода назад, когда из университета вышел, по поводу одной книги, одну статью, но я снес ее тогда в газету «Еженедельная речь», а не в «Периодическую».

– А попала в «Периодическую».<...>

– А вы почему узнали, что статья моя? Она буквой подписана.

– А случайно, и то на днях. Через редактора; я знаком... Весьма заинтересовался.

– Я рассматривал, помнится, психологическое состояние преступника в продолжение всего хода преступления.

– Да-с, и настаиваете, что акт исполнения преступления сопровождается всегда болезнью. Очень, очень оригинально, но... меня, собственно, не эта часть вашей статейки заинтересовала, а некоторая мысль, пропущенная в конце статьи, но которую вы, к сожалению, проводите только намеком, неясно... Одним словом, если припомните, **проводится некоторый намек на то, что существуют на свете будто бы некоторые такие лица, которые могут... то есть не то что могут, а полное право имеют совершать всякие бесчинства и преступления, и что для них будто бы и закон не писан.** Раскольников усмехнулся усиленному и умышленному искажению своей идеи.

– Как? Что такое? Право на преступление? Но ведь не потому, что «заела среда»? – с каким-то даже испугом осведомился Разумихин.

– Нет, нет, не совсем потому, – ответил Порфирий. – Всё дело в том, что **в ихней статье все люди как-то разделяются на «обыкновенных» и «необыкновенных». Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют права переступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные.** Так у вас, кажется, если только не ошибаюсь?

– **Да как же это? Быть не может, чтобы так!** – в недоумении бормотал Разумихин.

Раскольников усмехнулся опять. Он разом понял, в чем дело и на что его хотят натолкнуть; он помнил свою статью. Он решился принять вызов.

– Это не совсем так у меня, – начал он просто и скромно. – Впрочем, признаюсь, вы почти верно ее изложили, даже, если хотите, и совершенно верно... (Ему точно приятно было согласиться, что совершенно верно). Разница единственно в том, что я вовсе не настаиваю, чтобы необыкновенные люди непременно должны и обязаны были творить всегда всякие бесчинства, как вы говорите. Мне кажется даже, что такую статью и в печать бы не пропустили. Я просто-запросто намекнул, что **«необыкновенный» человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует.** Вы изволите говорить, что статья моя неясна; я готов ее вам разъяснить, по возможности. Я, может быть, не ошибусь, предполагая, что вам, кажется, того и хочется; извольте-с. **По-моему, если бы Кеплеровы и Ньютоновы открытия вследствие каких-нибудь комбинаций никоим образом не могли бы стать известными людям иначе как с пожертвованием жизни одного, десяти, ста и так далее человек, мешавших бы этому открытию или ставших бы на пути как препятствие, то Ньютон имел бы право, и даже был бы обязан... устранить этих десять или сто человек, чтобы сделать известными свои открытия всему человечеству. Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право**

убивать кого вздумается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре. Далее, помнится мне, я развиваю в моей статье, что все... ну, например, хоть законодатели и установители человечества, начиная с древнейших, продолжая Ликургами, Солонами, Магометами, Наполеонами и так далее, все до единого были преступники, уже тем одним, что, давая новый закон, тем самым нарушали древний, свято чтимый обществом и от отцов перешедший, и, уж конечно, не останавливались и перед кровью, если только кровь (иногда совсем невинная и доблестно пролитая за древний закон) могла им помочь. Замечательно даже, что большая часть этих благодетелей и установителей человечества были особенно страшные кровопроливцы. Одним словом, я вывожу, что и все, не то что великие, но и чуть-чуть из колени выходящие люди, то есть чуть-чуть даже способные сказать что-нибудь новенькое, должны, по природе своей, быть непременно преступниками, – более или менее, разумеется. Иначе трудно им выйти из колени, а оставаться в колее они, конечно, не могут согласиться, опять-таки по природе своей, а по-моему, так даже и обязаны не соглашаться. Одним словом, вы видите, что до сих пор тут нет ничего особенно нового. Это тысячу раз было напечатано и прочитано. Что же касается до моего деления людей на обыкновенных и необыкновенных, то я согласен, что оно несколько произвольно, но ведь я же на точных цифрах и не настаиваю. Я только в главную мысль мою верю. Она именно состоит в том, что люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унижительного. Второй разряд, все преступают закон, разрушители или склонны к тому, судя по способностям. Преступления этих людей, разумеется, относительноны и многообразны; большею частью они требуют, в весьма разнообразных заявлениях, разрушения настоящего во имя лучшего. Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, – смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, – это заметьте. В этом только смысле я и говорю в моей статье об их праве на преступление. (Вы припомните, у нас ведь с юридического вопроса началось). Впрочем, тревожиться много нечего: масса никогда почти не признает за ними этого права, казнит их и вешает (более или менее) и тем, совершенно справедливо, исполняет консервативное свое назначение, с тем, однако ж, что в следующих поколениях эта же масса ставит казненных на пьедестал и им поклоняется (более или менее). Первый разряд всегда – господин настоящего, второй разряд – господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели. И те, и другие имеют совершенно одинаковое право существовать. Одним словом, у меня все равносильное право имеют, и – *vive la guerre éternelle*, – до Нового Иерусалима, разумеется!

– Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим?

– Верую, – твердо отвечал Раскольников; говоря это и в продолжение всей длинной тирады своей, он смотрел в землю, выбрав себе точку на ковре.

- И-и-и в бога веруете? Извините, что так любопытствую.
- Верую, – повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.
- И-и в воскресение Лазаря веруете?
- Ве-верую. Зачем вам всё это?
- Буквально веруете?
- Буквально.
- Вот как-с... так полюбопытствовал. Извините-с. Но позвольте, – обращаюсь к давешнему, – ведь их не всегда же казнят; иные напротив...
- Торжествуют при жизни? О да, иные достигают и при жизни, и тогда...
- Сами начинают казнить?
- Если надо и, знаете, даже большею частью. Вообще замечание ваше остроумно.
- Благодарю-с. **Но вот что скажите: чем же бы отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных?** При рождении, что ль, знаки такие есть? Я в том смысле, что тут надо бы поболее точности, так сказать, более наружной определенности: извините во мне естественное беспокойство практического и благонамеренного человека, но **нельзя ли тут одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли, какие?..** Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет «устранять все препятствия», как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут...
- О, это весьма часто бывает! Это замечание ваше еще даже остроумнее давешнего..
- Благодарю-с..
- Не стоит-с; но примите в соображение, что ошибка возможна ведь только со стороны первого разряда, то есть «обыкновенных» людей (как я, может быть очень неудачно, их назвал). Несмотря на врожденную склонность их к послушанию, по некоторой игривости природы, в которой не отказано даже и корове, **весьма многие из них любят воображать себя передовыми людьми, «разрушителями» и лезть в «новое слово», и это совершенно искренно-с.** Действительно же новых они в то же время весьма часто не замечают и даже презирают, как отсталых и унижительно думающих людей. Но, по-моему, тут не может быть значительной опасности, и вам, право, нечего беспокоиться, потому что они никогда далеко не шагают. За увлечение, конечно, их можно иногда бы посесть, чтобы напомнить им свое место, но не более; тут и исполнителя даже не надо: **они сами себя посекут, потому что очень благонравны; иные друг дружке эту услугу оказывают, а другие сами себя собственноручно... Покаяния разные публичные при сем на себя налагают, – выходит красиво и назидательно, одним словом, вам беспокоиться нечего... Такой закон есть.**
- Ну, по крайней мере с этой стороны, вы меня хоть несколько успокоили; но вот ведь опять беда-с: **скажите, пожалуйста, много ли таких людей, которые других-то резать право имеют, «необыкновенных-то» этих? Я, конечно, готов преклониться, но ведь согласитесь, жутко-с, если уж очень-то много их будет, а?**
- О, не беспокойтесь и в этом, – тем же тоном продолжал Раскольников. – Вообще людей с новою мыслию, даже чуть-чуть только способных сказать хоть что-нибудь новое, необыкновенно мало рождается, даже до странности мало. Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным. Огромная масса людей, материал, для того только и существует на свете, чтобы наконец,

через какое-то усилие, каким-то таинственным до сих пор процессом, посредством какого-нибудь перекрещивания родов и пород, понатужиться и породить наконец на свет, ну хоть из тысячи одного, хотя сколько-нибудь самостоятельного человека. Еще с более широкою самостоятельностью рождается, может быть, из десяти тысяч один (я говорю примерно, наглядно). Еще с более широкою – из ста тысяч один. Гениальные люди – из миллионов, а великие гении, завершители человечества, – может быть, по истечении многих тысяч миллионов людей на земле. Одним словом, в реторту, в которой всё это происходит, я не заглядывал. Но определенный закон непременно есть и должен быть; тут не может быть случая.

– Да что вы оба, шутите, что ль? – вскричал наконец Разумихин. – Морочите вы друг друга или нет? Сидят и один над другим подшучивают! Ты серьезно, Родя?

Раскольников молча поднял на него свое бледное и почти грустное лицо и ничего не ответил. И странную показала Разумихину, рядом с этим тихим и грустным лицом, нескрываемая, навязчивая, раздражительная и невежливая язвительность Порфирия.

– Ну, брат, если действительно это серьезно, то... Ты, конечно, прав, говоря, что это не ново и похоже на всё, что мы тысячу раз читали и слышали; **но что действительно оригинально во всем этом, – и действительно принадлежит одному тебе, к моему ужасу, – это то, что все-таки кровь по совести разрешаешь, и, извини меня, с таким фанатизмом даже... В этом, стало быть, и главная мысль твоей статьи заключается. Ведь это разрешение крови по совести, это... это, по-моему, страшнее, чем бы официальное разрешение кровь проливать, законное...**

– Совершенно справедливо, – страшнее-с, – отозвался Порфирий.

– Нет, ты как-нибудь да увлекся! Тут ошибка. Я прочту... Ты увлекся! Ты не можешь так думать... Прочту.

– В статье всего этого нет, там только намеки, – проговорил Раскольников.

– Так-с, так-с, – не сиделось Порфирию, – мне почти стало ясно теперь, как вы на преступление изволите смотреть-с, но... уж извините меня за мою назойливость (беспокою уж очень вас, самому совестно!) – видите ли-с: успокоили вы меня давеча очень-с насчет ошибочных-то случаев смешения обоих разрядов, но... меня всё тут практические разные случаи опять беспокоят! **Ну как иной какой-нибудь муж, али юноша, вообразит, что он Ликург али Магомет... – будущий, разумеется, – да и давай устранять к тому все препятствия... Предстоит, дескать, далекий поход, а в поход деньги нужны... ну и начнет добывать себе для похода... знаете?**

Заметов вдруг фыркнул из своего угла. Раскольников даже глаз на него не поднял.

– Я должен согласиться, – спокойно отвечал он, – **что такие случаи действительно должны быть. Глупенькие и тщеславные особенно на эту удочку попадают; молодежь в особенности.**

– Вот видите-с. Ну так как же-с?

– Да и так же, – усмехнулся Раскольников, – **не я в этом виноват. Так есть и будет всегда.** Вот он (он кивнул на Разумихина) говорил сейчас, что я кровь разрешаю. Так что же? Общество ведь слишком обеспечено ссылками, тюрьмами, судебными следователями, каторгами, – чего же беспокоиться? И ищите вора!..

– Ну, а коль сыщем?

– Туда ему и дорога.

– Вы-таки логичны. Ну-с, а насчет его совести-то?

– Да какое вам до нее дело?

– Да так уж, по гуманности-с.

– **У кого есть она, тот страдай, коль сознает ошибку. Это и наказание ему, – oprичь каторги.**

– Ну а действительно-то гениальные, – нахмурился, спросил Разумихин, – вот те-то, которым резать-то право дано, те так уж и должны не страдать совсем, даже за кровь пролитую?

– Зачем тут слово: должны? Тут нет ни позволения, ни запрещения. **Пусть страдает, если жаль жертву... Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца.** Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть, – прибавил он вдруг задумчиво, даже не в тон разговора.

Он поднял глаза, вдумчиво посмотрел на всех, улыбнулся и взял фуражку. Он был слишком спокоен сравнительно с тем, как вошел давеча, и чувствовал это. Все встали.

– Ну-с, браните меня или нет, сердитесь иль нет, а я не могу утерпеть, – заключил опять Порфирий Петрович, – позвольте еще вопросик один (очень уж я вас беспокою-с!), одну только маленькую идейку хотел пропустить, единственно только чтобы не забыть-с...

– Хорошо, скажите вашу идейку, – серьезный и бледный стоял перед ним в ожидании Раскольников.

– Ведь вот-с... право, не знаю, как бы удачнее выразиться... идейка-то уж слишком игривенькая... психологическая-с... Ведь вот-с, когда вы вашу статейку-то сочиняли, – ведь уж быть того не может, хе-хе! чтобы вы сами себя не считали, ну хоть на капельку, – тоже человеком «необыкновенным» и говорящим новое слово, – в вашем то есть смысле-с... Ведь так-с?

– Очень может быть, – презрительно ответил Раскольников.

Разумихин сделал движение.

– А коль так-с, то неужели вы бы сами решились – ну там ввиду житейских каких-нибудь неудач и стеснений или для споспешествования как-нибудь всему человечеству – перешагнуть через препятствие-то?.. Ну, например, убить и ограбить?..

И он как-то вдруг опять подмигнул ему левым глазом и рассмеялся неслышно, – точь-в-точь как давеча.

– Если б я и перешагнул, то уж, конечно, бы вам не сказал, – с вызывающим, надменным презрением ответил Раскольников.

– Нет-с, это ведь я так только интересуюсь, собственно, для уразумения вашей статьи, в литературном только одном отношении-с...

«Фу, как это явно и нагло!» – с отвращением подумал Раскольников.

– Позвольте вам заметить, – отвечал он сухо, – что Магометом иль Наполеоном я себя не считаю... ни кем бы то ни было из подобных лиц, следственно, и не могу, не быв ими, дать вам удовлетворительного объяснения о том, как бы я поступил.

– **Ну, полноте, кто ж у нас на Руси себя Наполеоном теперь не считает?** – с страшною фамильярностью произнес вдруг Порфирий. Даже в интонации его голоса было на этот раз нечто уж особенно ясное.

– Уж не Наполеон ли какой будущий и нашу Алену Ивановну на прошлой неделе топором укокошил? – брякнул вдруг из угла Заметов.

Раскольников молчал и пристально, твердо смотрел на Порфирия. Разумихин мрачно нахмурился. Ему уж и прежде стало как будто что-то казаться. Он гневно посмотрел кругом. Прошла минута мрачного молчания. Раскольников повернулся уходить.

Комментарий

Проблема: насколько сильно социальная среда способствует совершению преступления? Социальная среда или характер человека в большей степени подталкивает человека к преступлению? Можно ли оправдывать преступления, совершенные ради великой цели? Что значит разрешить кровь по совести?

Тезис: мотивы, которые толкают человека на преступления, могут быть разные, наиболее важные среди них, несомненно, психологическое и психическое состояние человека (одержимость определенной идеей), черты характера и социальный статус.

Приведенный фрагмент текста – один из наиболее важных эпизодов романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Мы видим философский спор о природе преступления и возможности разрешить «кровь по совести» ради достижения каких-то великих целей. Начинает разговор приятель Раскольникова – Разумихин. Он критикует идеи социалистов о том, что преступление – протест против «ненормальности социального устройства» и если изменить его, сделать жизнь человека комфортной, то отпадет и желание совершать преступление: «Отсюда прямо, что если общество устроить нормально, то разом и все преступления исчезнут, так как не для чего будет протестовать, и все в один миг станут праведными». Друг Раскольникова считает, что общество может стать гармоничным и жить без преступлений только тогда, когда человечество нравственно созреет для этого. Вероятно, эти утверждения были близки самому автору. Думаю, это правильное суждение, потому что есть много примеров, когда человек живет достаточно благополучно, имеет хорошую работу, зарплату, бытовые условия, но все равно совершает преступления: берет взятки, приветствует коррупцию, считает себя сильным мира сего и потому часто преступает закон. К сожалению, и в социалистическом обществе, которое на протяжении более чем 70 лет существовало в нашей стране, совершались разные преступления. Таким образом, все-таки не изменение социального строя или материального положения человека кардинально влияет на рост преступности или ее спад, а внутренняя убежденность в недопустимости такого поступка.

Центральную и главную часть приведенного фрагмента текста составляет диалог, который ведут следователь Порфирий Петрович и убийца Раскольников. За полгода до совершения преступления Родион Романович написал статью, в которой рассуждал о природе преступления и психологическом портрете преступника. В этой статье в «намёках», как он говорит, переданы основные мысли его теории. Теория ужасная не только потому, что она делит людей на разряды (это противостоит христианской морали, где все люди братья, которые должны возлюбить ближнего как самого себя), но и потому, что она разрешает ради великой цели пролить кровь человека: «необыкновенный» человек имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия, и единственно в том только случае, если исполнение его идеи (иногда спасительной, может быть, для всего человечества) того потребует». Чуждость этой идеи поражает Разумихина, он представить себе не может, что есть какие-то великие цели, которые стоят выше человеческой жизни, что совет разрешает преступать закон... Действительно, какой-то оксюморон получается: совесть человека – основа нравственности, а у Раскольникова совесть не просто молчит, когда человек совершает преступление, а разрешает его, оправдывает... Права была Соня Мармеладова, когда сказала Раскольникову, что он отступил от Бога и поэтому его дьявол к себе принял.

В диалоге Порфирий Петрович поднимает еще один важный вопрос, он спрашивает Раскольникова о жалости, сострадании и раскаянии. Это следовательно делает не случайно, поскольку хорошо знает психологию преступника и понимает, что совесть все равно молчать не будет. Раскольникову эти вопросы явно неприятны: «Да какое вам до нее (совести преступника) дело?» Раскольников не отрицает, что и великие преступники могут испытывать жалость к своей жертве, страдать – это и есть для них истинное наказание, однако могут и не испытывать такого чувства, т.к. цель-то велика! Важное замечание делает Достоевский устами Раскольникова: «такие случаи действительно должны быть. Глупенькие и тщеславные особенно на эту удочку попадают; молодежь в особенности. <... > не я в этом виноват. Так есть и будет всегда». Ф.М. Достоевский словно предугадал, что появятся молодые люди, одержимые похожими идеями, и еще на раз вспомним мы идейного преступника Родиона Романовича Раскольникова, бывшего студента...

Фрагмент № 3. Сон Раскольникова о смеющейся старухе.

Он забылся; странным показалось ему, что он не помнит, как мог он очутиться на улице. Был уже поздний вечер. Сумерки сгущались, полная луна светлела всё ярче и ярче; но как-то особенно душно было в воздухе. Люди толпой шли по улицам; ремесленники и занятые люди расходились по домам, другие гуляли; пахло известью, пылью, стоячею водой. Раскольников шел грустный и озабоченный: он очень хорошо помнил, что вышел из дому с каким-то намерением, что надо было что-то сделать и поспешить, но что именно — он позабыл. Вдруг он остановился и увидел, что на другой стороне улицы, на тротуаре, стоит человек и машет ему рукой. Он пошел к нему через улицу, но вдруг этот человек повернулся и пошел как ни в чем не бывало, опустив голову, не оборачиваясь и не подавая вида, что звал его. «Да полно, звал ли он?» — подумал Раскольников, однако ж стал догонять. Не доходя шагов десяти, он вдруг узнал его и — испугался; это был давешний мещанин, в таком же халате и так же сгорбленный. Раскольников шел издали; сердце его стучало; повернули в переулок — тот всё не оборачивался. «Знает ли он, что я за ним иду?» — думал Раскольников. Мещанин вошел в ворота одного большого дома. Раскольников поскорей подошел к воротам и стал глядеть: не оглянется ли он и не позовет ли его? В самом деле, пройдя всю подворотню и уже выходя во двор, тот вдруг обернулся и опять точно как будто махнул ему. Раскольников тотчас же прошел подворотню, но во дворе мещанина уж не было. Стало быть, он вошел тут сейчас на первую лестницу. Раскольников бросился за ним. В самом деле, двумя лестницами выше слышались еще чьи-то мерные, неспешные шаги. Странно, лестница была как будто знакомая! Вон окно в первом этаже; грустно и таинственно проходил сквозь стекла лунный свет; вот и второй этаж. Ба! Это та самая квартира, в которой работники мазали... Как же он не узнал тотчас? Шаги впереди идущего человека затихли: «стало быть, он остановился или где-нибудь спрятался». Вот и третий этаж; идти ли дальше? И какая там тишина, даже страшно... Но он пошел. Шум его собственных шагов его пугал и тревожил. Боже, как темно! Мещанин, верно, тут где-нибудь притаился в углу. А! квартира отворена настежь на лестницу; он подумал и вошел. В передней было очень темно и пусто, ни души, как будто всё вынесли; тихонько, на цыпочках прошел он в гостиную: вся комната была ярко облита лунным светом; всё тут по-прежнему: стулья, зеркало, желтый диван и картинки в рамках. Огромный, круглый, медно-красный месяц глядел прямо в окна. «Это от месяца

такая тишина, — подумал Раскольников, — он, верно, теперь загадку загадывает». Он стоял и ждал, долго ждал, и чем тише был месяц, тем сильнее стучало его сердце, даже больно становилось. И всё тишина. Вдруг послышался мгновенный сухой треск, как будто сломали лучинку, и всё опять замерло. Проснувшаяся муха вдруг с налета ударилась об стекло и жалобно зажужжала. В самую эту минуту, и углу, между маленьким шкапом и окном, он разглядел как будто висящий на стене салоп. «Зачем тут салоп? — подумал он, — ведь его прежде не было...» Он подошел потихоньку и догадался, что за салопом как будто кто-то прячется. Осторожно отвел он рукою салоп и увидал, что тут стоит стул, а на стуле в уголку сидит старушонка, вся скрючившись и наклонив голову, так что он никак не мог разглядеть лица, но это была она. Он постоял над ней: «боится!» — подумал он, тихонько высвободил из петли топор и ударил старуху по темени, раз и другой. Но странно: она даже и не шевельнулась от ударов, точно деревянная. Он испугался, нагнулся ближе и стал ее разглядывать; но и она еще ниже нагнула голову. Он пригнулся тогда совсем к полу и заглянул ей снизу в лицо, заглянул и помертвел: старушонка сидела и смеялась, — так и заливалась тихим, неслышным смехом, из всех сил крепясь, чтоб он ее не услышал. Вдруг ему показалось, что дверь из спальни чуть-чуть приотворилась и что там тоже как будто засмеялись и шепчутся. Бешенство одолело его: изо всей силы начал он бить старуху по голове, но с каждым ударом топора смех и шепот из спальни раздавались всё сильнее и слышнее, а старушонка так вся и колыхалась от хохота. Он бросился бежать, но вся прихожая уже полна людей, двери на лестнице отворены настежь, и на площадке, на лестнице и туда вниз — всё люди, голова с головой, все смотрят, — но все притаились и ждут, молчат... Сердце его стеснилось, ноги не движутся, приросли... Он хотел вскрикнуть и — проснулся.

Комментарий

Проблема: страх перед разоблачением и наказанием; как разрушается человек, совершивший преступление.

Тезис: преступник и жертва навсегда вместе; совесть не дает человеку покоя, разными способами она напоминает ему о содеянном; страх перед наказанием и общественным презрением делает жизнь преступника невыносимой и уничтожает его.

В романе «Преступление и наказание» Раскольников видит несколько снов, один из самых ярких, фантастических и страшных — это сон о смеющейся старухе-процентщице. Этот сон построен по принципу антитезы: «Люди толпой шли по улицам; ремесленники и занятые люди расходились по домам, другие гуляли; <...> Раскольников шел грустный и озабоченный». Мы видим, что он одинок, он вне людей, он отторжен от общей жизни теперь навсегда, потому что он преступил нравственные нормы, которые являются базовыми для любого народа.

Раскольников, как и всякий преступник, боится наказания, поэтому ему снится мещанин, который указывает на молодого человека как на преступника: «Не доходя шагов десяти, он вдруг узнал его и — испугался; это был давешний мещанин». Во сне Раскольников опять проходит тот страшный путь, который навсегда разделит его жизнь на до и после. Он фиксирует свои ощущения: «Странно, лестница была как будто знакомая!»; «вот и второй этаж. Ба! Это та самая квартира, в которой работники мазали...»; «А! квартира отворена настежь на лестницу; он подумал и вошел». Подробно описывает автор, как поднимается по лестнице Раскольников, но, кажется, что это путь не

вверх, а напротив, вниз, поэтому так страшно и герою, и читателю: «И какая там тишина, даже страшно... Шум его собственных шагов его пугал и тревожил. Боже, как темно!»

Муха как художественная деталь тоже очень ярко выписана автором: «Проснувшаяся муха вдруг с налета ударилась об стекло и жалобно зажужжала», – даже мухе больно, и ее жалобный «голос» в сознании Раскольникова говорит о том, что убивать нельзя.

Сцена неоднократного убийства старухи во сне описана страшно, потому что это сочетание смертельного удара топором и смех, который старуха пытается сдержать. Она словно издевается над Раскольниковым, смеется над его преступлением, а он опускается перед ней все ниже и ниже: «Он постоял над ней: «боится!» — подумал он, тихонько высвободил из петли топор и ударил старуху по темени, раз и другой. Но странно: она даже и не шевельнулась от ударов, точно деревянная. Он испугался, нагнулся ближе и стал ее разглядывать; но и она еще ниже нагнула голову. Он пригнулся тогда совсем к полу и заглянул ей снизу в лицо, заглянул и помертвел: старушонка сидела и смеялась, — так и заливалась тихим, неслышным смехом, из всех сил крепясь, чтоб он ее не услышал». Так во сне совесть Раскольникова мучит его за совершенный грех, заставляет почувствовать и страх смерти, и страх всенародного презрения, навеки связывая преступника и его жертву.

И когда Раскольников дальше в романе восклицает: "Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так=таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я..." (Раскольников о себе, часть 5 глава IV), – он, конечно, отчасти прав.

Фрагмент № 4 Разговор Раскольникова и Сони (признание в убийстве)

- Говорите лучше прямо, чего вам надобно! - вскричала с страданием Соня, - вы опять на что-то наводите... Неужели вы только затем, чтобы мучить, пришли!

Она не выдержала и вдруг горько заплакала. В мрачной тоске смотрел он на нее. Прошло минут пять.<...>

Эта минута была ужасно похожа, в его ощущении, на ту, когда он стоял за старухой, уже высвободив из петли топор, и почувствовал, что уже "ни мгновения нельзя было терять более".

- Что с вами? - спросила Соня, ужасно оробевшая.

Он ничего не мог выговорить. **Он совсем, совсем не так предполагал объявить и сам не понимал того, что теперь с ним делалось.** Она тихо подошла к нему, села на постель подле и ждала, не сводя с него глаз. Сердце ее стучало и замирало. Стало невыносимо: он обернул к ней мертво-бледное лицо свое; губы его бессильно кривились, усиливаясь что-то выговорить. Ужас прошел по сердцу Сони.<...>Соня беспокойно ждала.

- Я сказал, уходя, что, может быть, прощаюсь с тобой навсегда, но что если приду сегодня, то скажу тебе... кто убил Лизавету.

Она вдруг задрожала всем телом.

- Ну так вот, я и пришел сказать.

- Так вы это в самом деле вчера... - с трудом прошептала она, - почему ж вы знаете? - быстро спросила она, как будто вдруг опомнившись.

Соня начала дышать с трудом. Лицо становилось все бледнее и бледнее.

- Знаю.

Она помолчала с минуту.

- Нашли, что ли, его? - робко спросила она.

- Нет, не нашли.

- Так как же вы про это знаете? - опять чуть слышно спросила она, и опять почти после минутного молчания.

Он обернулся к ней и пристально-пристально посмотрел на нее.

- Угадай, - проговорил он с прежнею **искривленной и бессильною улыбкой**.

Точно конвульсии пробежали по всему ее телу.

- Да вы... меня... что же вы меня так... пугаете? - проговорила она, улыбаясь как ребенок.

- Стало быть, я с ним приятель большой... коли знаю, - продолжал Раскольников, неотступно продолжая смотреть в ее лицо, точно уже был не в силах отвести глаз, - он Лизавету эту... убить не хотел... Он ее... убил нечаянно... Он старуху убить хотел... когда она была одна... и пришел... А тут вошла Лизавета... Он тут... и ее убил.

Прошла еще ужасная минута. Оба все глядели друг на друга.

- Так не можешь угадать-то? - спросил он вдруг, с тем ощущением, как бы бросался вниз с колокольни.

- Н-нет, - чуть слышно прошептала Соня.

- Погляди-ка хорошенько.

И как только он сказал это, опять одно прежнее, знакомое ощущение оледенило вдруг его душу: он смотрел на нее и вдруг, в ее лице, как бы увидел лицо Лизаветы. Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице, точь-в-точь как маленькие дети, когда они вдруг начинают чего-нибудь пугаться, смотрят неподвижно и беспокойно на пугающий их предмет, отстраняются назад и, протягивая вперед ручонку, готовятся заплакать. Почти то же самое случилось теперь и с Соней: так же бессильно, с тем же испугом, смотрела она на него несколько времени и вдруг, выставив вперед левую руку, слегка, чуть-чуть, уперлась ему пальцами в грудь и медленно стала подниматься с кровати, все более и более от него отстраняясь, и все неподвижнее становился ее взгляд на него. Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же детскою улыбкой.

- Угадала? - прошептал он наконец.

- Господи! - вырвался ужасный вопль из груди ее. Бессильно упала она на постель, лицом в подушки. Но через мгновение быстро приподнялась, быстро придвинулась к нему, схватила его за обе руки и, крепко сжимая их, как в тисках, тонкими своими пальцами, стала опять неподвижно, точно приклеившись, смотреть в его лицо. Этим последним, отчаянным взглядом она хотела высмотреть и уловить хоть какую-нибудь последнюю себе надежду. Но надежды не было; сомнения не оставалось никакого; все было так! Даже потом, впоследствии, когда она припоминала эту минуту, ей становилось и странно, и чудно: почему именно она так сразу увидела тогда, что нет уже никаких сомнений? Ведь не могла же она сказать, например, что она что-нибудь в этом роде предчувствовала? А между тем, теперь, только что он сказал ей это, ей вдруг показалось, что действительно она как будто это самое и предчувствовала.

- Полно, Соня, довольно! Не мучь меня! - страдальчески попросил он.

Он совсем, совсем не так думал открыть ей, но вышло так.

Как бы себя не помня, она вскочила и, ломая руки, дошла до середины комнаты; но быстро воротилась и села опять подле него, почти прикасаясь к нему плечом к плечу. Вдруг,

точно пронзенная, она вздрогнула, вскрикнула и бросилась, сама не зная для чего перед ним на колени.

- **Что вы, что вы это над собой сделали!** - отчаянно проговорила она и, вскочив с колен, бросилась ему на шею, обняла его и крепко-крепко сжала его руками.

Раскольников отшатнулся и с грустной улыбкой посмотрел на нее:

- Странная какая ты, Соня, - обнимаешь и целуешь, когда я тебе сказал про это. Себя ты не помнишь.

- **Нет, нет тебя несчастнее никого теперь в целом свете!** - воскликнула она, как в исступлении, не слышав его замечания, и вдруг заплакала навзрыд, как в истерике.

Давно уже незнакомое ему чувство волной хлынуло в его душу и разом размягло ее. Он не сопротивлялся ему: две слезы выкатились из его глаз и повисли на ресницах.

- **Так не оставишь меня, Соня?** - говорил он, чуть не с надеждой смотря на нее.

- Нет, нет; никогда и нигде! - вскрикнула Соня, - за тобой пойду, всюду пойду! О господи!.. Ох, я несчастная!.. И зачем, зачем я тебя прежде не знала! Зачем ты прежде не приходил? О господи!

- Вот и пришел.

- Теперь-то! О, что теперь делать!.. Вместе, вместе! - повторяла она как бы в забытьи и вновь обнимала его, - **в каторгу с тобой вместе пойду!** - Его как бы вдруг передернуло, прежняя, ненавистная и почти надменная улыбка выдавилась на губах его.

- **Я, Соня, еще в каторгу-то, может, и не хочу идти,** - сказал он.

Соня быстро на него посмотрела.

После первого, страстного и мучительного сочувствия к несчастному опять страшная идея убийства поразила ее. **В переменившемся тоне его слов ей вдруг послышался убийца.** Она с изумлением глядела на него. Ей ничего еще не было известно, ни зачем, ни как, ни для чего это было. Теперь все эти вопросы разом вспыхнули в ее сознании. И опять она не поверила: "Он, он убийца! Да разве это возможно?"

- Да что это! Да где это я стою! - проговорила она в глубоком недоумении, как будто еще не придя в себя, - да как вы, вы, такой... могли на это решиться?.. Да что это!

- Ну да, чтобы ограбить. Перестань, Соня! - как-то устало и даже как бы с досадой ответил он.

Соня стояла как бы ошеломленная, но вдруг вскричала:

- **Ты был голоден! ты... чтобы матери помочь? Да?**

- Нет, Соня, нет, - бормотал он, отвернувшись и свесив голову, - не был я так голоден... я действительно хотел помочь матери, но... и это не совсем верно... не мучь меня, Соня!

Соня всплеснула руками.

- Да неужель, неужель это все взаправду! Господи, да какая ж это правда! Кто же этому может верить?.. **И как же, как же вы сами последнее отдаете, а убили, чтоб ограбить!** А!.. - вскрикнула она вдруг, - **те деньги, что Катерине Ивановне отдали... те деньги... Господи, да неужели ж и те деньги...**

- **Нет, Соня,** - торопливо прервал он, - **эти деньги были не те, успокойся! Эти деньги мне мать прислала, через одного купца, и получил я их больной, в тот же день, как и отдал... Разумихин видел... он же и получал за меня... эти деньги мои, мои собственные, настоящие мои.**

Соня слушала его в недоумении и из всех сил старалась что-то сообразить.

- **А те деньги... я, впрочем, даже и не знаю, были ли там и деньги-то,** - прибавил он тихо и как бы в раздумье, - **я снял у ней тогда кошелек с шеи, замшевый... полный,**

тугой такой кошелек... да я не посмотрел в него; не успел, должно быть... Ну а вещи, какие-то все запонки да цепочки, - я все эти вещи и кошелек на чужом одном дворе, на В-м проспекте под камень схоронил, на другое же утро... Все там и теперь лежит... Соня из всех сил слушала.

- Ну, так зачем же... как же вы сказали: чтоб ограбить, а сами ничего не взяли? - быстро спросила она, хватаясь за соломинку.

- Не знаю... я еще не решил - возьму или не возьму эти деньги, - промолвил он, опять как бы в раздумье, и вдруг, опомнившись, быстро и коротко усмехнулся. - Эх, какую я глупость сейчас сморозил, а?

У Сони промелькнула была мысль: "Не сумасшедший ли?" Но тотчас же она ее оставила: нет, тут другое. Ничего, ничего она тут не понимала!

- Знаешь, Соня, - сказал он вдруг с каким-то вдохновением, - знаешь, что я тебе скажу: если б только я зарезал из того, что голоден был, - продолжал он, упирая в каждое слово и загадочно, но искренно смотря на нее, - то я бы теперь... счастлив был! Знай ты это!

- И что тебе, что тебе в том, - вскричал он через мгновение с каким-то даже отчаянием, - ну что тебе в том, если б я и сознался сейчас, что дурно сделал? Ну что тебе в этом глупом торжестве надо мною? Ах, Соня, для того ли я пришел к тебе теперь!

Соня опять хотела было что-то сказать, но промолчала.

- Потому я и звал с собою тебя вчера, что одна ты у меня и осталась.

- Куда звал? - робко спросила Соня.

- Не воровать и не убивать, не беспокойся, не за этим, - усмехнулся он едко, - мы люди разные... И знаешь, Соня, я ведь только теперь, только сейчас понял: куда тебя звал вчера? А вчера, когда звал, я и сам не понимал куда. За одним и звал, за одним приходил: не оставить меня. Не оставишь, Соня?

Она стиснула ему руку.

- И зачем, зачем я ей сказал, зачем я ей открыл! - в отчаянии воскликнул он через минуту, с бесконечным мучением смотря на нее, - вот ты ждешь от меня объяснений, Соня, сидишь и ждешь, я это вижу; а что я скажу тебе? Ничего ведь ты не поймешь в этом, а только исстрадаешься вся... из-за меня! Ну вот, ты плачешь и опять меня обнимаешь, - ну за что ты меня обнимаешь? За то, что я сам не вынес и на другого пришел свалить: "страдай и ты, мне легче будет!" И можешь ты любить такого подлеца?

- Да разве ты тоже не мучаешься? - вскричала Соня.

Опять то же чувство волной хлынуло в его душу и опять на миг размягло ее.

- Соня, у меня сердце злое, ты это заметь: этим можно многое объяснить. Я потому и пришел, что зол. Есть такие, которые не пришли бы. А я трус и... подлец! Но... пусть! все это не то... Говорить теперь надо, а я начать не умею...

Он остановился и задумался.

- Э-эх, люди мы разные! - вскричал он опять, - не пара. И зачем, зачем я пришел! Никогда не прощу себе этого!

- Нет, нет, это хорошо, что пришел! - восклицала Соня, - это лучше, чтоб я знала! Гораздо лучше!

Он с болью посмотрел на нее.

- А что и в самом деле! - сказал он, как бы надумавшись, - ведь это ж так и было! Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил... Ну, понятно теперь

- Н-нет, - наивно и робко прошептала Соня, - только... говори, говори! Я пойму, я про себя все пойму! - упрасивала она его. - Поймешь? Ну, хорошо, посмотрим!

Он замолчал и долго обдумывал.

- Штука в том: я задал себе один раз такой вопрос: что если бы, например, на моем месте случился Наполеон и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода через Монблан, а была бы вместо этих красивых и монументальных вещей просто-запросто одна какая-нибудь смешная старушонка, легистраторша, которую вдобавок надо убить, чтоб из сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну, так решился ли бы он на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился ли бы оттого, что это уж слишком не монументально и... и грешно? Ну, так я тебе говорю, что на этом "вопросе" я промучился ужасно долго, так что ужасно стыдно мне стало, когда я наконец догадался (вдруг как-то), что не только его не покоробило бы, но даже и в голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понял бы он совсем: чего тут коробиться? И уж если бы только не было ему другой дороги, то задушил бы так, что и пикнуть бы не дал, без всякой задумчивости!.. Ну и я... вышел из задумчивости... задушил... по примеру авторитета... И это точь-в-точь так и было! Тебе смешно? Да, Соня, тут всего смешнее то, что, может, именно оно так и было...

Соне вовсе не было смешно.

- Вы лучше говорите мне прямо... без примеров, - еще робче и чуть слышно попросила она.

Он повернулся к ней, грустно посмотрел на нее и взял ее за руки.

- Ты опять права, Соня. Это все ведь вздор, почти одна болтовня! Видишь: ты ведь знаешь, что у матери моей почти ничего нет. Сестра получила воспитание, случайно, и осуждена таскаться в гувернантках. Все их надежды были на одного меня. Я учился, но содержать себя в университете не мог и на время принужден был выйти. Если бы даже и так тянулось, то лет через десять, через двенадцать (если б обернулись хорошо обстоятельства) я все-таки мог надеяться стать каким-нибудь учителем или чиновником, с тысячью рублями жалованья... (Он говорил как будто заученное.) А к тому времени мать высохла бы от забот и от горя, и мне все-таки не удалось бы успокоить ее, а сестра... ну, с сестрой могло бы еще и хуже случиться!.. Да и что за охота всю жизнь мимо всего проходить и от всего отвертываться, про мать забыть, а сестрину обиду, например, почтительно перенести? Для чего? Для того ль, чтоб, их схоронив, новых нажить - жену да детей, и тоже потом без гроша и без куска оставить? Ну... ну, вот я и решил, завладев старухиными деньгами, употребить их на мои первые годы, не мучая мать, на обеспечение себя в университете, на первые шаги после университета, - и сделать все это широко, радикально, так чтоб уж совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать... Ну... ну, вот и все... Ну, разумеется, что я убил старуху, - это я худо сделал... ну, и довольно!

В каком-то бессилии дотащился он до конца рассказа и поник головой.

- Ох, это не то, не то, - в тоске восклицала Соня, - и разве можно так... нет, это не так, не так!

- Сама видишь, что не так!.. А я ведь искренно рассказал, правду!

- Да какая ж это правда! О господи!

- Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную.

- **Это человек-то вошь!**

- **Да ведь и я знаю, что не вошь, - ответил он, странно смотря на нее.** - А впрочем, я вру, Соня, - прибавил он, - давно уже вру... Это все не то; ты справедливо говоришь. Совсем, совсем, совсем тут другие причины!.. **Я давно ни с кем не говорил, Соня...** Голова у меня теперь очень болит.

Глаза его горели лихорадочным огнем. Он почти начинал бредить; беспокойная улыбка бродила на его губах. Сквозь возбужденное состояние духа уже проглядывало страшное бессилие. Соня поняла, как он мучается. У ней тоже голова начинала кружиться. И странно он так говорил: как будто и понятно что-то, но... "но как же! Как же! О господи!" И она ломала руки в отчаянии.

- Нет, Соня, это не то! - начал он опять, вдруг поднимая голову, как будто внезапный поворот мыслей поразил и вновь возбудил его, - это не то! А лучше... предположи (да! этак действительно лучше!), предположи, что я самолюбив, завистлив, зол, мерзок, мстителен, ну... и, пожалуй, еще склонен к сумасшествию. (Уж пусть все зараз! Про сумасшествие-то говорили и прежде, я заметил!) **Я вот тебе сказал давеча, что в университете себя содержать не мог. А знаешь ли ты, что я, может, и мог?** Мать прислала бы, чтобы внести, что надо, а на сапоги, платье и хлеб я бы и сам заработал; наверно! Уроки выходили; по полтиннику предлагали. **Работает же Разумихин! Да я озлился и не захотел.** Именно озлился (это слово хорошее!). **Я тогда, как паук, к себе в угол забился.** Ты ведь была в моей конуре, видела... А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят! О, как ненавидел я эту конуру! А все-таки выходить из нее не хотел. Нарочно не хотел! По суткам не выходил, и работать не хотел, и даже есть не хотел, все лежал. Принесет Настасья - поем, не принесет - так и день пройдет; нарочно со зла не спрашивал! Ночью огня нет, лежу в темноте, а на свечи не хочу заработать. Надо было учиться, я книги распродал; а на столе у меня, на записках да на тетрадах, на палец и теперь пыли лежит. Я лучше любил лежать и думать. И все думал... И все такие у меня были сны, странные, разные сны, нечего говорить какие! Но только тогда начало мне мерещиться, что... Нет, это не так! Я опять не так рассказываю! Видишь, я тогда все себя спрашивал: зачем я так глуп, что если другие глупы и коли я знаю уж наверно, что они глупы, то сам не хочу быть умнее? Потом я узнал, Соня, что **если ждать, пока все станут умными, то слишком уж долго будет...** Потом я еще узнал, что **никогда этого и не будет, что не переменятся люди, и не переделать их никому, и труда не стоит тратить!** Да, это так! Это их закон... Закон, Соня! Это так!.. И я теперь знаю, Соня, что **кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее!** Так доселе велось и так всегда будет! Только слепой не разглядит!

Раскольников, говоря это, хоть и смотрел на Соню, но уж не заботился более: поймет она или нет. Лихорадка вполне охватила его. Он был в каком-то мрачном восторге. (Действительно, он слишком долго ни с кем не говорил!) **Соня поняла, что этот мрачный катехизис стал его верой и законом.**

- Я догадался тогда, Соня, - продолжал он восторженно, - что **власть дается только тому, кто посмеет склониться и взять ее.** Тут одно только, одно: **стоит только посметь!** У меня тогда одна мысль выдумалась, в первый раз в жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывал! Никто! **Мне вдруг ясно, как солнце, представилось, что как же это ни единый до сих пор не посмел и не смеет, проходя мимо всей этой нелепости,**

взять просто-запросто все за хвост и стряхнуть к черту! Я... я захотел осмелиться и убил... я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!

- О, молчите, молчите! - вскрикнула Соня, всплеснув руками. - **От бога вы отошли, и бог вас поразил, дьяволу предал!..**

- **Кстати, Соня, это когда я в темноте-то лежал и мне все представлялось, это ведь дьявол смущал меня? а?**

- Молчите! Не смейтесь, богохульник, ничего, ничего-то вы не понимаете! О господи! Ничего-то, ничего-то он не поймет!

- Молчи, Соня, я совсем не смеюсь, **я ведь и сам знаю, что меня черт тащил.** Молчи, Соня, молчи! - повторил он мрачно и настойчиво. - **Я все знаю. Все это я уже передумал и перешептал себе, когда лежал тогда в темноте... Все это я сам с собой переспорил, до последней малейшей черты, и все знаю, все! И так надоела, так надоела мне тогда вся эта болтовня! Я все хотел забыть и вновь начать, Соня, и перестать болтать! И неужели ты думаешь, что я как дурак пошел, очертя голову? Я пошел как умник, и это-то меня и сгубило! И неужель ты думаешь, что я не знал, например, хоть того, что если уж начал я себя спрашивать и допрашивать: имею ли я право власть иметь? - то, стало быть, не имею права власть иметь. Или что если задаю вопрос: вошь ли человек? - то, стало быть, уж не вошь человек для меня, а вошь для того, кому этого и в голову не заходит и кто прямо без вопросов идет... Уж если я столько дней промучился: пошел ли бы Наполеон или нет? - так ведь уж ясно чувствовал, что я не Наполеон... Всю, всю муку всей этой болтовни я выдержал, Соня, и всю ее с плеч стряхнуть пожелал: я захотел, Соня, убить без казуистики, убить для себя, для себя одного! Я лгать не хотел в этом даже себе! Не для того, чтобы матери помочь, я убил - вздор! Не для того я убил, чтобы, получив средства и власть, сделаться благодетелем человечества. Вздор! Я просто убил; для себя убил, для себя одного: а там стал ли бы я чьим-нибудь благодетелем или всю жизнь, как паук, ловил бы всех в паутину и их всех живые соки высасывал, мне, в ту минуту, все равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? Тварь ли я дрожащая или право имею...**

- **Убивать? Убивать-то право имеете?** - всплеснула руками Соня.

- Э-эх, Соня! - вскрикнул он раздражительно, хотел было что-то ей возразить, но презрительно замолчал. - Не прерывай меня, Соня! Я хотел тебе только одно доказать: **что черт-то меня тогда потащил, а уж после того мне объяснил, что не имел я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, как и все! Насмеялся он надо мной, вот я к тебе и пришел теперь! Принимай гостя! Если б я не вошь был, то пришел ли бы я к тебе? Слушай, когда я тогда к старухе ходил, я только попробовать сходил... Так и знай!**

- **И убили! Убили!**

- **Да ведь как убил-то? Разве так убивают? Разве так идут убивать, как я тогда шел! Я тебе когда-нибудь расскажу, как я шел... Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я... Довольно, довольно, Соня, довольно! Оставь меня, - вскричал он вдруг в судорожной тоске, - оставь меня!**

Он облокотился на колена и, как в клещах, стиснул себе ладонями голову.

- Экое страдание! - вырвался мучительный вопль у Сони.

- Ну, что теперь делать, говори! - спросил он, вдруг подняв голову и с безобразно искаженным от отчаяния лицом смотря на нее.

- Что делать! - воскликнула она, вдруг вскочив с места, и глаза ее, доселе полные слез, вдруг засверкали. - **Встань!** (Она схватила его за плечо; он приподнялся, смотря на нее почти в изумлении.) **Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!" Тогда бог опять тебе жизни пошлет. Пойдешь? Пойдешь?** - спрашивала она его, вся дрожа, точно в припадке, схватив его за обе руки, крепко стиснув их в своих руках и смотря на него огненным взглядом.

Он изумился и был даже поражен ее внезапным восторгом.

- Это ты про каторгу, что ли, Соня? Донести, что ль, на себя надо? - спросил он мрачно.

- Страдание принять и искупить себя им, вот что надо.

- Нет! Не пойду я к ним, Соня.

- А жить-то, жить-то как будешь? Жить-то с чем будешь? - восклицала Соня. - Разве это теперь возможно? Ну как ты с матерью будешь говорить? (О, с ними-то, с ними-то что теперь будет!) Да что я! Ведь ты уж бросил мать и сестру. Вот ведь уж бросил же, бросил. О господи! - вскрикнула она, - ведь он уже это все знает сам! **Ну как же, как же без человека-то прожить!** Что с тобой теперь будет!

- Не будь ребенком, Соня, - тихо проговорил он. - В чем я виноват перед ними? Зачем пойду? Что им скажу? Все это один только призрак... Они сами миллионами людей изводят, да еще за добродетель почитают. Плуты и подлецы они, Соня!.. Не пойду. **И что я скажу: что убил, а денег взять не посмел, под камень спрятал?** - прибавил он с едкою усмешкой. - **Так ведь они же надо мной сами смеяться будут, скажут: дурак, что не взял. Трус и дурак!** Ничего, ничего не поймут они, Соня, и недостойны понять. Зачем я пойду? Не пойду. **Не будь ребенком, Соня...**

- Замучаешься, замучаешься, - повторяла она, в отчаянной мольбе простирая к нему руки.

- Я, может, на себя еще наклепал, - мрачно заметил он, как бы в задумчивости, - **может, я еще человек, а не вошь и поторопился себя осудить... Я еще поборюсь.**

Надменная усмешка выдавливалась на губах его.

- Этакую-то муку нести! Да ведь целую жизнь, целую жизнь!..

- Привыкну... - проговорил он угрюмо и вдумчиво. - Слушай, - начал он через минуту, - полно плакать, пора о деле: я пришел тебе сказать, что меня теперь ищут, ловят...

- Ах, - вскрикнула Соня испуганно.

- Ну что же ты вскрикнула! Сама желаешь, чтоб я в каторгу пошел, а теперь испугалась? Только вот что: я им не дамся. Я еще с ними поборюсь, и ничего не сделают. Нет у них настоящих улик. Вчера я был в большой опасности и думал, что уж погиб; сегодня же дело поправилось. Все улики их о двух концах, то есть их обвинения я в свою же пользу могу обратить, понимаешь? и обращаю; потому я теперь научился... Но в острог меня посадят наверно. Если бы не один случай, то, может, и сегодня бы посадили, наверно даже, может, еще и посадят сегодня... Только это ничего, Соня: посижу, да и выпустят... потому нет у них ни одного настоящего доказательства и не будет, слово даю. А с тем, что у них есть, нельзя упечь человека. Ну, довольно... Я только, чтобы ты знала... С сестрой и

матерью я постараюсь как-нибудь так сделать, чтоб их разуверить и не испугать... Сестра теперь, впрочем, кажется, обеспечена... стало быть, и мать... Ну, вот и все. Будь, впрочем, осторожна. Будешь ко мне в острог ходить, когда я буду сидеть?

- О, буду! Буду!

Оба сидели рядом, грустные и убитые, как бы после бури выброшенные на пустой берег одни. Он смотрел на Соню и чувствовал, как много на нем было ее любви, и странно, ему стало вдруг тяжело и больно, что его так любят. Да, это было странное и ужасное ощущение! Идя к Соне, он чувствовал, что в ней вся его надежда и весь исход; он думал сложить хоть часть своих мук, и вдруг, теперь, когда все сердце ее обратилось к нему, он вдруг почувствовал и сознал, что он стал беспримерно несчастнее, чем был прежде.

- Соня, - сказал он, - уж лучше не ходи ко мне, когда я буду в остроге сидеть.

Соня не ответила, она плакала. Прошло несколько минут.

- Есть на тебе крест? - вдруг неожиданно спросила она, точно вдруг вспомнила.

Он сначала не понял вопроса.

- Нет, ведь нет? На, возьми вот этот, кипарисный. У меня другой остался, медный, Лизаветин. Мы с Лизаветой крестами поменялись, она мне свой крест, а я ей свой образок дала. Я теперь Лизаветин стану носить, а этот тебе. Возьми... ведь мой! Ведь мой! - упрашивала она. - Вместе ведь страдать пойдем, вместе и крест понесем!..

- Дай! - сказал Раскольников. Ему не хотелось ее огорчить. Но он тотчас же отдернул протянутую за крестом руку.

- Не теперь, Соня. Лучше потом, - прибавил он, чтоб ее успокоить.

- Да, да, лучше, лучше, - подхватила она с увлечением, - как пойдешь на страдание, тогда и наденешь. Придешь ко мне, я надену на тебя, помолимся и пойдем.

Комментарий

Проблема: какие чувства испытывает преступник после совершения убийства? Каковы предпосылки убийства? Страх перед наказанием за содеянное. Когда наступает раскаяние за совершенный грех? Каковы последствия преступления для человека, решившегося на ужасный поступок?

Тезисы: человек, совершивший преступление, обрекает себя на одиночество; совесть не дает покоя преступнику; искушаясь собственным величием, человек совершает страшные поступки, за которые потом приходится долго расплачиваться.

В приведенном фрагменте из романа «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского мы можем увидеть, какие муки совести испытывает преступник. Используя прием психологизма, великий русский писатель показывает, как меняется душевное состояние Раскольникова, когда он признается в содеянном, и Сони Мармеладовой, когда она узнает правду об убийстве Лизаветы. Раскольников мучится от осознания того, что убил Лизавету, потому что она в своей кротости и смирении очень была похожа на Соню: «Он ярко запомнил выражение лица Лизаветы, когда он приближался к ней тогда с топором, а она отходила от него к стене, выставив вперед руку, с совершенно детским испугом в лице, точь-в-точь как маленькие дети, когда они вдруг начинают чего-нибудь пугаться, смотрят неподвижно и беспокорно на пугающий их предмет, отстраняются назад и, протягивая вперед ручонку, готовятся заплакать. Почти то же самое случилось теперь и с Соней: так же бессильно, с тем же испугом, смотрела она на него несколько времени и вдруг, выставив вперед левую руку, слегка, чуть-чуть, уперлась ему пальцами в грудь и медленно стала подниматься с кровати, все более и более от него отстраняясь, и

все неподвижнее становился ее взгляд на него. Ужас ее вдруг сообщился и ему: точно такой же испуг показался и в его лице, точно так же и он стал смотреть на нее, и почти даже с тою же детскою улыбкой». Раскольников мучится здесь из-за того, что он убил невинного, не случайно в этом описании часто звучит слово «дети», «детский». Ведь дети безгрешны, естественно смиренны и добры, в Библии сказано: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное... Кто умалится [смирится], как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18: 1–4). В художественном мире Достоевского образ ребенка занимает важное место, поэтому обидеть ребенка – значит совершить большой грех. Именно поэтому Раскольников кается в своем грехе, он с болью рассказывает Соне о том, как убил Лизавету. Соня видит, что он искреннен, чувствует его муку и готова помогать. Но есть тут интересный момент: Соня понимает, что наказание для Раскольникова – это каторга, и девушка (безвинная, но любящая) готова идти за ним на край света, но он не готов! Он боится каторги и вовсе не хочет туда попадать: «Я, Соня, еще в каторгу-то, может, и не хочу идти». Поразительную перемену отмечает девушка: вот только что перед ней был страдалец, оступившийся человек, мучимый совестью, а теперь «в переменившемся тоне его слов ей вдруг послышался убийца». И девушка посмотрела на него другими глазами, такого Раскольникова она еще не видела, пока она знала его справедливым и добрым. Соня пытается понять мотивы убийства: голод, желание помочь близким – все это объяснимо, страшно, но понятно, что доведенный до нищенского состояния человек может преступить закон, может даже убить с целью наживы. Однако Раскольников сам отказывается от такой версии. И мы уже в третий раз, теперь уже из уст убийцы, а не какого-то студента или из статьи, слышим историю о делении людей на разряды, о том, что есть люди, которые могут разрешить себе убить другого, только потому, что они могут себе это разрешить! Теперь Раскольников не мучится, он не понимает даже, почему ему должно быть стыдно или он должен раскаиваться в чем-то: «Я ведь только вошь убил, Соня, бесполезную, гадкую, зловредную». Вот цена человеческой жизни! Одинок ли в этом Раскольников? Увы, нет.

Каковы же истинные мотивы преступления Раскольникова? Он прямо заявляет об этом Соне: «я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил...», «я только осмелиться захотел, Соня, вот вся причина!» Конечно, обычному человеку трудно представить, как можно дойти до такого состояния, поэтому Достоевский в большом монологе Раскольникова подробно рассказывает о том, как зреет теория, как влияет на человека одиночество и замкнутое пространство, как паталогически опасно может быть отчуждение. Несколько раз в этом диалоге звучат слова о том, что Родион долго ни с кем не разговаривал, все время был погружен в свои мысли. Возможно, если бы Раскольников не был так одинок и смог поделиться своими мыслями, допустим, с Разумихиным, то, проговаривая все эти мысли, сам ужаснулся бы им и отказался от идеи проверить свою теорию на практике. Думаю, это место в романе очень важно, оно может служить предупреждением окружающим быть более внимательным к друзьям и близким (истории последних 3-х стрелков, о которых ранее упоминалось, как раз и говорят о том, что они очень похожи по своему психологическому типу на Раскольникова).

Есть еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание: одиночество человека, замышляющего преступление, опасно еще и потому, что он становится одержим своей идеей, у него нет смены обстановки, он загоняет себя в угол, как паук, и там «мрачный катехизис <становится> его верой и законом».

Мы видим, что автор психологически достоверно и убедительно показывает этапы формирования идеи наполеонизма в голове преступника.

Анализируемый фрагмент интересен не только мотивом покаяния и причинами убийства, но и мотивом наказания. Здесь мы видим и наказание, определенное законом, - каторга (которого, как мы уже знаем, Раскольников боится и не торопится прийти с повинной), и наказание нравственное – муки совести (от которого никуда не деться: «Первое наказание для виновного заключается в том, что он не может оправдаться перед собственным судом». Ювенал), и наказание социальное – отчуждение общества (Раскольникову все-таки в этом плане очень повезло, если бы не Соня, которая любила его по-настоящему, он не справился бы со сложившейся ситуацией и его путь наверняка мог быть таким же, как и путь Свидригайлова «Тут или его дорога или ее», – размышляет герой. «В результате Раскольников выбирает путь, указанный Соней. Это путь страданий во искупление собственной вины. Индивидуалистическому бунту Раскольникова Достоевский противопоставляет христианские ценности, которые проповедует всей своей жизнью Соня – любовь, самоотверженность, сострадание», - пишет Л.И. Матюшенко в статье «Анализ сюжета произведения: преступление Раскольникова, его причины, теоретическое обоснование и итоги»).

Важное место в линии наказаний занимает покаяние, которое Соня говорит сделать Раскольникову: «Ну, что теперь делать, говори! - спросил он, вдруг подняв голову и с безобразно искаженным от отчаяния лицом смотря на нее.

- Что делать! - воскликнула она, вдруг вскочив с места, и глаза ее, доселе полные слез, вдруг засверкали. - Встань! (Она схватила его за плечо; он приподнялся, смотря на нее почти в изумлении.) Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!" Тогда бог опять тебе жизни пошлет». Раскольников сделает, как советует ему Соня, но, к сожалению, это покаяние не очень тронет душу самого убийцы, конечно, ему стыдно стать перед народом на колени, ведь он мнил о себе слишком высоко, пробовал войти в разряд «право имеющих», а тут такое унижение. Это покаяние не было вызвано душевным порывом, не прошло глубоко через душу преступника, но все равно это был шаг на пути к духовному возрождению.

На протяжении всего фрагмента Ф.М. Достоевский показывает двойственность и противоречивость натуры Раскольникова, которая явно противопоставлена цельности Сони. Раскольников где-то искренен, где-то лукавит, где-то готов нести наказание, где-то, напротив, еще чувствует в себе силы «право имеющих» и не собирается отступать от своей теории (автор часто показывает это с помощью портретной характеристики героя, обратите внимание на улыбку: «искривленную и бессильную улыбкой», «и почти даже с тою же детскою улыбкой», «с грустною улыбкой посмотрел на нее», «ненавистная и почти надменная улыбка», «беспокойная улыбка»). Для Сони же все ясно: она переживает за Раскольникова, ей, несомненно, его жаль, но покаяние и каторга – единственный путь, который может вернуть Раскольникова к жизни и людям: «Страдание принять и искупить себя им, вот что надо».

Фрагмент № 5 Раскольников на каторге (эпилог)

И хотя бы судьба послала ему раскаяние — жгучее раскаяние, разбивающее сердце, отгоняющее сон, такое раскаяние, от ужасных мук которого мерещится петля и

омут! О, он бы обрадовался ему! Муки и слезы — ведь это тоже жизнь. Но он не раскаивался в своем преступлении.

По крайней мере, он мог бы злиться на свою глупость, как и злился он прежде на безобразные и глупейшие действия свои, которые довели его до острога. Но теперь, уже в остроге, на свободе, он вновь обсудил и обдумал все прежние свои поступки и совсем не нашел их так глупыми и безобразными, как казались они ему в то роковое время, прежде. «Чем, чем, — думал он, — моя мысль была глупее других мыслей и теорий, роящихся и сталкивающихся одна с другой на свете, с тех пор как этот свет стоит? Стоит только посмотреть на дело совершенно независимым, широким и избавленным от обыденных влияний взглядом, и тогда, конечно, моя мысль окажется вовсе не так... странною. О отрицатели и мудрецы в пятачок серебра, зачем вы останавливаетесь на полдороге!

Ну чем мой поступок кажется им так безобразен? — говорил он себе. — Тем, что он — злодеяние? Что значит слово „злодеяние“? Совесть моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно! Конечно, в таком случае даже многие благодетели человечества, не наследовавшие власти, а сами ее захватившие, должны бы были быть казнены при самых первых своих шагах. Но те люди вынесли свои шаги, и потому они правы, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг».

Вот в чем одном признавал он свое преступление: только в том, что не вынес его и сделал явку с повинною.

Он страдал тоже от мысли: зачем он тогда себя не убил? Зачем он стоял тогда над рекой и предпочел явку с повинною? Неужели такая сила в этом желании жить и так трудно одолеть его? Одолел же Свидригайлов, боявшийся смерти? Он с мучением задавал себе этот вопрос и не мог понять, что уж и тогда, когда стоял над рекой, может быть, предчувствовал в себе и в убеждениях своих глубокую ложь. Он не понимал, что это предчувствие могло быть предвестником будущего перелома в жизни его, будущего воскресения его, будущего нового взгляда на жизнь.<...>

В остроге, в окружающей его среде, он, конечно, многого не замечал, да и не хотел совсем замечать. Он жил, как-то опустив глаза: ему омерзительно и невыносимо было смотреть. Но под конец многое стало удивлять его, и он, как-то поневоле, стал замечать то, чего прежде и не подозревал. Вообще же и наиболее стала удивлять его та страшная, та непроходимая пропасть, которая лежала между ним и всем этим людом. Казалось, он и они были разных наций. Он и они смотрели друг на друга недоверчиво и неприязненно. Он знал и понимал общие причины такого разъединения; но никогда не допускал он прежде, чтоб эти причины были на самом деле так глубоки и сильны. Его же самого не любили и избегали все. Его даже стали под конец ненавидеть — почему? Он не знал того. Презирали его, смеялись над ним, смеялись над его преступлением те, которые были гораздо его преступнее.<...>

Комментарий

Проблема: что исправляет человека? Может ли тюрьма исправить человека?

Тезисы: не столько тюрьма, сколько осознание собственной греховности и желание жить по-другому может исправить человека.

Поразительные для нормального человека мысли приходят в голову Раскольникова во время первого года его пребывания на каторге. За что он себя ругает? За убийство?

Нет! Он ругает себя за то, что не справился с душевным кризисом, поддался слабости и пошел с повинной в полицию. Ведь если бы на его жизненном пути не встретила Соня, Родион Романович, возможно, воспользовался бы советом Свидригайлова, и сбежал куда-нибудь, и так бы и жил «маленьким Наполеоном», высокомерно взирая на окружающих. Это вполне возможный вариант развития событий, ведь герой говорит: «Совесть моя спокойна». Как это может быть после убийства двух людей? Ведь Раскольников не кровопийца какой-нибудь, мы же видели в романе его благородные поступки. Почему нет раскаяния? Почему совесть спокойна? И так ли она спокойна, как заявляет герой? Раскольников признает, что нарушил закон и в принципе согласен за это отвечать: «ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно!» Что стоит за этим «довольно»? Вероятно, Ф.М. Достоевский, и сам

отбывавший каторгу, видел не один пример того, как преступники даже там не считали себя особо виноватыми, в этом «довольно» звучат отголоски бесчеловечной теории Раскольникова о «право имеющих», обесценивающих жизнь ради достижения своих целей.

Читая последние страницы романа, мы видим, как плохо складывались отношения Раскольникова с каторжанами, такими же, как и он преступниками. Они считали его высокомерным баринном, презирали Раскольникова и смеялись над ним. Мы видим, что даже в среде преступников он не стал своим, потому что его идея разделения людей на разряды, превосходство одних над другими, разрешение крови по совести даже для них была чересчур кощунственна.

На каторге Раскольников увидел сон о моровой язве, который по сути своей отражал чудовищность его теории и возможные последствия того, что все, как и Раскольников, будут одержимы идеей исключительности и собственного превосходства над другими. Если такое случится, то мир погибнет: «Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спасти во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слышал их слова и голоса».

Этот сон помог Раскольникову осознать ошибочность его теории и наконец-то открыть сердце для любви: «Но теперь их руки не разнимались; он мельком и быстро взглянул на нее, ничего не выговорил и опустил свои глаза в землю. Они были одни, их никто не видел. Конвойный на ту пору отворотился.

Как это случилось, он и сам не знал, но вдруг что-то как бы подхватило его и как бы бросило к ее ногам. Он плакал и обнимал ее колени. В первое мгновение она ужасно испугалась, и всё лицо ее помертвело. Она вскочила с места и, задрожав, смотрела на него. Но тотчас же, в тот же миг она всё поняла. В глазах ее засветилось бесконечное счастье; она поняла, и для нее уже не было сомнения, что он любит, бесконечно любит ее и что настала же наконец эта минута...

Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы; но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного источники жизни для сердца другого».

Итак, на протяжении всего романа мы видим, как совершенное преступление неминуемо влечет за собой наказание: страх разоблачения, муки совести, отчуждение от людей и одиночество, также мы видим, как тяжело проходит свой жизненный путь от

бунта сверхчеловека к смирению и любви герой романа Ф.М. Достоевского Родион Романович Раскольников. Но это единственно возможный для него путь, ибо путь покаяния и соединения с Богом, а не идея «право имеющих» – главный способ преобразования мира в философской концепции романа «Преступление и наказание».

ТЕКСТ № 2

Антон Павлович Чехов «Рассказ старшего садовника»

В оранжерее графов Н. происходила распродажа цветов. Покупателей было немного: я, мой сосед-помещик и молодой купец, торгующий лесом. Пока работники выносили наши великолепные покупки и укладывали их на телеги, мы сидели у входа в оранжерею и беседовали о том, о сём. В теплое апрельское утро сидеть в саду, слушать птиц и видеть, как вынесенные на свободу цветы нежатся на солнце, чрезвычайно приятно.

Укладкой растений распоряжался сам садовник, Михаил Карлович, почтенный старик, с полным бритым лицом, в меховой жилетке, без сюртука. Он всё время молчал, но прислушивался к нашему разговору и ждал, не скажем ли мы чего-нибудь новенького. **Это был умный, очень добрый, всеми уважаемый человек. Все почему-то считали его немцем, хотя по отцу он был швед, по матери русский и ходил в православную церковь. Он знал по-русски, по-шведски и по-немецки, много читал на этих языках, и нельзя было доставить ему большего удовольствия, как дать почитать какую-нибудь новую книжку или поговорить с ним, например, об Ибсене.**

Были у него слабости, но невинные; так, он называл себя старшим садовником, хотя младших не было; **выражение лица у него было необыкновенно важное и надменное; он не допускал противоречий и любил, чтобы его слушали серьезно и со вниманием.**

— Этот вот молодчик, рекомендую, ужасный негодяй, — сказал мой сосед, указывая на работника со смуглым цыганским лицом, который проехал мимо на бочке с водой. — На прошлой неделе его судили в городе за грабёж и оправдали. Признали его душевнобольным, а между тем, взгляните на рожу, он здоровёхонек. В последнее время в России уж очень часто оправдывают негодяев, объясняя всё болезненным состоянием и аффектами, между тем эти оправдательные приговоры, это очевидное послабление и потворство, к добру не ведут. Они деморализуют массу, чувство справедливости притупилось у всех, так как привыкли уже видеть порок безнаказанным, и, знаете ли, про наше время смело можно сказать словами Шекспира: **«В наш злой, развратный век и добродетель должна просить прощенья у порока».**

— Это верно, верно, — согласился купец. — **От того, что оправдывают в судах, убийств и поджогов стало гораздо больше.** Спросите-ка у мужиков.

Садовник Михаил Карлович обернулся к нам и сказал:

— Что же касается меня, господа, то я всегда с восторгом встречаю оправдательные приговоры. Я не боюсь за нравственность и за справедливость, когда говорят «невиновен», а, напротив, чувствую удовольствие. Даже когда моя совесть говорит мне, что, оправдав преступника, присяжные сделали ошибку, то и тогда я торжествую. Судите сами, господа: если судьи и присяжные более верят человеку, чем улика, вещественным доказательствам и речам, то разве

эта вера в человека сама по себе не выше всяких житейских соображений? Веровать в бога нетрудно. В него веровали и инквизиторы, и Бирон, и Аракчеев. Нет, вы в человека уверуйте! Эта вера доступна только тем немногим, кто понимает и чувствует Христа.

— Мысль хорошая, — сказал я.

— Но это не новая мысль. Помнится, когда-то очень давно я слышал даже легенду на эту тему. Очень милая легенда, — сказал садовник и улыбнулся. — Мне рассказывала ее моя покойная бабушка, мать моего отца, отличная старуха. Она рассказывала по-шведски, но по-русски это выйдет не так красиво, не так классично.

Но мы попросили его рассказывать и не стесняться грубостью русского языка. Он, очень довольный, медленно закурил трубочку, сердито посмотрел на рабочих и начал:

— В одном маленьком городке поселился пожилой, одинокий и некрасивый господин по фамилии Томсон или Вильсон, — ну, это всё равно. Дело не в фамилии. Профессия у него была благородная: он лечил людей. Он был всегда угрюм и несообщителен и говорил только, когда этого требовала его профессия. Ни к кому он не ходил в гости, ни с кем не распространял своего знакомства далее молчаливого поклона и жил скромно, как схимник. Дело в том, что он был ученый, а в ту пору ученые не были похожи на обыкновенных людей. Они проводили дни и ночи в созерцании, в чтении книг и лечении болезней, на всё же остальное смотрели как на пошлость и не имели времени говорить лишних слов. Жители города отлично понимали это и старались не надоедать ему своими посещениями и пустой болтовней. Они были очень рады, что бог наконец послал им человека, умеющего лечить болезни, и гордились, что в их городе живет такой замечательный человек.

— Он знает всё, — говорили они про него.

Но этого было недостаточно. Надо было еще говорить: «он любит всех!» В груди этого ученого человека билось чудное, ангельское сердце. Как бы ни было, ведь жители города были для него чужие, не родные, но он любил их, как детей, и не жалел для них даже своей жизни. У него самого была чахотка, он кашлял, но, когда его звали к больному, забывал про свою болезнь, не щадил себя и, задыхаясь, взбирался на горы, как бы высоки они ни были. Он пренебрегал зноем и холодом, презирал голод и жажду. Денег не брал, и, странное дело, когда у него умирал пациент, то он шел вместе с родственниками за гробом и плакал.

И скоро он стал для города так необходим, что жители удивлялись, как это они могли ранее обходиться без этого человека. Их признательность не имела границ. Взрослые и дети, добрые и злые, честные и мошенники — одним словом, все уважали его и знали ему цену. В городке и в его окрестностях не было человека, который позволил бы себе не только сделать ему что-нибудь неприятное, но даже подумать об этом. **Выходя из своей квартиры, он никогда не запирает дверей и окон, в полной уверенности, что нет такого вора, который решился бы обидеть его.** Часто ему приходилось, по долгу врача, ходить по большим дорогам, через леса и горы, где во множестве бродили голодные бродяги, но он чувствовал себя в полной безопасности. Однажды ночью он возвращался от больного, и на него напали в лесу разбойники, но, узнав его, они почтительно сняли перед ним шляпы и спросили, не хочет ли он есть. Когда он сказал, что он сыт, они дали ему теплый плащ и проводили его до самого города, счастливые, что судьба послала им случай хотя чем-нибудь отблагодарить великодушного человека. Ну, далее, понятное

дело, бабушка рассказывала, что даже лошади, коровы и собаки знали его и при встрече с ним изъявляли радость.

И этот человек, который, казалось, своею святостью оградил себя от всего злого, доброжелателями которого считались даже разбойники и бешеные, в одно прекрасное утро был найден убитым. Окровавленный, с пробитым черепом, он лежал в овраге, и бледное лицо его выражало удивление. **Да, не ужас, а удивление застыло на его лице, когда он увидел перед собою убийцу. Можете же представить себе теперь ту скорбь, какая овладела жителями города и окрестностей. Все в отчаянии, не веря своим глазам, спрашивали себя: кто мог убить этого человека? Судьи, которые производили следствие и осматривали труп доктора, сказали так: «Здесь мы имеем все признаки убийства, но так как нет на свете такого человека, который мог бы убить нашего доктора, то, очевидно, убийства тут нет и совокупность признаков является только простою случайностью. Нужно предположить, что доктор в потемках сам упал в овраг и ушибся до смерти».**

С этим мнением согласился весь город. Доктора погребли, и уже никто не говорил о насильственной смерти. Существование человека, у которого хватило бы низости и гнусности убить доктора, казалось невероятным. Ведь и гнусность имеет свои пределы. Не так ли?

Но вдруг, можете себе представить, случай наводит на убийцу. Увидели, как один **шалопай, уже много раз судившийся**, известный своею развратною жизнью, пропивал в кабаке табакерку и часы, принадлежавшие доктору. Когда стали его уличать, он смутился и сказал какую-то очевидную ложь. Сделали у него обыск и нашли в постели рубаху с окровавленными рукавами и докторский ланцет в золотой оправе. Каких же еще нужно улик? Злодея посадили в тюрьму. Жители возмутились и в то же время говорили:

— Невероятно! Не может быть! Смотрите, как бы не вышло ошибки; ведь случается, что улики говорят неправду!

На суде убийца упорно отрицал свою вину. Всё говорило против него, и убедиться в его виновности было так же нетрудно, как в том, что эта земля черная, но судьи точно с ума сошли: они по десяти раз взвешивали каждую улику, недоверчиво посматривали на свидетелей, краснели, пили воду... Судить начали рано утром, а кончили только вечером.

— Обвиняемый! — обратился главный судья к убийце. — Суд признал тебя виновным в убийстве доктора такого-то и приговорил тебя к...

Главный судья хотел сказать: «к смертной казни», но выронил из рук бумагу, на которой был написан приговор, вытер холодный пот и закричал:

— Нет! Если я неправильно сужу, то пусть меня накажет бог, но, клянусь, он не виноват! Я не допускаю мысли, чтобы мог найтись человек, который осмелился бы убить нашего друга доктора! Человек неспособен пасть так глубоко!

— Да, нет такого человека, — согласились прочие судьи.

— Нет! — откликнулась толпа. — Отпустите его!

Убийцу отпустили на все четыре стороны, и ни одна душа не упрекнула судей в несправедливости. И бог, говорила моя бабушка, за такую веру в человека простил грехи всем жителям городка. Он радуется, когда веруют, что человек — его образ и подобие, и скорбит, если, забывая о человеческом достоинстве, о людях судят хуже, чем о собаках. Пусть оправдательный приговор принесет жителям городка вред, но зато, посудите, какое благотворное влияние имела на них эта вера в человека, вера, которая ведь не остается

мертвой; она воспитывает в нас великодушные чувства и всегда побуждает любить и уважать каждого человека. Каждого! А это важно.

Михаил Карлович кончил. Мой сосед хотел что-то возразить ему, но старший садовник сделал жест, означавший, что он не любит возражений, затем отошел к телегам и с выражением важности на лице продолжал заниматься укладкой.

Комментарий

Проблема: нужны ли оправдательные приговоры? Оправдательные приговоры – это проявление гуманизма и веры в человека или излишняя мягкость? Насколько оправдательные приговоры вредят обществу?

Тезис: оправдательные приговоры нужны, потому что они показывают, что вера в человека как образ и подобие Божие сильнее, эта вера делает людей великодушными.

«Рассказ старшего садовника» А.П.Чехова опубликован 25 декабря 1894, и его можно рассматривать как один из святочных рассказов писателя. Завязку сюжета составляет разговор о том, что «в последнее время в России уж очень часто оправдывают негодяев, объясняя всё болезненным состоянием и аффектами, между тем эти оправдательные приговоры, это очевидное послабление и потворство, к добру не ведут. Они деморализуют массу, чувство справедливости притупилось у всех, так как привыкли уже видеть порок безнаказанным».

Это довольно важная тема, поскольку автор предлагает порассуждать о том, являются ли оправдательные приговоры добром и не приводит ли это к тому, что преступление остается безнаказанным? Чувство справедливости, которое должно регулировать разного рода отношения в обществе, вероятно, должно быть и главным при вынесении приговора при рассмотрении дела в суде. Конечно, для преступника оправдательный приговор – это мечта, которая иногда сбывается. Но общество часто обоснованно относится к такому приговору с недоверием. Чтобы вызвать жалость у суда, снискать себе снисхождения преступник готов пойти на разные ухищрения, например, прикинуться душевнобольным: «Этот вот молодчик, рекомендую, ужасный негодяй», — сказал мой сосед, указывая на работника со смуглым цыганским лицом, который проехал мимо на бочке с водой. — На прошлой неделе его судили в городе за грабеж и оправдали. Признали его душевнобольным, а между тем, взгляните на рожу, он здоровёхонек». Мы видим, что правонарушение оказалось безнаказанным, и это, конечно, может спровоцировать рост преступности, потому что преступник станет думать, что и следующий раз все для него сложится благополучно: «От того, что оправдывают в судах, убийств и поджогов стало гораздо больше». Таким образом, оправдательный приговор приносит обществу, наверное, больше вреда, чем пользы.

Однако с этим мнением не соглашается Михаил Карлович – садовник графа N, «почтенный старик <...> умный, очень добрый, всеми уважаемый человек» .А.П. Чехов дает положительную характеристику этому герою, говорит о его начитанности, знании и свободном владении тремя языками, о его интересе к творчеству известного норвежского драматурга и новатора Ибсена. Эти детали в характеристике персонажа, конечно, не случайны. Так, упоминание об Ибсене говорит о том, что герой, вероятно, как и драматург, ждет «революции человеческого духа», верит в его обновление. Поэтому история, рассказанная дальше садовником, человеком умным и образованным, должна вызвать у читателя позитивный отклик. Михаил Карлович рассказывает легенду,

услышанную им в детстве от бабушки, о том, как один «шалопай, уже много раз судившийся, известный своею развратною жизнью» подозревался в убийстве всеми любимого доктора. Все улики указывали на то, что «шалопай» и есть убийца, однако доктор был настолько хорош и так много сделал для горожан добра, что они не могли себе представить, что кто-то смог бы его убить: «Невероятно! Не может быть! Смотрите, как бы не вышло ошибки; ведь случается, что улики говорят неправду!» Убийцу признали виновным, но главный судья все-таки вынес оправдательный приговор: «Нет! Если я неправильно сужу, то пусть меня накажет бог, но, клянусь, он не виноват! Я не допускаю мысли, чтобы мог найтись человек, который осмелился бы убить нашего друга доктора! Человек неспособен пасть так глубоко!» Мы видим в рассказе, что все: и другие судьи, и жители города – согласились с этим приговором, по словам старого садовника, победила вера в человека, которая рождает великодушие. Но можно сказать, что победила и справедливость: доктор творил добро бескорыстно, и оно проросло в душах горожан, не во всех, как видим, но именно оно легко в основу оправдательного приговора – убить такого человека, каким был доктор, было бы очень несправедливо. Эту мысль подтверждают слова из рассказа: «Убийцу отпустили на все четыре стороны, и ни одна душа не упрекнула судей в несправедливости».

Как часто бывает в рассказах А.П. Чехова, финал произведения не дает прямого ответа на вопрос: полезны ли оправдательные приговоры, что от них больше вреда или пользы? Читателю самому придется найти ответ на этот вопрос, но главным здесь, наверное, должно быть понимание того, что «вера в человека <...> не остается мертвой; она воспитывает в нас великодушные чувства и всегда побуждает любить и уважать каждого человека. Каждого! А это важно», хотя и сложно.

Текст № 3

Кубеев М.Н. «Первый в истории убийца» (из книги «100 великих криминальных историй»).

В Ветхом Завете написано, что у Адама и Евы было два сына: Каин и Авель. Старший, Каин, первый рожденный на земле человек, обманул чаяния своих родителей — он неожиданно сделался первым на земле убийцей. С того библейского времени имя **Каин** стало нарицательным, оно означает **злобного, завистливого и коварного человека, ради личной выгоды способного на любую подлость.**

Своего младшего брата Авеля **Каин убил из зависти.** Согласно сказанному в Ветхом Завете, Бог не взглянул на Каина, когда тот принес ему жертвоприношение — свой урожай. Но Бог с любовью обратился к его брату Авелю, когда тот положил перед Ним ягненка. За что Бог так неласково обошелся с Каином? Может быть, он заранее предчувствовал, что старший брат способен на преступление?

По предположениям ученых, это библейское сказание отражает реальные события давнего времени, эпохи первобытного общества, когда богам совершались жертвоприношения. Именно в те давние времена нередко из корыстных побуждений происходили убийства одного родственника другим. Некоторые, особенно тяжкие, надолго оставались в памяти людей. Рассказы о тех событиях передавались из уст в уста, постепенно они превратились

в оформленный сказ, приобретший нравственную поучительную подоплеку. Позднее этот сюжет нашел свое отражение в рукописном тексте Библии и сделался одной из религиозных притч. Так с библейских времен имя Каин у христианских народов стало синонимом не только подлого поступка, предательства, но и любого безнравственного деяния. Считается, что русское слово «окаянный», то есть «проклятый», произошло от Каина.

Первоначально отношения братьев были нормальные, но если Авель был кроткого нрава, то Каин — нрава жестокого. Авель был пастухом, а Каин — земледельцем. Однажды они решили принести Богу жертвы. Каин первым принес часть своего урожая на алтарь, но был мрачен. Авель же от чистого сердца возложил ягненка. Бог заметил это и принял дар младшего брата, а на старшего даже не посмотрел. Эта избирательность Бога обозлила Каина. Лицо его стало совсем хмурым. Бог заметил эту перемену в настроении Каина и спросил его, отчего опечалилось лицо его. «Если делаешь добро, то надо смотреть в лицо и улыбаться. Если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним». Каин ничего не ответил, он еще сильнее огорчился, не знал, на ком выместить свою злобу и недовольство. И предложил брату пойти в поле. Когда они остались одни, Каин набросился на Авеля и убил его. Так на земле появились первый убийца и первая жертва. Всевидящий Бог узнал о проступке Каина: «Что ты сделал? Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле».

Каин прочувствовал свою вину и боялся, что теперь настанет его черед, его могут убить. Он попросил защиты у Бога. Странно, но Господь решил пожалеть Каина-убийцу. Он сделал ему знамение, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его. И пошел Каин, поселился в земле Нод, женился, родил детей, построил город. **Казалось бы, он переродился, стал вполне достойным человеком, который не грешит, трудится и растит детей. Но печать страшного греха осталась на всем его роде.** Характер Каина перешел на его детей, людей недружелюбных, завистливых и прозванных в древности каинитами. Они почитали отца своего и его деяние как проявление высшей силы. Они полагали, что раз Бог оставил в живых их отца Каина, то тем самым простил его грех. В дальнейшем каиниты почитали Иуду Искариота, предавшего Христа, спасителем людей. Они были уверены, что человечеству нельзя спастись, не пройдя греховный путь. Именно каиниты, их упрямство, почитание отца, первого убийцы, навлекли на всех людей страшную кару — Всемирный потоп. Так первое свершившееся на земле преступление породило бесконечную цепочку последующих. И в большинстве случаев мотивы для их свершения были почти всегда одинаковые — корысть, зависть, желание устранить человека, чтобы завладеть его богатством.

Если отвлечься от канонического текста Библии, то все фигуры этого сюжета надо понимать как символы, необходимые для обозначения поступков человека: преступник, его жертва и судья, в роли которого выступает Господь. Библию следует понимать в нравоучительном аспекте. Каин греховен изначально, это источник злобы и зависти, он совершает преступление и не может переродиться, стать другим человеком, так как в мире добра и зла именно в нем заложены самые греховные черты человека — злость и зависть.

Комментарий

Проблема: каковы причины первого в мире преступления? Связь преступника и жертвы. Одно преступление влечет за собой другие. Как взаимосвязаны характер и отношение к жизни с преступлением?

Тезисы: зависть – один из главных мотивов совершения преступлений. Преступление ожесточает душу человека. Совершивший преступление отторгается обществом, становится гонимым. Образы Каина, Авеля и Бога – это образы символы преступника, жертвы и судьи.

Преступление имеет очень древнюю историю, которая восходит к ветхозаветным текстам. Так, первое преступление от сотворения мира – братоубийство. Старший брат Каин убил младшего брата Авеля. Насколько веской была причина, подтолкнувшая первого рожденного человека убивать ближнего своего? Очень незначительная: Бог не взглянул на жертвоприношение Каина, но с любовью принял жертву Авеля. Действительно это было так? Часто человек домысливает то, чего нет в реальности, видит ситуацию в искаженном свете. Ведь не зря существует в народе много пословиц и поговорок о том, что на чужом лугу трава зеленее, а курица соседа гусыней кажется. В реальности, как мы все понимаем, и трава одинаковая, и курица не гусыня, однако зависть разрастается в сердце человека и не дает ему покоя. Такой человек изменяется внешне, становится мрачным, подозрительным и обидчивым: «Каин первым принес часть своего урожая на алтарь, но был мрачен. Авель же от чистого сердца возложил ягненка. Бог заметил это и принял дар младшего брата, а на старшего даже не посмотрел. Эта избирательность Бога обозлила Каина. Лицо его стало совсем хмурым. <...>Каин ничего не ответил, он еще сильнее огорчился, не знал, на ком выместить свою злобу и недовольство». Обратим внимание, что Каин с самого начала был мрачен. Что его тревожило? Он не хотел приносить жертву или считал себя в чем-то ущемленным? От чистого сердца ли он делал жертвоприношение или по обязанности? Может, он уже давно завидовал своему брату, его доброте и искренности, потому что сам не мог испытывать таких эмоций? Трудно ответить на эти вопросы, но дальнейшая история человечества говорит нам о том, что зависть развивается в сердце гордеца, а не доброго и смиренного человека. Гордецу всегда мало чьей-то любви, внимания, почитания, он хочет быть первым во всем и хочет, чтобы это замечали и признавали, иначе становится мрачным, завистливым и злым, думает, что мир не справедлив по отношению к нему. Так, видно, и Каин был гордецом, желавшим признания своего первенства во всем. Можно сказать, что он этого добился – стал первым убийцей! Его помнят, но не любят, он не вызывает сочувствия, потому что жестокость, зависть и злость никогда не будут приняты в обществе.

История Каина нравоучительна еще и в том плане, что показывает, каким будет наказание преступника – это всегда отчуждение и отвержение. Преступая закон, человек должен понимать, что он становится «изгнанником и скитальцем на земле». Чтобы не допустить такого, нужно сохранять в душе кротость – сочетание мягкости характера с твердостью духа, тогда ни зависть, ни злоба, ни гордыня не смогут поразить человека и он устоит перед многими жизненными искушениями.

Витька Борзенков поехал на базар в районный городок, продал сала на сто пятьдесят рублей (**он собирался жениться**, позарез нужны были деньги), пошел в винный ларек «смазать» стакан-другой красного, потом вышел, закурил...

Подошла молодая девушка, попросила:

— Разреши прикурить,

Витька дал ей прикурить от своей папироски, а **сам с интересом разглядывал лицо девушки** — молодая, припухла, пальцы трясутся.

— С похмелья? — прямо спросил Витька,

— Ну, — тоже просто и прямо ответила девушка, с наслаждением затягиваясь «беломориной».

— А похмелиться не на что, — стал дальше развивать мысль Витька, **довольный, что умеет понимать людей, когда им худо.**

— А у тебя есть?

(**Никогда бы, ни с какой стати не подумал Витька, что девушка специально наблюдала за ним, когда он продавал сало, и что у ларька она его просто подкараулила.**)

— Пойдем, поправься. — **Витьке понравилась** девушка — миловидная, стройненькая...

А ее припухлость и особенно откровенность, с какой она призналась в своей несостоятельности, даже как-то взволновали.

Они зашли в ларек... Витька взял бутылку красного, два стакана... Сам выпил полтора стакана, остальное великодушно налил девушке. Они вышли опять на крыльцо, закурили, Витьке стало хорошо, девушке тоже. Обоим стало хорошо.

— Здесь живешь

— Вот тут, недалеко, — кивнула девушка, — Спасибо, легче стало.

— Может, еще хочешь?

— Можно вообще-то... Только не здесь.

— Где же?

— Можно ко мне пойти, у меня дома никого нет...

В груди у Витьки нечто такое сладостно-скользящее вильнуло хвостом. Было еще рано, а до деревни своей Витьке ехать полтора часа автобусом — можно все успеть сделать.

— У меня там еще подружка есть, — подсказала девушка, когда Витька соображал, сколько взять. Он поэтому и взял: одну белую и две красных

— С закусом одолеем, — решил он. — Есть чем закусить?

— Найдем.

Пошли с базара, как давние друзья.

— Чего приезжал?

— Сало продал... Деньги нужны — женюсь.

— Да?

— Женюсь. Хватит бурлачить. — **Странно, Витька даже и не подумал, что поступает нехорошо в отношении невесты** — куда-то идет с незнакомой девушкой, и ему хорошо с ней, лучше, чем с невестой, — интересней.

— Хорошая девушка?

— Как тебе сказать?... Домовитая. Хозяйка будет хорошая.

— А насчет любви?

— Как тебе сказать?.. Такой, как раньше бывало, — здесь вот кипятком подмывало чего-то такое, — такой нету. Так... **Надо же когда-нибудь жениться.**

— Не промахнись. Будешь потом... Непривязанный, а визжать будешь.

В общем, поговорили в таком духе, пришли к дому девушки. (Ее звали Рита.) Витька и не заметил, как дошли и как шли — какими переулками. Домик как домик — старенький, темный, но еще будет стоять семьдесят лет, не охнет.

В комнатке (их три) чистенько, занавесочки, скатерочки на столах — уютно. Витька вовсе воспрянул духом.

«Шик-блеск-тру-ля-ля», — всегда думал он, когда жизнь сулила скорую радость.

— А где же подружка?

— Я сейчас схожу за ней. Посидишь?

— Посижу. Только поскорей, ладно?

— Заведи вон радиолу, чтоб не скучать. Я быстро.

Ну почему так легко, хорошо Витьке с этой девушкой? Пять минут знакомы, а... Ну, жизнь! У девушки грустные, задумчивые, умные глаза, Витьке то вдруг становится жалко девушку, то охота стиснуть ее в объятиях.

Рита ушла. Витька стал ходить по комнате — радиолу не завел: без радиолы сердце билось в радостном предчувствии.

Потом помнит Витька: пришла **подружка Риты — похуже, постарше, потасканная и притворная.** Затараторила с ходу, стала рассказывать, что она когда-то была в цирке, «работала каучук». Потом пили... Витька прямо тут же за столом **целовал Риту, подружка смеялась одобрительно, а Рита слабо била рукой Витьку по плечу, вроде отталкивала, а сама льнула, обнимала за шею.**

«Вот она — жизнь! — ворочалось в горячей голове Витьки, — Вот она — зараза кипучая. Молодец я!»

Потом Витька ничего не помнит — как отрезало. Очнулся поздно вечером под каким-то забором... Долго мучительно соображал, где он, что произошло. Голова гудела, виски вываливались от боли. Во рту пересохло все, спеклось. Кое-как припомнил девушку Риту... **И понял: опои́ли чем-то, одурманили и, конечно, забрали деньги.** Мысль о деньгах сильно встряхнула. Он с трудом поднялся, обшарил все карманы: да, денег не было, Витька прислонился к забору, осмотрелся... Нет, ничего похожего на дом Риты поблизости не было. Все другое, совсем другие дома.

У Витьки в укромном месте, в застывшем, был червонец — еще на базаре сунул туда на всякий случай... Пошарил — там червонец. Витька пошел наугад — до первого встречного, спросил у какого-то старичка, как пройти к автобусной станции. Оказалось, не так далеко: прямо, потом налево переулком и вправо по улице опять прямо. «И упретесь в автобусную станцию». Витька пошел... **И пока шел до автобусной станции, накопил столько злобы на городских прохиндеев, так их возненавидел, паразитов, что даже боль в голове поунылась, и наступила свирепая ясность, и родилась в груди большая мстительная сила.**

— Ладно, ладно, — бормотал он, — я вам устрою...

Что он собирался сделать, он не знал, **знал только, что добром все это не кончится.** Около автобусной станции допоздна работал ларек, там всегда толпились люди.

Витька взял бутылку красного, прямо из горлышка выпил ее всю до донышка, запустил бутылку в скверик... Были рядом с ним какие-то подпившие мужики, трое. Один сказал ему:

— Там же люди могут сидеть.

Витька расстегнул свой флотский ремень, намотал конец на руку — оставил свободной тяжелую бляху как кистень. Эти трое подвернулись кстати.

— Ну?! — удивился Витька. — **Неужели люди? Разве в этом вшивом городишке есть люди?**

Трое переглянулись.

— А кто же тут, по-твоему?

— Суки! Каучук работаете, да?

Трое пошли на него, Витька пошел на троих... Один сразу свалился от удара бляхой по голове, двое пытались достать Витьку ногой или руками, берегли головы. Потом они заорали:.

— Наших бьют!

Еще налетело человек пять... Попало и Витьке: кто-то сзади тяпнул бутылкой по голове, но вскользь — Витька устоял. **Оскорбленная душа его возликовала и обрела устойчивый покой.**

Нападавшие матерились, бестолково кучились, мешали друг другу, советовали — этим пользовался Витька и бил.

Прибежала милиция... Всем скопом загнали Витьку в угол — между ларьком и забором. Витька отмахивался. Милиционеров пропустили вперед, и Витька сдуру ударил одного по голове бляхой. Бляха Витькина страшна еще тем, что с внутренней стороны, в изогнутость ее, был налит свинец. **Милиционер упал... Все ахнули и оторопели. Витька понял, что свершилось непоправимое, бросил ремень... Витьку отвезли в КПЗ.**

Мать Витькина узнала о несчастье на другой день. Утром ее вызвал участковый и сообщил, что Витька натворил в городе то-то и то-то.

— Батюшки-святые! — испугалась мать. — Чего же ему теперь за это?

— Тюрьма. Тюрьма верная. У милиционера травма, лежит в больнице. За такие дела — только тюрьма. Лет пять могут дать. Что он, сдурел, что ли?

— Батюшка, ангел ты мой господний, — взмолилась мать, — помоги как-нибудь.

— Да ты что! Как я могу помочь?..

— Да выпил он, должно, он дурной выпимши...

— Да не могу я ничего сделать, пойми ты! Он в КПЗ, на него уже, наверно, завели дело...

— А кто же бы мог бы помочь-то?

— Да никто. Кто?.. Ну, съезди в милицию, узнай хоть подробности. Но там тоже...

Что они там могут сделать?

Мать Витькина, сухая, двужильная, легкая на ногу, заметалась по селу. Сбегала к председателю сельсовета — тот тоже развел руками:

— Как я могу помочь? Ну, характеристику могу написать... Все равно, наверно, придется писать. Ну, напишу хорошую.

— Напиши, напиши, как получше, разумная ты наша головушка. Напиши, что — по пьянке он, он тверезый-то мухи не обидит...

— Там ведь не будут спрашивать, по пьянке он или не по пьянке... Ты вот что: съезди к тому милиционеру, может, не так уж он его и зашиб-то. Хотя вряд ли...

— Вот спасибо-то тебе, ангел ты наш, вот спасибо-то...

— Да не за что...

Мать Витькина кинулась в район. Мать Витькина родила пятерых детей, рано осталась вдовой (Витька еще грудной был, когда пришла похоронка об отце в 42-м году), старший

сын ее тоже погиб на войне в 45-м году, девочка умерла от истощения в 46-м году, следующие два сына выжили, мальчиками еще ушли по вербовке в ФЗУ и теперь жили в разных городах. Витьку мать выходила из последних сил, все распродала, но сына выходила — крепкий вырос, ладный собой, добрый... Все бы хорошо, но **пьяный — дурак дураком становится. В отца пошел — тот, царство ему небесное, ни одной драки в деревне не пропускал.**

В милицию мать пришла, когда там как раз обсуждали вчерашнее происшествие на автобусной станции. **Милиционера Витька угостил здорово — тот действительно лежал в больнице. Еще двое алкашей тоже лежали в больнице — тоже от Витькиной бляхи.** Бляху с интересом разглядывали.

— Придумал, сволочь!.. Догадайся: ремень и ремень. А у него тут целая гирька. Хорошо еще — не ребром угодил...

И тут вошла мать Витьки... И, переступив порог, упала на колени, и завывала, и запричитала:

— Да ангелы вы мои милые, да разумные ваши головушки!.. Да способитесь вы как-нибудь с вашей обидушкой — простите вы его, окаянного! **Пьяный он был... Он тверезый последнюю рубаху отдаст, сроду тверезый никого не обидел...**

Заговорил старший, что сидел за столом и держал в руках Витькин ремень. Заговорил обстоятельно, спокойно, попроще — чтоб мать все поняла.

— Ты подожди, мать. Ты встань, встань — здесь не церква. Иди, глянь... Мать поднялась, чуть успокоенная доброжелательным тоном начальственного голоса.

— Вот гляди: ремень твоего сына... Он во флоте, что ли, служил?

— Во флоте, во флоте — на кораблях-то на этих...

— Теперь смотри: видишь? — Начальник перевернул бляху, взвесил на руке. — Этим же убить человека — дважды два. Попади он вчера кому-нибудь этой штукой ребром — конец. Убийство. **Да и плашмя троих уходил так, что теперь врачи борются за их жизни. А ты говоришь: простить. Ведь он же трех человек в больницу уложил. А одного при исполнении служебных обязанностей, Ты подумай сама: как же можно прощать за такие дела, действительно?**

Материнское сердце, оно — мудрое, но там, где замаячила беда родному дитю, мать не способна воспринимать посторонний разум, и логика тут ни при чем.

— Да сыночки вы мои милые! — воскликнула мать и заплакала. — Да нечто не бывает по пьяному делу?! Да всякое бывает — подрались... Сжальтесь вы над ним!..

Тяжело было смотреть на мать. Столько тоски и горя, столько отчаяния было в ее голосе, что становилось не по себе, И хоть милиционеры — народ до жалости неохочий, даже и они — кто отвернулся, кто стал закуривать...

— Один он у меня — при мне-то: и поилец мой, и кормилец. А еще вот жениться надумал — как же тогда с девкой-то, если его посадят? Неужто ждать его станет? Не станет. А девка-то добрая, из хорошей семьи — жалко...

— Он зачем в город-то приезжал? — спросил начальник.

— Сала продать, на базар — сальца продать. Деньжонки-то нужны, раз уж свадьбу-то наметили, где их больше возьмешь?

— При нем никаких денег не было,

— Батюшки-святые! — испугалась мать. — А иде ж они?

— Это у него надо спросить.

— Да украли небось! Украли!.. Да милый ты сын, он оттого, видно, и в драку-то полез — украли их у него!.. Жулики украли...

— Жулики украли, а при чем здесь наш сотрудник — за что он его-то?

— Да попал, видно, под горячую руку.

— Ну, если каждый раз так попадать под горячую руку, у нас скоро и милиции не останется. Слишком уж они горячие, ваши сыновья! — Начальник набрался твердости, — Не будет за это прощения, получит свое — по закону.

— Да ангелы вы мои, люди добрые, — опять взмолилась мать, — пожалейте вы хоть меня, старуху, я только теперь маленько и свет-то увидела... Он работающий парень-то, а женился бы, он бы совсем справный мужик был. Я бы хоть внучаток понянчила...

— Дело даже не в нас, мать, ты пойми. Есть же прокурор! Ну, выпустили мы его, а с нас спросят: на каком основании? Мы не имеем права. Права даже такого не имеем. Я же не буду вместо него садиться.

— А может, как-нибудь задобрить того милиционера? У меня холст есть, я нынче холста наткала — пропасть! Все им готовила...

— Да не будет он у тебя ничего брать, не будет! — уже кричал начальник, — Не ставь ты людей в смешное положение, действительно. Это же не кум с кумом поцапались!

— Куда же мне теперь идти-то, сыночки? Повыше-то вас есть кто или уж нету?

— Пусть к прокурору ходит, — посоветовал один из присутствующих.

— Мельников, проводи ее до прокурора, — сказал начальник. И опять повернулся к матери, и опять стал с ней говорить, как с глухой или совсем уж бестолковой: — Сходи к прокурору — он повыше нас! И дело уже у него, и пусть он тебе там объяснит: можем мы чего сделать или нет? Никто же тебя не обманывает, пойми ты! Мать пошла с милиционером к прокурору.

Дорогой пыталась заговорить с милиционером Мельниковым.

— Сыночек, что, шибко он его зашиб-то?

Милиционер Мельников задумчиво молчал.

— Сколько же ему дадут, если судить-то станут?

Милиционер шагал широко. Молчал.

Мать семенила рядом и все хотела разговорить длинного, заглядывала ему в лицо.

— Ты уж разъясни мне, сынок, не молчи уж... Мать-то и у тебя небось есть, жалко ведь вас, так жалко, что вот говорю — а каждое слово в сердце отдает. Много ли дадут-то?

Милиционер Мельников ответил туманно:

— Вот когда украшают могилы: оградки ставят, столбики, венки кладут... Это что — мертвым надо? Это живым надо. Мертвым уже все равно.

Мать охватил такой ужас, что она остановилась.

— Ты к чему же это?

— Пошли. Я к тому, что будут, конечно, судить. Могли бы, конечно, простить — пьяный, деньги украли: обидели человека. Но судить все равно будут — чтоб другие знали. Важно на этом примере других научить...

— Да сам же говоришь — пьяный был!

— Это теперь не в счет. Его насильно никто не поил, сам напился. А другим это будет поучительно. Ему все равно теперь — сидеть, а другие задумаются. Иначе вас никогда не перевоспитаешь.

Мать поняла, что этот длинный враждебно настроен к ее сыну, и замолчала. Прокурор матери с первого взгляда понравился — внимательный. Внимательно выслушал мать, хоть она говорила длинно и путано — что сын ее, Витька, хороший, добрый, что он трезвый мухи не обидит, что как же ей теперь одной-то оставаться? Что девка, невеста, не дождется Витьку, что такую девку подберут с руками-ногами — хорошая девка... Прокурор все внимательно выслушал, поиграл пальцами на столе... заговорил издали, тоже как-то мудро:

— Вот ты — крестьянка, вас, наверно, много в семье росло?..

— Шестнадцать, батюшка. Четырнадцать выжило, двое маленькие ишо померли. Павел помер, а за ним другого мальчика тоже Павлом назвали...

— Ну вот — шестнадцать. В миниатюре — целое общество. Во главе — отец. Так?

— Так, батюшка, так. Отца слушались...

— Вот! — Прокурор поймал мать на слове. — **Слушались! А почему? Нашкодил один отец его ремнем. А брат или сестра смотрят, как отец учит шкодника, и думают: шкодить им или нет? Так в большом семействе поддерживался порядок. Только так. Прости отец одному, прости другому — что в семье? Развал, я понимаю тебя, тебе жалко... Если хочешь, и мне жалко — там не курорт, и поедет он, судя по всему, не на один сезон. По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны... Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд.**

Мать поняла, что и этот невзлюбил ее сына. «За своего обиделись».

— Батюшка, а выше-то тебя есть кто?

— Как это? — не сразу понял прокурор.

— Ты самый главный али повыше тебя есть?

Прокурор, хоть ему потом и неловко стало, невольно рассмеялся:

— Есть, мать, есть. Много!

— Где же они?

— Ну, где?.. Есть краевые организации... Ты что, ехать туда хочешь? Не советую.

— Мне подсказали добрые люди: лучше теперь вызволять, пока не сужденый, потом тяжелее будет...

— **Скажи этим добрым людям, что они... не добрые. Это они со стороны добрые... добренькие. Кто это посоветовал?**

— Да посоветовали...

— Ну, поезжай. Проедешь деньги, и все. Результат будет тот же. Я тебе совершенно официально говорю: **будут судить. Нельзя не судить, не имеем права. И никто этот суд не отменит.**

У матери больно сжалось сердце... Но она обиделась на прокурора, а поэтому вида не показала, что едва держится, чтоб не грохнуться здесь и не завывать в голос. Ноги ее подкашивались.

— Разреши мне хоть свиданку с ним...

— Это можно, — сразу согласился прокурор. — У него что, деньги большие были, говорят?

— Были...

Прокурор написал что-то на листке бумаги, подал матери:

— Иди в милицию.

Дорогу в милицию мать нашла одна, без длинного — его уже не было. Спрашивала людей. Ей показывали. **В глазах матери все туманилось и плыло... Она молча**

плакала, вытирала слезы концом платка, но шла привычно скоро, иногда только спотыкалась о торчащие доски тротуара... Но шла и шла, торопилась. Ей теперь, она понимала, надо поспешать, надо успеть, пока они его не засудили. А то потом вызволять будет трудно. Она верила этому. Она всю жизнь свою только и делала, что справлялась с горем, и все вот так — на ходу, скоро, вытирая слезы концом платка. Неистребимо жила в ней вера в добрых людей, которые помогут. Эти — ладно — эти за своего обиделись, а те — подальше которые — те помогут. Неужели же не помогут? Она все им расскажет — помогут. **Странно, мать ни разу не подумала о сыне, что он совершил преступление, она знала одно: с сыном случилась большая беда.** И кто же будет вызволять его из беды, если не мать? Кто? Господи, да она пешком пойдет в эти краевые организации, она будет день и ночь идти и идти... Найдет она этих добрых людей.

— Ну? — спросил ее начальник милиции.

— Велел в краевые организации ехать, — слукавила мать, — А вот — на свиданку. — Она подала бумажку.

Начальник был несколько удивлен, хоть тоже старался не показать этого. Прочитал записку... Мать заметила, что он несколько удивлен. И подумала: «А-а». Ей стало маленько полегче.

— Проводи, Мельников.

Мать думала, что идти надо будет далеко, долго, что будут открываться железные двери — сына она увидит за решеткой, и будет с ним разговаривать снизу, поднимаясь на цыпочки... А сын ее сидел тут же, внизу, в подвале. Там, в коридоре, стриженные мужики играли в домино... Уставились на мать и на милиционера. Витьки среди них не было.

— Что, мать, — спросил один мордастый, — тоже пятнадцать суток схлопотала? Засмеялись.

Милиционер подвел мать к камере, которых по коридору было три или четыре, открыл дверь...

Витька был один, а камера большая и нары широкие. Он лежал на нарах... **Когда вошел милиционер, он не поднялся, но, увидев за ним мать, вскочил.**

— Десять минут на разговоры, — предупредил длинный, и вышел.

Мать присела на нары, поспешно вытерла слезы платком,

— Гляди-ка — под землей, а сухо, тепло, — сказала она.

Витька молчал, сцепив на коленях руки. Смотрел на дверь. Он осунулся за ночь, оброс — сразу как-то, как нарочно. На него больно было смотреть. Его мелко трясло, он напрягался, чтоб мать не заметила хоть этой тряски,

— Деньги-то, видно, украли? — спросила мать.

— Украли.

— Ну и бог бы уж с имя, с деньгами, зачем было драку из-за них затевать? Не они нас наживают — мы их.

Никому бы ни при каких обстоятельствах не рассказал Витька, как его обокрали, — стыдно. Две шлюхи... Мучительно стыдно! И еще — жалко мать. Он знал, что она придет к нему, пробьется через все законы, — ждал этого и страшился.

У матери в эту минуту было на душе другое: она вдруг совсем перестала понимать, что есть на свете милиция, прокурор, суд, тюрьма... Рядом сидел ее ребенок, виноватый, беспомощный... И кто же может сейчас отнять его у нее, когда она — только она, никто больше — нужна ему?

— Не знаешь, сильно я его?..

— Да нет, плашмя попало... Но лежит, не поднимается.
— Экспертизу, конечно, сделали... Бюллетень возьмет... — Витька посмотрел на мать. — Лет семь заделают.

— Батюшки-святы!.. — Сердце у матери упало. — Что же уж так много-то?
— Семь лет!.. — Витька вскочил с нар, заходил по камере. — Все прахом! Все, вся жизнь кувырком!

Мать мудрым сердцем своим поняла, какое отчаяние гнетет душу ее ребенка...

— Тебя как вроде уж осудили! — сказала она с укором, — Сразу уж — жизнь кувырком.

— А чего тут ждать? Все известно...

— Гляди-ка, все уж известно! Ты бы хоть сперва спросил: где я была, чего достигла?..

— Где была? — Витька остановился.

— У прокурора была...

— Ну? И он что?

— Да вот и спроси сперва: чего он? А то сразу — кувырком! Какие-то слабые вы... Ишо ничем ничего, а уж... мысли бог знает какие.

— А чего прокурор-то?

— А то... Пусть, говорит, пока не переживает, пусть всякие мысли выкинет из головы...

Мы, дескать, сами тут сделать ничего не можем, потому что не имеем права, а ты, мол, не теряй время, а садись и езжай в краевые организации. **Нам, мол, оттуда прикажут, мы волей-неволей его отпустим, тада, говорит, нам и перед своими совестно не будет: хотели, мол, осудить, но не могли. Они уж все обдумали тут. Мне, говорит, самому его жалко... Но мы, говорит, люди маленькие. Езжай, мол, в краевые организации, там все обскажи подробно... У тебя сколь денег-то было?**

— Полторы сотни.

— Батюшки-святы! Нагрели руки...

В дверь заглянул длинный милиционер:

— Кончайте.

— Счас, счас, — заторопилась мать. — Мы уж все обговорили... Счас я, значит, доеду до дому, Мишка Бычков напишет на тебя карактеристику... Хорошую, говорит, напишу.

— Там... это... у меня в чемодане грамоты всякие лежат со службы... возьми на всякий случай...

— Какие грамоты?

— Ну, там увидишь. Может, поможет.

— Возьму. Потом схожу в контору — тоже возьму карактеристику... С голыми руками не поеду. Может, холст-то продать уж, у меня Сергеевна хотела взять?

— Зачем?

— Да взять бы деньжонок-то с собой — может, кого задобрить придется?

— Не надо, хуже только наделаешь.

— Ну, погляжу там.

В дверь опять заглянул милиционер:

— Время.

— Пошла, пошла, — опять заторопилась мать. А когда дверь закрылась, вынула из-за пазухи печенюжку и яйцо. — На-ка поешь... Да шибко-то не задумывайся — не кувырком ишо. Помогут добрые люди. Большие-то начальники — они лучше, не боятся. Эти боятся, а тем некого бояться — сами себе хозяева. А дойти до них я дойду. А ты скрепись и думай

про чего-нибудь — про Верку хоть... Верка-то шибко закручинилась тоже. Даве забежала, а она уж слыхала...

— Ну?

— Горюет.

У Витьки в груди не потеплело оттого, что невеста горюет. Как-то так, не потеплело.

— А ишо вот чего... — Мать зашептала: — Возьми да в уме помолись. Ничего, ты — крещеный. Со всех сторон будем заходить. А я пораньше из дому-то выеду — до поезда — да забегу свечечку Николе-угоднику поставлю, попрошу тоже его. **Ничего, смилоставятся. Похоронку от отца возьму...**

— Ты братьям-то... это... пока уж не сообщай.

— Не буду, не буду. Только лишний раз душу растревожат. Ты, главное, не задумывайся, что все теперь кувырком. А если уж дадут, так год какой-нибудь — для отвода глаз. Не семь же лет! А кому год дают, смотришь — они через полгода выходят, хорошо там поработают, их раньше выпускают. А может, и года не дадут. Милиционер вошел в камеру и больше уже не выходил.

— Время, время...

— Пошла. — Мать встала с нар, повернулась спиной к милиционеру, мелко перекрестила сына и одними губами прошептала:

— Спаси тебя Христос.

И вышла из камеры... И шла по коридору, и опять ничего не видела от слез. Жалко сына Витьку, ох, жалко. Когда они хворают, дети, тоже очень их жалко, но тут **какая-то особая жалость — когда вот так, тут — просишь людей, чтоб помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят. И временами жутко становится...** Но мать — действовала, мыслями она была уже в деревне, прикидывала, кого ей надо успеть охватить до отъезда, какие бумаги взять. И та неистребимая вера, что добрые люди помогут ей, вела ее и вела, мать нигде не мешкала, не останавливалась, чтоб наплакаться вволю, тоже прийти в отчаяние, — это гибель, она знала. Она — действовала.

Часу в третьем пополудни мать выехала опять из деревни — в краевые организации. «Господи, помоги, батюшка, — твердила она в уме беспрерывно. — Не допусти сына до худых мыслей, образумь его. Он маленько заполошный — как бы не сделал чего над собой».

Поздно вечером она села в поезд и поехала.

«Ничего, добрые люди помогут».

Она верила, помогут.

Комментарий

Проблема: алкоголь и преступность. Чувство обиды и мести как одна из причин правонарушений. Наказание и жалость по отношению к преступнику. Боязнь матери за судьбу сына-преступника. Наказание как дидактическая мера.

Тезис: количество правонарушений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения значительно возрастает. Один грех (пьянство) влечет за собой другие. Желание отомстить за собственную глупость порождает правонарушение. Мать всегда будет бороться за ребенка, даже если ее ребенок преступил закон. Закон должен быть одинаков ко всем. Судить надо по справедливости. Наказывать одного, чтобы другим неповадно было.

В рассказе В.М. Шукшина «Материнское сердце» в центре внимания история, каких в России случается много. По статистике, 1/5 всех правонарушений происходит в

состоянии алкогольного опьянения, из них 82 % убийств. Чудовищная цифра! Как видим, случай, описанный в рассказе, типичен для российской действительности, хотя произведение было создано в 1969 году.

Виктор Борзенков – персонаж с говорящей фамилией. Этот прием позволяет автору уже с первых строк произведения показать, что представляет из себя герой: «<...> ладный собой, добрый... Все бы хорошо, но пьяный — дурак дураком становится. В отца пошел — тот, царство ему небесное, ни одной драки в деревне не пропускал», «Пьяный он был... Он тверезый последнюю рубаху отдаст, сроду тверезый никого не обидел...», «по пьянке он, он тверезый-то мухи не обидит...». В этих характеристиках мы видим, как нормальный работающий парень в пьяном виде превращается в «борзенкова», которому и море по колено. Мастер художественной детали, Шукшин яркими штрихами создает характеристику героя, показывает, как он бравирует перед незнакомой девушкой, явно пьющей, как он радуется, что может быстро наладить контакт с девицами, совсем не испытывает каких-либо угрызений совести по поводу того, что явно предал свою невесту, когда идет с незнакомой девушкой к ней домой, покупает много вина для маленькой компании из 3 человек. Витька явно не любит свою невесту, а женится потому что надо, время пришло, автор не раз акцентирует наше внимание на этом моменте, подталкивая нас к мысли о том, что если нет настоящей любви, то мало что ценится, жизнь имеет лишь внешнюю форму, поэтому можно вести себя как заблагорассудится, ведь дорожить нечем.

Как часто бывает в рассказах Шукшина, образы городских жителей противопоставлены образам деревенских, и мы видим, что открытость Витьки, пусть и не самая положительная, смешанная с чем-то пошловатым, все-таки противопоставлена алчности и хитрости городских девушек, заманивших и обобравших его. Очнувшись после неудачного ухаживания под забором, Витька решил отомстить городским за свою обиду: «И пока шел до автобусной станции, накопил столько злобы на городских прохиндеев, так их возненавидел, паразитов, что даже боль в голове поунялась, и наступила свирепая ясность, и родилась в груди большая мстительная сила.

— Ладно, ладно, — бормотал он, — я вам устрою...

Что он собирался сделать, он не знал, знал только, что добром все это не кончится».

Витька, обозленный, пьяный, затеял драку, в которой пострадали 3 человека, один из них милиционер. Конечно, за такое правонарушение Борзенкова ждет законное наказание. И тут В.М. Шукшин задает читателю непростой вопрос: каким должно быть наказание – справедливым, по закону, чтобы другие поняли, насколько это опасно, мягким, потому что в трезвом состоянии герой «мухи не обидит», да и мать, которая все пороги в милиции и прокуратуре уже оббила, жалко?

Рассказ, конечно, не случайно назван «Материнское сердце», потому что с того момента, как Витька попал в милицию, главным персонажем становится мать. Ее слепая любовь к своему ребенку, хотя и взрослому, и безрассудному, и преступившему закон, но своему (жалко же ребеночка?!), отмечена автором так: «Странно, мать ни разу не подумала о сыне, что он совершил преступление, она знала одно: с сыном случилась большая беда. И кто же будет вызволять его из беды, если не мать? Кто?». Это авторское замечание прозвучало как-то вскользь, но оно очень важно, потому что мать видит эту ситуацию только со своей стороны, здесь нет никакой объективности жизни, справедливости, есть только страх за своего ребенка, его судьбу. Правильно это или нет, автор не дает ответа, он лишь показывает образ матери, готовой во что бы то ни стало спасти своего сына:

«Материнское сердце, оно — мудрое, но там, где замаячила беда родному дитю, мать не способна воспринимать посторонний разум, и логика тут ни при чем».

Говоря о том, как раскрывается тема преступления и наказания в рассказе В.М.Шукшина «Материнское сердце» стоит обратить внимание на словосочетание «добрые люди». Оно встречается в рассказе несколько раз. Кто эти люди? Они подсказали, что за сына надо хлопотать, пока не осудили, потом будет труднее. Это действительно доброта? Чем будет для Витьки Борзенкова сложившаяся ситуация? Жестоким нравственным уроком? Повлечет за собой такое наказание, что «вся жизнь кувырком» пойдет, или останется просто неприятным инцидентом, который благодаря материнским стараниям, просьбам и жалобам скоро уладится?

Позиция матери в рассказе, конечно, противопоставлена позиции милиции, которая старается действовать в рамках закона и понимает, что человек должен отвечать по закону за свои поступки, особенно такие. Конечно, и милиционерам не просто устоять, когда они видят слезы матери и слышат ее мольбы, им жалко ее, но они в то же время понимают, что нельзя такие поступки оставлять безнаказанными, потому что безнаказанность ведет к вседозволенности и бандитизму.

Довольно типичная бытовая ситуация, описанная В.М. Шукшиным в коротком рассказе «Материнское сердце», позволяет читателю задуматься о многом: о преступлении и наказании, о справедливости и милосердии, о чувстве долга и материнской любви, о стыде и раскаянии, но основная мысль, по нашему мнению, может быть кратко сформулирована словами автора: **«Важно на этом примере других научить...»**

ОТКРЫТОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Книга (музыка, спектакль, фильм) – про меня» (высказывание о тексте, который представляется лично важным для 11-классника)

Автор-составитель: **Хомякова Ирина Ростиславовна**, учитель русского языка и литературы МБОУ «Ялтинская средняя школа-лицей №9»

Содержание

Комментарий ФИПИ
Примерные темы
Основные определения
Мудрые мысли
Литературные источники
Цитатный материал
Н. Гоголь «Портрет»
Г. Щербакова «Вам и не снилось»
Б. Полевой «Повесть о настоящем человеке»
О.Генри «Последний листок»
И. Тургенев «Отцы и дети»
А. Куприн «Гранатовый браслет»
А. Пушкин «Евгений Онегин»
Л. Толстой «Война и мир»
К. Паустовский «Корзинка с еловыми шишками»
К. Паустовский «Старый повар»
А. Твардовский «Василий Теркин»
М. Булгков «Мастер и Маргарита»
А. Чехов «Скрипка Ротшильда»
Майкл Гелприн «Свеча горела»
Рэй Бредбери «Улыбка»
Н. Теффи «Мой Толстой»
М. Цветаева «Мой Пушкин»
М. Цветаева «Книги в красном переплете»

КОММЕНТАРИЙ ФИПИ

Тематическое направление позволяет высказаться о произведении различных видов искусства (литература, музыка, театр или кино, в том числе мультипликационное или документальное), которое является лично важным для автора сочинения.

В сочинении раскроются читательские (зрительские, музыкальные) предпочтения, выпускник даст собственные интерпретации значимого для него произведения. Мотивировка выбора произведения может быть разной: сильное эстетическое впечатление, совпадение изображенных событий с жизненным опытом выпускника, актуальность проблематики, близость психологических и мировоззренческих установок автора и выпускника.

Высказываясь о произведении искусства с опорой на собственный опыт осмысления жизни, участник может привлечь при аргументации примеры из художественных текстов (включая сценарии), мемуаров, дневников, публицистики, а также из искусствоведческих трудов критиков и ученых.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

ИСКУССТВО – это...	<ul style="list-style-type: none"> • творческое отражение, воспроизведение действительности в художественных образах • отрасль творческой художественной деятельности • совершенное владение каким-нибудь делом, профессией, ремеслом • процесс и результат творческой деятельности особо одарённых в эстетическом плане профессионалов
Функции искусства	<ul style="list-style-type: none"> • оказывает идейно-эстетическое воздействие на людей, включает их в направленную деятельность по преобразованию общества; • воздействие на подсознание людей, на человеческую психику; • способность анализировать способность окружающего мира; • способность формировать эстетические вкусы и потребности человека; восстановление в сфере духа гармонии, утраченной человеком в реальной действительности, сохранение и восстановление психического равновесия личности; • формирование личности, мыслей и чувств людей; • способность предвосхищать будущее; • призвано доставлять людям удовольствие; • способность к отражению и освоению тех сторон жизни, которые труднодоступны науке.
Художественный образ - это...	<p>форма отражения (воспроизведения) объективной действительности в искусстве с позиций определенного эстетического идеала. Воплощение художественного образа в разных произведениях искусства осуществляется с помощью разных средств и материалов (слово, ритм, рисунок, цвет, пластика, мимика, киномонтаж и др.). С помощью художественного образа искусство осуществляет свою специфическую функцию – доставлять человеку эстетическое наслаждение и побуждать художника творить по законам красоты.</p>
Образное мышление	<p>формируемый в сознании человека мысленный (ментальный) образ воспринимаемого им в окружающей среде объекта. Когда человек смотрит и воспринимает объект окружающей среды, в его голове формируется мысленный образ этого объекта. Образ может возникать без восприятия, с помощью мечтания</p>
Интерпретации художественного текста – это...	<p>истолкование художественного текста. Понятие интерпретации получает определенное значение: интерпретация - это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, т.е. в раскрытии уровня значения, заключенного в буквальном значении.</p>

О ЧЁМ ПОДУМАТЬ?

Аспекты направления

- Насколько искусство отражает действительность?
- Книга заставляет задуматься над собственными поступками.
- Произведения искусства, в частности, литературы ставят перед нами вопросы нравственного выбора.
- Эта книга (это произведение) научило меня многому.
- Насколько искусство способно меня изменить?
- Надо учиться понимать, что хотел донести до нас автор и
- Необходимо научиться отличать истинное искусство от «фальшивки».
- В чём особенность художественной литературы по сравнению с другими видами искусства?
- В чём особенность кинематографа как вида искусства?
- Чем герой выбранной книги/фильма похож или не похож на тебя?
- Чем герой понравившегося фильма/книги близок тебе?

ТЕЗИСЫ

- Искусство всегда было средством познания жизни с целью ее совершенствования. Беспокойство вызывает то, что в наши дни искусство служит главным образом для развлечения.
- Искусство отражает жизнь, поэтому каждый из нас, вглядываясь в «зеркало» искусства, заглядывает и в самого себя: стараясь понять героев произведений искусства, мы пытаемся понять себя.
- Величайшая задача искусства - постичь внутренний мир человека. Ведь именно этому посвящены величайшие произведения русских писателей. Вместе с тем искусство уже на заре своего развития пыталось постичь окружающий его мир и образно, доходчиво передать полученные знания следующим поколениям.
- Искусство обогащает человека духовно, позволяя прикоснуться к прекрасному миру, созданному гениями. Искусство тем и прекрасно, что оно создается избранными, а принадлежит миллионам. Пытаясь понять созданное мастерами, мы приближаемся к их видению мира. Не в этом ли главное назначение искусства?
- Большая литература существует не столько для проведения досуга, сколько для работы сердца и ума. Читая классическую литературу, человек учится думать, анализировать, рассуждать.
- Каждое прочитанное произведение должно быть осмыслено не только разумом, но и прочувствовано сердцем. Литература учит понимать жизнь и самого себя.
- Стремясь к своим целям и мечтам, мы, люди, часто чувствуем неуверенность в собственных силах. Нам не хватает какого-то заряда энергии, вдохновения. В результате мы просто опускаем руки от беспомощности. На помощь в таких ситуациях приходят книги, которые не только укажут вам путь развития, но и послужат пищей для ума. Ведь, как известно, хорошая книга имеет целительные способности — может вылечить душевные раны и научить радоваться каждой секунде жизни. Книги также могут менять определенные жизненные убеждения, служат своеобразным толчком, после которого человек легко отважится даже на невозможное.
- Как музыка влияет на настроение человека? Наверное, каждый замечал, что музыка помогает справляться с трудными жизненными ситуациями. Кроме того, она способна создать и поддержать нужное настроение, помогает расслабиться (неудивительно, что после работы некоторые люди, первым делом переступая порог собственного дома, включают любимые композиции), а может, наоборот, зарядить энергией.

- С помощью музыкального искусства люди всегда выражали взгляды и чувства. Оно стимулирует работу мозга. Пифагор проводил занятия с учениками под музыку. Аристотель говорил, что влияние музыки на психику настолько сильное, что с ее помощью можно сформировать особенную личность.
- Художник – человек с особенным взглядом. На окружающую действительность он смотрит совершенно иначе, чем мы, простые и далекие от искусства люди. Художник служит прекрасному, он показывает нам, сторонним наблюдателям, как красив этот мир, стоит только внимательнее приглядеться.
- Книги, прочитанные в детстве, оставляют самый яркий отпечаток. Поэтому люди часто перечитывают их много раз.
- Когда мы читаем, слушаем, смотрим, мы «отражаемся» в произведении как в зеркале. У нас вызывают симпатии герои, которые похожи на нас или на людей, к которым мы привязаны.
- Книга - это источник знаний, приключений и тайн. Она может заставить своего читателя переживать за её героя. Она захватывает читателя с первых же минут чтения. Читая книгу, мы переживаем с её героями все их горести и радости, вместе с ними проходим все испытания, которые преподносит им судьба.
- Книги сильно влияют на человека. Из них он может черпать необходимые для него знания. Есть люди, которые читают для своего удовольствия. Многие увлекаются чтением фантастики, любовных романов, детективов. Учитывая, что всем нравятся разные жанры, книги будут влиять на каждого человека по-разному. Читая книги, люди приобщаются к культуре мыслительного процесса. Даже самые примитивные книги могут дать человеку необходимую пищу для размышления. Ведь и размышления также могут стимулировать мыслительного процесс.
- Фильм, написанный на основе художественного текста, позволяет увидеть режиссерскую трактовку произведения. Чтобы глубже понять художественный текст и авторский замысел, читателю часто необходим помощник — тот, кто объяснит произведение. Этим помощником может выступить актер или режиссер в фильме.
- Кино помогает разбираться в себе, понимать жизнь. Классическое художественное произведение, так же как и хороший фильм, удовлетворяет духовные потребности человека в постижении прекрасного, в познании собственного внутреннего мира, в понимании окружающих событий.
- Есть легкие и тяжелые фильмы, может быть несколько интерпретаций одного и того же литературного произведения разными режиссерами. Только зритель может определить, что ему понятнее и ближе. Необходимо учиться смотреть фильмы, созданные по классическим сюжетам, вдумчиво, сопоставляя игру актеров с собственным представлением о литературном герое.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

1. Какая книга помогла Вам лучше понять себя?
2. Какую книгу я считаю величайшим достижением культуры?
3. Какое произведение искусства повлияло на вашу систему ценностей?
4. Какого героя литературного произведения или фильма вы бы могли назвать родственной душой?
5. Как музыка может помочь человеку пережить трудное время?
6. Почему людям нравится смотреть фильмы?
7. Как вы понимаете высказывание В. Гюго: «Книги – это друзья, бесстрастные, но верные»?
8. Как искусство может изменить человека?
9. Согласны ли вы с высказыванием М. Лютера: «Музыка – лучшее утешение для опечаленного человека»?

10. Может ли человечество существовать без искусства?
11. Какое произведение литературы, по Вашему мнению, будут помнить в XXII веке и почему?
12. Нужно ли читать книги в XXI веке?
13. Какие книги вдохновляют современную молодежь?
14. Может ли книга помочь разобраться в себе?
15. Какие литературные герои Вам больше всего нравятся и почему?
16. Какой вид искусства Вам ближе и почему?
17. Как искусство влияет на личность?
18. Как музыка влияет на людей?
19. «Где не хватает слов, говорит музыка» (Ганс Христиан Андерсен). В каких произведениях можно найти подтверждение этой мысли?
20. Какую роль чтение художественной литературы играет в становлении личности?
21. Кумиры моего поколения: какие они?
22. Что добавляет читательский опыт жизненному опыту?
23. Какие вопросы волнуют человека в любую эпоху?
24. Что пробуждает в человеке литература?
25. Какие произведения искусства делают вас счастливым?
26. Какие вопросы, поднятые в литературе, не теряют своей актуальности с течением времени?
27. Какую книгу вы бы прочитали своим детям?
28. Какое место литература занимает в Вашей жизни?
29. Чего я жду от новой книги?
30. Книги моего детства.
31. Способна ли книга сделать человека лучше?
32. Какую книгу Вам хотелось бы перечитать?
33. Какая тема в литературе кажется Вам вечной?
34. Классическая и современная музыка: какую я слушаю чаще и почему.
35. Мой любимый спектакль.
36. Фильм, который изменил мой взгляд на любовь/дружбу.
37. Киногерой, на которого я хочу быть похожим(ей).
38. «Беседовать с писателями других веков – почти то же, что путешествовать» (Р. Декарт).
39. Литература и кино: соперничество или сотрудничество?
40. «Книга для каждого освещает наше личное движение к истине» (М.М. Пришвин)
41. Согласны ли вы с утверждением А.И. Солженицына: «Единственный заместитель не прожитого нами опыта – литература»?

МУДРЫЕ МЫСЛИ

«Любите книгу, она облегчит вам жизнь, дружески поможет разобраться в пестрой и бурной путанице мыслей, чувств, событий, она научит вас уважать человека и самих себя, она окрыляет ум и сердце чувством любви к миру, к человеку».

(М. Горький)

«А увлекают меня такие книжки, что как их дочитаешь до конца — так сразу подумаешь: хорошо бы, если бы этот писатель стал твоим лучшим другом...»

(Джером Сэлинджер. «Над пропастью во ржи»)

«Книгу стоит называть «большой» или «маленькой» не по количеству страниц, а по тому месту, которое она занимает в твоём сердце».

(Н. Ясминска)

«Рекомендовать кому-либо книгу — всё равно что предлагать поносить ботинки, которые вам по ноге».

(К. Теплиц)

«Музыка — это откровение более высокое, чем мудрость и философия».

(Людвиг ван Бетховен)

«Любите и изучайте великое искусство музыки: оно откроет вам целый мир высоких чувств, страстей, мыслей».

(Д. Шостакович)

«Театр поучает так, как этого не сделать толстой книге».

(Вольтер)

«Фильм — это жизнь, с которой вывели пятна скуки».

(А. Хичкок)

«Искусство видоизменяет человека, делает его готовым к восприятию добра, высвобождает духовную энергию. В этом и есть его высокое назначение».

(А. А. Тарковский)

«Учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь делает остальное».

(Ф.М. Достоевский)

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ

Сила искусства

Книги, изменившие жизнь великих людей

- Прочитав книгу Франца Кафки "Превращение", Габриэль Гарсиа Маркес понял, что обязательно должен стать писателем. Обычно он читал, чтобы уснуть, но не в этот раз. Произведение его настолько потрясло, что он почти не мог спать, а утром сразу бросился писать. Сам он очень хорошо рассказывал об этом: «Метаморфозы» Франца Кафки с первой же строки определили мой новый жизненный путь. Новый день застал меня за машинкой, которую мне одолжили, чтобы попытаться создать что-нибудь похожее на бедного бюрократа из книги Кафки, превратившегося в огромного жука. Все последующие дни я не ходил в университет, опасаясь, что волшебство рассеется, зависть, выражавшаяся в каплях пота, покрывала мое лицо».
- Книгу забытого сегодня Фурмана о молодом Петре I постоянно читали в доме Булгаковых, и в списке любимых книг писателя она стоит на особом месте. "Плотник" был больше, чем книга - в сложной жизни писателя он стала символом детства и дома, мира безмятежного и "беспечального". «Как часто читался у пышущей жаром изразцовой площади «Саардамский плотник», — напишет Булгаков в «Белой гвардии». И в другом месте, как часть утерянного счастья: «Все же, когда Турбиных и Тальберга не будет на свете, (...) в ложах будет пахнуть духами, и дома будут играть аккомпанемент женщины, окрашенные светом, потому что (...) Саардамский Плотник, — совершенно бессмертен».
- На Хемингуэя из всех писателей (а он перечитал горы книг) больше всего повлиял Лев Толстой, он очень любил "Войну и мир". Русский реалист поразил Хемингуэя своей откровенностью и остротой в раскрытии темы социального зла. В своих романах писатель также поднимал вопросы морали и поиска смысла жизни. Хэм, который сравнивал литературу с боксом, так говорил о величии Толстого: "Я начал очень скромно и побил господина Тургенева, — говорил он. — Затем — это стоило большого труда, — я побил господина де Мопассана. С господином Стендалем у меня дважды была ничья, но, кажется, в последнем раунде я выиграл по очкам. **Но ничего не заставит меня выйти на ринг против господина Толстого**".

Рекомендуемые произведения и комментарии к ним

Н.В. ГОГОЛЬ. «ПОРТРЕТ».

Не все живописцы используют свой дар по назначению. Многие превращают искусство в ремесло для получения материального вознаграждения. Такого художника мы встречаем в одной из петербургских повестей Николая Васильевича Гоголя «Портрет». Молодой художник Чартков живет бедно, но при этом преданно служит искусству. Правда, такое положение дел его не устраивает: он хочет разбогатеть. Чартков нетерпелив, эта черта в конечном итоге его и погубит. совершенно случайно на последние деньги он приобретает загадочный портрет. Главная особенность этого портрета — невероятно выразительные глаза, кажущиеся живыми. Необычная картина не дает покоя всем, кто ее видит: каждому кажется, что глаза следят за ним. Позже оказывается, что портрет написал очень талантливый художник по просьбе ростовщика, история жизни которого поражает своей таинственностью. Он вложил все усилия, чтобы передать эти глаза, но потом понял, что это глаза самого дьявола.

С этого момента для живописца начинается новая жизнь. Теперь он модный художник, который пишет на заказ, его знают все, он добился всего, чего хотел. Вот только талант Чарткова с каждым днем умирает. Талантливые работы других со товарищей вызывают в молодом человеке зависть, он понимает, что мог бы стать одним из них, но выбрал другой путь. Чартков продает свой талант, он не выполнил своего высшего предназначения - показывать людям красоту окружающего мира, все то прекрасное, что в нем есть. Талант не требует материального вознаграждения. Художник должен творить на благо людей.

Г. Щербакова «Вам и не снилось».

Повесть "Вам и не снилось" послужила основой для популярного одноименного фильма. Это рассказ о современных Ромео и Джульетте. Не случайно главных героев зовут Юля и Ромка. Интересна история написания этого произведения. Прототипом главного героя Ромы Лавочкина стал сын писательницы, учившийся в десятом классе. Однажды он полез по водосточной трубе к своей возлюбленной на шестой этаж. Оставив послание на ее балконе, он уже стал спускаться, но на середине пути труба развалилась. К счастью, обошлось все без серьезных травм.

Юлька - новенькая, маленькая, чуткая и внимательная. Ромка - серьезный, начитанный и с острым чувством юмора. Они не заметили, когда между ними вспыхнула искра, но то, что это серьезно и навсегда - не требует никаких доказательств. Пылкие надежды на счастливое будущее не разделяют их родители. Они против того, чтобы дети встречались. В ход идут самые страшные и хитрые уловки: перевод в другую школу, отъезды к родственникам. Все коротко и ясно: "Таких любовей будет впереди миллион".

В этой повести Галина Щербакова затрагивает еще одну вечную проблему – проблему отцов и детей, столкновение конфликтов поколений. Взрослые судят о жизни детей сквозь призму своего прошлого, пытаются вразумить, направить в нужное, по их мнению, русло. А ведь так важно быть внимательным к своему ребенку и видеть в нем полноценную личность с подлинными чувствами и эмоциями. Первая любовь, которую не одобряют родители, может стать трагедией. Смогут ли влюбленные отстаивать свое право на счастье или им суждено навсегда расстаться друг с другом? «Вам и не снилось» - одна из самых пронзительных историй о любви. Книга предназначена не только для подростков, но и родителей, а также для всех, кто просто хочет прочесть еще одно произведение, посвященное светлой и чистой любви.

На основе этого произведения был снят фильм. В нем, как и в книге, — жизнь людей, ищущих счастье. В фильме созданы прекрасные образы, которые помогают понять подрастающему поколению главную мысль: взрослые не вправе запрещать детям идти по собственному пути, решать судьбу за них. Такое вмешательство чуть не привело к трагедии, но *«смерть побеждающий вечный закон, это любовь моя»* — гимн тем, кто проносит свое чувство через любые испытания, защищая и сохраняя его. Эти строчки Рабиндраната Тагора, положенные на музыку Алексея Рыбникова, дают понять, что все закончится хорошо. Дети — мальчик и девочка, появляющиеся в конце фильма — как знак бесконечного круговорота любви в природе, знак того, что все равно любовь сильнее смерти!

Б. Полевой. «Повесть о настоящем человеке».

Это произведение, вышедшее в печать в 1946 году, произвело сильное впечатление на современников автора, которые еще слышали в голове звуки войны. Но и сегодня повесть удивляет читателя высокой нравственностью.

Это рассказ о летчике, который благодаря жажде к жизни и патриотизму сумел выжить в экстремальной обстановке и после, несмотря на ампутацию обеих ног, решил вернуться на фронт.

Идея произведения – воспевание высокой нравственности настоящего человека-патриота, который борется за свою жизнь для того, чтобы после помочь другим сражаться на войне. Главный герой во время испытаний думает о том, что нельзя дать врагу пробраться дальше.

В основе повести рассказ летчика Маресьева, с которым Полевому довелось встретиться. Рассказ отважного летчика, сбившего два немецких самолета, поразил молодого корреспондента. Узнав о том, что у Алексея протезы и что он воюет без ног, писатель решил, что напишет произведение об этом настоящем человеке. Таким образом, прототипом главного героя стал реальный летчик по фамилии Маресьев. Автор немного видоизменил его фамилию, поменяв одну букву. Ведь произведение было задумано как художественное, а не документальное.

Летчик Мересьев попадает в «двойные клещи» во время выполнения боевого задания. Герой падает на землю. Ему приходится пройти страшные испытания: летчик оказывается один в зимнем лесу с перебитыми ногами. Автор подробно описывает, как летчик мужественно преодолевает боль и сначала идет, а потом ползет вперед в надежде найти помощь. Не только боль, но и голод мучает героя. Поэтому он так рад даже найденному заплесневелому сухарику. Благодаря выдержке летчик таки находит партизан, которые ему помогают поправиться. Но, потеряв обе ноги, Мересьев пребывает в отчаянье, пока товарищ не вдохновляет его на борьбу и возвращение к полетам и продолжает сражаться с врагом. Летчик Мересьев – пример настоящего героя, патриота, человека с удивительной любовью к жизни.

Позже на основе этого произведения был снят замечательный фильм с Павлом Кадочниковым в главной роли. Ему довелось встретиться с Алексеем Маресьевым. Актер вспоминает, что летчик был скромным, застенчивым человеком, который думал только о том, чтобы вернуться в строй. Подвиг человека, который продолжал летать с протезами, является потрясающим примером мужества и силы воли.

О. Генри. «Последний лист»

О'Генри в этом рассказе размышляет о том, каково же на самом деле предназначение художника и искусства. Описывая историю этой несчастной больной и потерявшей надежду девушки, он приходит к выводу, что люди талантливые приходят в этот мир, дабы помогать людям более простым и спасать их.

Поскольку ни у кого, кроме как у человека, наделенного творческим воображением, не могло бы возникнуть столь абсурдной и одновременно столь прекрасной идеи — заменить настоящие листья бумажными, нарисовав их столь искусно, что никто и не отличил. Но за это спасение художнику пришлось заплатить собственной жизнью, это творческое решение оказалось своего рода его лебединой песней.

Также он рассуждает и о воле к жизни. Ведь, как сказал доктор, у Джонси был шанс выжить, только если она сама поверит в такую возможность. Но девушка готова была малодушно опустить руки, пока не увидела так и не упавший последний лист. О'Генри

дает понять читателям, что все в их жизни зависит лишь от них самих, что силой воли и жадной жизни можно даже победить смерть.

Искусственный лист оказывается нарисован так искусно, что первое время никто не распознает в нем подделки. «Темнозеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада» он обманывает не только больную Джонси, но и здоровую Сью. Чудо, созданное руками человека, заставляет девушку поверить в свои жизненные силы, устыдится малодушного желания смерти. Видя, насколько храбро держится последний лист на плуще, Джоанна понимает, что она должна быть сильнее маленького растения: теперь она уже видит в нем не приближающуюся смерть, а нескончаемую жизнь.

И.С. Тургенев. Роман «Отцы и дети».

С какими литературными героями Вы ассоциируете себя и почему?

И.А. Гончаров в романе «Обломов» описал героя, с которого хочется взять пример. Это Андрей Штольц. Успешный и целеустремленный мужчина сделал себя сам и всего добился без родительской помощи. С ранних лет он много учился и даже работал. Андрей рос активным ребенком и не боялся трудностей. Поэтому он поехал в большой город делать карьеру, не воспользовавшись протекцией. Ему хватило смелости и упорства, чтобы устроиться на службу и сделать карьеру. Штольц дослужился до чина, давшего ему право на личное дворянство. Потом он занялся бизнесом и стал негоциантом — международным торговцем. Так он увеличил наследный капитал в десять раз. Его история мотивирует читателя на достижения и преодоление себя.

А.И. Куприн. Повесть «Гранатовый браслет»

Как искусство влияет на личность? А.И. Куприн в повести «Гранатовый браслет» показал, что искусство может дать человеку успокоение в минуты душевного напряжения. Вера оказалась в сложной жизненной ситуации: из-за любви к ней Георгий Желтков покончил с собой. Он несколько лет подряд писал ей любовные письма, но героиня не хотела отношений и ясно дала это понять. Однако любовь Георгия была настолько сильной, что не требовала взаимности и проявлялась лишь в письмах. И все же его подарок на именины переполнил чашу терпения брата Веры. Он и муж его сестры разыскали анонимного автора писем и потребовали прекращения любых попыток связаться с Верой. Желтков все понял, но не смог с этим жить. Узнав о его гибели, Вера винила себя в том, что произошло. Она выполняет волю Желткова: звучит Вторая соната Бетховена. Душа Веры переполняется особым чувством, и она понимает, что Георгий ее простил. Вера воспринимает это как знак того, что Желтков не злился на неё, она находит в себе силы простить себя и преодолеть кризис.

Классическая музыка способна очистить человека душу от чувства тоски и безысходности. Благодаря классической музыке главная героиня вдруг осознала, какая любовь прошла мимо нее.

А.С. Пушкин. Роман «Евгений Онегин»

Какой вид искусства Вам ближе и почему?

Литература – это один из видов искусства, который сильнее всего влияет на человека. Так происходит и с главной героиней романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Татьяна жила в деревне и была нелюдимой девушкой, а о жизни узнавала из любимых книг. Чтение помогло девушке открыть мир во всем многообразии и изучить людей. Ее кругозор расширился, поэтому Онегин с первого взгляда распознал в ней интересного и глубокого человека, способного на сильные чувства и необычные мысли. Татьяна стала самобытной натурой со своей индивидуальностью, чем привлекла и богатого генерала на ярмарке невест в Москве. Увлечение литературой сделало героиню умнее, культурнее, богаче духовно. Поэтому она ценила семью и брак выше страсти и даже первой любви,

которая обманула ее ожидания. Я тоже стремлюсь к развитию, а потому люблю читать и всем советую начать.

Л.Н. Толстой. «Война и мир».

Может ли музыка утешить человека в беде? Л.Н. Толстой в романе-эпопее «Война и мир» описал, как музыка исцеляет душу и выводит человека из состояния отчаяния. Николай Ростов проиграл в карты целое состояние. Его многодетная семья и так была в долгах, а он своими действиями и вовсе поставил ее в финансовый тупик. Ему было стыдно признаться в своей слабости, и он был настолько угнетен, что уже подумывал о самоубийстве. Придя домой, он был уже уверен в своем решении. Однако там он услышал песню сестры и глубоко задумался. Красивая музыка и чарующий голос вернули ему жажду жизни и веру в себя. Николай понял, что глупо губить себя из-за денег и вынуждать родных страдать. Он набрался смелости и признался во всем отцу. Именно музыка в трудную минуту поддержала его и подтолкнула к правильному решению.

К.Г. Паустовский. «Старый повар».

Какое воздействие оказывает музыка на человека?

Перед смертью слепой старый повар просит свою дочь Марию выйти на улицу и позвать любого человека, чтобы он исповедал умирающего. Мария делает это: на улице она видит незнакомца и передает просьбу отца. Старый повар признается молодому человеку, что в жизни совершил только один грех: из сервиза графини Тун украл золотое блюдо, чтобы помочь больной жене Марте. Желание умирающего было простым: снова увидеть жену такой, какая она была в молодости. Незнакомец начинает играть на клавесине. Сила музыки оказывает на старика такое сильное влияние, что он видит моменты из прошлого как наяву. Молодой человек, подаривший ему эти минуты, оказывается Вольфгангом Амадеем Моцартом, великим музыкантом.

К.Г. Паустовский. «Корзина с еловыми шишками».

Что такое настоящее искусство?

В лесах Бергена великий композитор Эдвард Григ встречается Дагни Педерсен, дочь местного лесника. Общение с девочкой побуждает композитора написать для Дагни музыку. Зная, что ребенок не может оценить всю прелесть классических произведений, Эдвард Григ обещает сделать подарок для Дагни через десять лет, когда ей исполнится восемнадцать. Композитор верен своему слову: через десять лет Дагни Педерсен неожиданно для себя слышит посвященное ей музыкальное произведение. Музыка вызывает бурю эмоций: она видит свой лес, слышит шум моря, пастуший рожок, свист птиц. Дагни плачет слезами благодарности. Эдвард Григ открыл для нее то прекрасное, чем на самом деле должен жить человек.

А.Т. Твардовский «Василий Теркин». Музыка способна согреть душу человека даже в тяжелое военное время. Василий Теркин, герой произведения, играет на гармонии убитого командира. От музыки людям становится теплее, они идут на музыку как на огонь, пускаются в пляс. Это позволяет им хоть на какое-то время забыть о невзгодах, трудностях, несчастьях. Товарищи убитого командира отдают гармонь Теркину, чтобы он и в дальнейшем веселил свою пехоту.

М.А. Булгаков. «Мастер и Маргарита».

Может ли литературное произведение помочь ответить на важные жизненные вопросы?

Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» поднимает несколько сложных тем, актуальных во все времена. Эта книга будет иметь ценность в любой век, так как посвящена вечным проблемам.

Одной из них является противоборство Добра и Зла. Какая сила одержит в конце концов победу? Автор приходит к выводу, что обе силы уравнивают друг друга, а к какой стороне пойти, выбирает человек. Зло в романе олицетворяет образ Воланда и его свиты. При этом они не являются абсолютным злом. Они предоставляют людям выбор, поэтому справедливы. Добро выражено в образе Иешуа. Этот персонаж вовсе отрицает, что есть злые люди. Также перед выбором добра или зла стоит Понтий Пилат. Он мечется между справедливостью и карьерой, выбрав последнее. За свой выбор он получил заслуженное наказание.

Второй важной проблемой, поднимаемой автором, является **тема истинного и ложного искусства**. Члены МАССОЛИТа пишут лишь то, что нужно партии. Они озабочены лишь своими материальными потребностями. Истинным творцом в романе является Мастер, который противостоит графоманам МАССОЛИТа. Он пишет книгу про Иисуса Христа, где есть и добро, и справедливость, и борьба, и любовь. Произведение не может быть понято современниками, поэтому отвергается. Берлиоз, один из членов МАССОЛИТа, попадает под трамвай. Этот эпизод выражает наказание ложному искусству, а также подчеркивает отношение автора к нему. Михаил Булгаков не одобряет такого искусства, хочет с ним бороться.

Третьей важной проблемой является **проблема истинной и ложной любви**. Во времена, описываемые автором, были распространены гражданские браки, браки по расчету. В современном ему мире Михаил Булгаков увидел, что любовь уходит на последний план. Намного важнее положение в обществе и связи. Ему, как писателю, больно это слышать, поэтому в своем произведении автор вводит любовную линию между Мастером и Маргаритой. Это чистая, возвышенная, нежная, самоотверженная любовь. Маргарита идет на договор с Воландом. В классических формах договора с Дьяволом (именно его олицетворяет Воланд) сторона зла обманывает того, с кем подписывает договор. Однако здесь такого не произошло. Воланд дает Маргарите счастье и покой со своим возлюбленным.

Все эти темы смотрятся особенно остро на фоне исторических событий времени, в котором жил автор. В романе «Мастер и Маргарита» писатель не одобряет советскую идеологию. Он замечает, как она пагубно влияет на душу. Это и обостряет противоречия, описываемые автором. В романе «Мастер и Маргарита» поднято множество проблем, которые всегда останутся ценными и важными для любого человека вне зависимости от его возраста, места жительства, места работы, окружения.

КОРОТКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И КОММЕНТАРИИ К НИМ

Антон Чехов. «Скрипка Ротшильда»

Городок был маленький, хуже деревни, и жили в нем почти одни только старики, которые умирали так редко, что даже досадно. В больницу же и в тюремный замок гробов требовалось очень мало. Одним словом, дела были скверные. Если бы Яков Иванов был

гробовщиком в губернском городе, то, наверное, он имел бы собственный дом и звали бы его Яковом Матвеевичем; здесь же в городишке звали его просто Яковом, уличное прозвище у него было почему-то Бронза, а жил он бедно, как простой мужик, в небольшом старой избе, где была одна только комната, и в этой комнате помещались он, Марфа, печь, двухспальная кровать, гробы, верстак и всё хозяйство. Яков делал гробы хорошие, прочные. Для мужиков и мещан он делал их на свой рост и ни разу не ошибся, так как выше и крепче его не было людей нигде, даже в тюремном замке, хотя ему было уже семьдесят лет. Для благородных же и для женщин делал по мерке и употреблял для этого железный аршин. Заказы на детские гробики принимал он очень неохотно и делал их прямо без мерки, с презрением, и всякий раз, получая деньги за работу, говорил: — Признаться, не люблю заниматься чепухой.

Кроме мастерства, небольшой доход приносила ему также игра на скрипке. В городке на свадьбах играл обыкновенно жидовский оркестр, которым управлял лудильщик Моисей Ильич Шахкес, бравший себе больше половины дохода. Так как Яков очень хорошо играл на скрипке, особенно русские песни, то Шахкес иногда приглашал его и оркестр с платою по пятьдесят копеек в день, не считая подарков от гостей. Когда Бронза сидел в оркестре, то у него прежде всего потело и багровело лицо; было жарко, пахло чесноком до духоты, скрипка взвизгивала, у правого уха хрипел контрабас, у левого — плакала флейта, на которой играл рыжий тощий жид с целою сетью красных и синих жилок на лице, носивший фамилию известного богача Ротшильда. И этот проклятый жид даже самое веселое умудрялся играть жалобно. Без всякой видимой причины Яков мало-помалу проникался ненавистью и презрением к жидам, а особенно к Ротшильду; он начинал придирается, бранить его нехорошими словами и раз даже хотел побить его, и Ротшильд обиделся и проговорил, глядя на него свирепо:

— Если бы я не уважал вас за талант, то вы бы давно полетели у меня в окошке.

Потом заплакал. Поэтому Бронзу приглашали в оркестр не часто, только в случае крайней необходимости, когда недоставало кого-нибудь из евреев. Яков никогда не бывал в хорошем расположении духа, так как ему постоянно приходилось терпеть страшные убытки. Например, в воскресенья и праздники грешно было работать, понедельник — тяжелый день, и таким образом в году набиралось около двухсот дней, когда поневоле приходилось сидеть сложа руки. А ведь это какой убыток! Если кто-нибудь и городе играл свадьбу без музыки или Шахкес не приглашал Якова, то это тоже был убыток.

Полицейский надзиратель был два года болен и чахнул, и Яков с нетерпением ждал, когда он умрет, но надзиратель уехал в губернский город лечиться и взял да там и умер. Вот вам и убыток, по меньшей мере рублей на десять, так как гроб пришлось бы делать дорогой, с глазетом. Мысли об убытках дожимали Якова особенно по ночам; он клал рядом с собой на постели скрипку и, когда всякая чепуха лезла в голову, трогал струны, скрипка в темноте издавала звук, и ему становилось легче. Шестого мая прошлого года Марфа вдруг занемогла. Старуха тяжело дышала, пила много воды и пошатывалась, но все-таки утром сама истопила печь и даже ходила по воду. К вечеру же слегла. Яков весь день играл на скрипке; когда же совсем стемнело, взял книжку, в которую каждый день записывал свои убытки, и от скуки стал подводить годовой итог. Получилось больше тысячи рублей. Это так потрясло его, что он хватил счетами о пол и затопал ногами. Потом поднял счеты и опять долго щелкал и глубоко, напряженно вздыхал. Лицо у него было багрово и мокро от пота. Он думал о том, что если бы эту пропащую тысячу рублей положить в банк, то в год проценту накопилось бы самое малое — сорок рублей. Значит, и эти сорок рублей тоже убыток. Одним словом, куда ни повернись, везде только убытки и больше ничего.

— Яков! — позвала Марфа неожиданно. — Я умираю!

Он оглянулся на жену. Лицо у нее было розовое от жара, необыкновенно ясное и радостное. Бронза, привыкший всегда видеть ее лицо бледным, робким и несчастным, теперь смутился. Похоже было на то, как будто она в самом деле умирала и была рада, что наконец уходит навеки из этой избы, от гробов, от Якова... И она глядела в потолок и

шевелила губами, и выражение у нее было счастливое, точно она видела смерть, свою избавительницу, и шепталась с ней.

Был уже рассвет, в окно видно было, как горела утренняя заря. Глядя на старуху, Яков почему-то вспомнил, что за всю жизнь он, кажется, ни разу не приласкал ее, не пожалел, ни разу не догадался купить ей платочек или принести со свадьбы чего-нибудь сладенького, а только кричал на нее, бранил за убытки, бросался на нее с кулаками; правда, он никогда не бил ее, но все-таки пугал, и она всякий раз цепенела от страха. Да, он не велел ей пить чай, потому что и без того расходы большие, и она пила только горячую воду. И он понял, отчего у нее теперь такое странное, радостное лицо, и ему стало жутко. Дождавшись утра, он взял у соседа лошадь и повез Марфу в больницу. Тут больных было немного и потому пришлось ему ждать недолго, часа три. К его великому удовольствию, в этот раз принимал больных не доктор, который сам был болен, а фельдшер Максим Николаич, старик, про которого все в городе говорили, что хотя он и пьющий и дерется, но понимает больше, чем доктор. — Здравия желаем, — сказал Яков, вводя старуху в приемную. — Извините, всё беспокоим вас, Максим Николаич, своими пустяшными делами. Вот, извольте видеть, захворал мой предмет. Подруга жизни, как это говорится, извините за выражение... Нахмутив седые брови и поглаживая бакены, фельдшер стал оглядывать старуху, а она сидела на табурете сгорбившись и, тощая, остроносая, с открытым ртом, походила в профиль на птицу, которой хочется пить. — Мда... Так... — медленно проговорил фельдшер и вздохнул. — Инфлуэнца, а может и горячка. Теперь по городу тиф ходит. Что ж? Старушка пожила, слава богу... Сколько ей? — Да без года семьдесят, Максим Николаич. — Что ж? Пожила старушка. Пора и честь знать. — Оно, конечно, справедливо изволили заметить, Максим Николаич, — сказал Яков, улыбаясь из вежливости, — и чувствительно вас благодарим за вашу приятность, но позвольте вам выразиться, всякому насекомому жить хочется. — Мало ли чего! — сказал фельдшер таким тоном, как будто от него зависело жить старухе или умереть. — Ну, так вот, любезный, будешь прикладывать ей на голову холодный компресс и давай вот эти порошки по два в день. А за сим досвиданция, бонжур. По выражению его лица Яков видел, что дело плохо и что уж никакими порошками не поможешь; для него теперь ясно было, что Марфа помрет очень скоро, не сегодня-завтра. Он слегка толкнул фельдшера под локоть, подмигнул глазом и сказал вполголоса: — Ей бы, Максим Николаич, банки поставить. — Некогда, некогда, любезный. Бери свою старуху и уходи с богом. Досвиданция. — Сделайте такую милость, — взмолился Яков. — Сами извольте знать, если б у нее, скажем, живот болел или какая внутренность, ну, тогда порошки и капли, а то ведь в ней простуда! При простуде первое дело — кровь гнать, Максим Николаич. А фельдшер уже вызвал следующего больного, и в приемную входила баба с мальчиком. — Ступай, ступай... — сказал он Якову, хмурясь. — Нечего тень наводить. — В таком случае поставьте ей хоть пъявки! Заставьте вечно бога молить! Фельдшер вспылил и крикнул: — Поговори мне еще! Ддубина... Яков тоже вспылил и побагровел весь, но не сказал ни слова, а взял под руку Марфу и повел ее из приемной. Только когда уж садились в телегу, он сурово и насмешливо поглядел на больницу и сказал: — Насажали вас тут артистов! Богатому небось поставил бы банки, а для бедного человека и одной пъявки пожалел. Ироды! Когда приехали домой, Марфа, войдя в избу, минут десять простояла, держась за печку. Ей казалось, что если она ляжет, то Яков будет говорить об убытках и бранить ее за то, что она всё лежит и не хочет работать. А Яков глядел на нее со скукой и вспоминал, что завтра Иоанна богослова, послезавтра Николая чудотворца, а потом воскресенье, потом понедельник — тяжелый день. Четыре дня нельзя будет работать, а наверное Марфа умрет в какой-нибудь из этих дней; значит, гроб надо делать сегодня. Он взял свой железный аршин, подошел к старухе и снял с нее мерку. Потом она легла, а он перекрестился и стал делать гроб. Когда работа была кончена, Бронза надел очки и записал в свою книжку: «Марфе Ивановой гроб — 2 р. 40 к.». И вздохнул.

Старуха всё время лежала молча с закрытыми глазами. Но вечером, когда стемнело, она вдруг позвала старика.

— Помнишь, Яков? — спросила она, глядя на него радостно. — Помнишь, пятьдесят лет назад нам бог дал ребеночка с белокурыми волосиками? Мы с тобой тогда всё на речке сидели и песни пели... под вербой. — И, горько усмехнувшись, она добавила: — Умерла девочка.

Яков напряг память, но никак не мог вспомнить ни ребеночка, ни вербы. — Это тебе мерещится, — сказал он.

Приходил батюшка, приобщал и соборовал. Потом Марфа стала бормотать что-то непонятное и к утру скончалась. Старухи-соседки обмыли, одели и в гроб положили. Чтобы не платить лишнего дьячку, Яков сам читал псалтырь, и за могилку с него ничего не взяли, так как кладбищенский сторож был ему кум. Четыре мужика несли до кладбища гроб, но не за деньги, а из уважения. Шли за гробом старухи, нищие, двое юродивых, встречный народ набожно крестился... И Яков был очень доволен, что всё так честно, благопристойно и дешево и ни для кого не обидно. Прощаясь в последний раз с Марфой, он потрогал рукой гроб и подумал: «Хорошая работа!» Но когда он возвращался с кладбища, его взяла сильная тоска. Ему что-то нездоровилось: дыхание было горячее и тяжкое, ослабели ноги, тянуло к питью. А тут еще полезли в голову всякие мысли. Вспомнилось опять, что за всю свою жизнь он ни разу не пожалел Марфы, не приласкал. Пятьдесят два года, пока они жилив одной избе, тянулись долго-долго, но как-то так вышло, что за всё это время он ни разу не подумал о ней, не обратил внимания, как будто она была кошка или собака. А ведь она каждый день топила печь, варила и пекла, ходила по воду, рубила дрова, спала с ним на одной кровати, а когда он возвращался пьяный со свадеб, она всякий раз с благоговением вешала его скрипку на стену и укладывала его спать, и всё это молча, с робким, заботливым выражением. Навстречу Якову, улыбаясь и кланяясь, шел Ротшильд. — А я вас ищу, дяденька! — сказал он. — Кланялись вам Моисей Ильич и велели вам з́араз приходить к ним. Якову было не до того. Ему хотелось плакать. — Отстань! — сказал он и пошел дальше. — А как же это можно? — встревожился Ротшильд, забегая вперед. — Моисей Ильич будут обижаться! Они велели з́араз! Якову показалось противно, что жид запыхался, моргает и что у него так много рыжих веснушек. И было гадко глядеть на его зеленый сюртук с темными латками и на всю его хрупкую, деликатную фигуру. — Что ты лезешь ко мне, чеснок? — крикнул Яков. — Не приставай! Жид рассердился и тоже крикнул: — Но ви пожалуста потише, а то ви у меня через забор полетите! — Прочь с глаз долой! — заревел Яков и бросился на него с кулаками. — Житья нет от пархатых! Ротшильд помертвел от страха, присел и замахал руками над головой, как бы защищаясь от ударов, потом вскочил и побежал прочь что есть духу. На бегу он подпрыгивал, всплескивал руками, и видно было, как вздрагивала его длинная, тощая спина. Мальчишки обрадовались случаю и бросились за ним с криками: «Жид! Жид!» Собаки тоже погнались за ним с лаем. Кто-то захохотал, потом свистнул, собаки залаяли громче и дружнее... Затем, должно быть, собака укусила Ротшильда, так как послышался отчаянный, болезненный крик. Яков погулял по выгону, потом пошел по краю города, куда глаза глядят, и мальчишки кричали: «Бронза идет! Бронза идет!» А вот и река. Тут с писком носились кулики, крякали утки. Солнце сильно припекало, и от воды шло такое сверканье, что было больно смотреть. Яков прошелся по тропинке вдоль берега и видел, как из купальни вышла полная краснощекая дама, и подумал про нее: «Ишь ты, выдра!» Недалеко от купальни мальчишки ловили на мясо раков; увидев его, они стали кричать со злобой: «Бронза! Бронза!» А вот широкая старая верба с громадным дуплом, а на ней вороньи гнезда... И вдруг в памяти Якова, как живой, вырос младенец с белокурыми волосами и верба, про которую говорила Марфа. Да, это и есть та самая верба — зеленая, тихая, грустная... Как она постарела, бедная! Он сел под нее и стал вспоминать. На том берегу, где теперь заливной луг, в ту пору стоял крупный березовый лес, а вон на той лысой горе, что виднеется на горизонте, тогда синел старей-

старый сосновый бор. По реке ходили барки. А теперь всё ровно и гладко, и на том берегу стоит одна только березка, молоденькая и стройная, как барышня, а на реке только утки да гуси, и не похоже, чтобы здесь когда-нибудь ходили барки. Кажется, против прежнего и гусей стало меньше. Яков закрыл глаза, и в воображении его одно навстречу другому понеслись громадные стада белых гусей. Он недоумевал, как это вышло так, что за последние сорок или пятьдесят лет своей жизни он ни разу не был на реке, а если, может, и был, то не обратил на нее внимания? Ведь река порядочная, не пустячная; на ней можно было бы завести рыбные ловли, а рыбу продавать купцам, чиновникам и буфетчику на станции и потом класть деньги в банк; можно было бы плавать в лодке от усадьбы к усадьбе и играть на скрипке, и народ всякого звания платил бы деньги; можно было бы попробовать опять гонять барки — это лучше, чем гробы делать; наконец, можно было бы разводить гусей, бить их и зимой отправлять в Москву; небось одного пуху в год набралось бы рублей на десять. Но он прозевал, ничего этого не сделал. Какие убытки! Ах, какие убытки! А если бы всё вместе — и рыбу ловить, и на скрипке играть, и барки гонять, и гусей бить, то какой получился бы капитал! Но ничего этого не было даже во сне, жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку; впереди уже ничего не осталось, а посмотришь назад — там ничего, кроме убытков, и таких страшных, что даже озноб берет. И почему человек не может жить так, чтобы не было этих потерь и убытков? Спрашивается, зачем срубили березняк и сосновый бор? Зачем даром гуляет выгон? Зачем люди делают всегда именно не то, что нужно? Зачем Яков всю свою жизнь бранился, рычал, бросался с кулаками, обижал свою жену и, спрашивается, для какой надобности давеча напугал и оскорбил жида? Зачем вообще люди мешают жить друг другу? Ведь от этого какие убытки! Какие страшные убытки! Если бы не было ненависти и злобы, люди имели бы друг от друга громадную пользу. Вечером и ночью мерещились ему младенчик, верба, рыба, битые гуси, и Марфа, похожая в профиль на птицу, которой хочется пить, и бледное, жалкое лицо Ротшильда, и какие-то морды надвигались со всех сторон и бормотали про убытки. Он ворочался с боку на бок и раз пять вставал с постели, чтобы поиграть на скрипке. Утром через силу поднялся и пошел в больницу. Тот же Максим Николаич приказал ему прикладывать к голове холодный компресс, дал порошки, и по выражению его лица и по тону Яков понял, что дело плохо и что уж никакими порошками не поможешь. Идя потом домой, он соображал, что от смерти будет одна только польза: не надо ни есть, ни пить, ни платить податей, ни обижать людей, а так как человек лежит в могилке не один год, а сотни, тысячи лет, то, если сосчитать, польза окажется громадная. От жизни человеку — убыток, а от смерти — польза. Это соображение, конечно, справедливо, но все-таки обидно и горько: зачем на свете такой странный порядок, что жизнь, которая дается человеку только один раз, проходит без пользы? Не жалко было умирать, но как только дома он увидел скрипку, у него сжалось сердце и стало жалко. Скрипку нельзя взять с собой в могилу, и теперь она останется сиротой и с нею случится то же, что с березняком и с сосновым бором. Всё на этом свете пропадало и будет пропадать! Яков вышел из избы и сел у порога, прижимая к груди скрипку. Думая о пропащей, убыточной жизни, он заиграл, сам не зная что, но вышло жалобно и трогательно, и слезы потекли у него по щекам. И чем крепче он думал, тем печальнее пела скрипка. Скрипнула щеколда раз-другой, и в калитке показался Ротшильд. Половину двора прошел он смело, но, увидев Якова, вдруг остановился, весь съежился и, должно быть, от страха стал делать руками такие знаки, как будто хотел показать на пальцах, который теперь час. — Подойди, ничего, — сказал ласково Яков и поманил его к себе. — Подойди! Глядя недоверчиво и со страхом, Ротшильд стал подходить и остановился от него на сажень. — А вы, сделайте милость, не бейте меня! — сказал он, приседая. — Меня Моисей Ильич опять послали. Не бойся, говорят, поди опять до Якова и скажи, говорят, что без их никак невозможно. В среду швадьба... Да-а! Господин Шаповалов выдают дочку жа хорошего целовека... И швадьба будет богатая, у-у! — добавил жид и прищурил один глаз.

— Не могу... — проговорил Яков, тяжело дыша. — Захворал, брат.

И опять заиграл, и слезы брызнули из глаз на скрипку. Ротшильд внимательно слушал, ставши к нему боком и скрестив на груди руки. Испуганное, недоумевающее выражение на его лице мало-помалу сменилось скорбным и страдальческим, он закатил глаза, как бы испытывая мучительный восторг, и проговорил: «Ваххх!..» И слезы медленно потекли у него по щекам и закапали на зеленый сюртук. И потом весь день Яков лежал и тосковал. Когда вечером батюшка, исповедуя, спросил его, не помнит ли он за собою какого-нибудь особенного греха, то он, напрягая слабеющую память, вспомнил опять несчастное лицо Марфы и отчаянный крик жида, которого укусила собака, и сказал едва слышно:

— Скрипку отдайте Ротшильду. — Хорошо, — ответил батюшка.

И теперь в городе все спрашивают: откуда у Ротшильда такая хорошая скрипка? Купил он ее или украл, или, быть может, она попала к нему в заклад? Он давно уже оставил флейту и играет теперь только на скрипке. Из-под смычка у него льются такие же жалобные звуки, как в прежнее время из флейты, но когда он старается повторить то, что играл Яков, сидя на пороге, то у него выходит нечто такое унылое и скорбное, что слушатели плачут, и сам он под конец закатывает глаза и говорит: «Ваххх!..» И эта новая песня так понравилась в городе, что Ротшильда приглашают к себе наперерыв купцы и чиновники и заставляют играть ее по десяти раз.

Комментарий. В тяжелые минуты именно музыка поддерживает людей и помогает им преодолевать страх, отчаяние, неверие в себя. Яков Иванов был гробовщиком в маленьком городе и зарабатывал очень мало. Ему все время казалось, что жизнь к нему совсем не справедлива, что он прошел мимо ее возможностей и получил совсем не то, что хотел. Даже жена накануне смерти была скорее счастлива, чем огорчена. С мужем ей жилось несладко. Именно ее уход из жизни заставил героя переосмыслить свое поведение и подвести итог своему пути. Раньше люди старались избегать Якова Матвеевича, мрачного и грубого человека. Но случайно найденная мелодия затронула его душу: Якову Матвеевичу впервые стало совестно за то, что он обижал людей. Герой наконец-то понял, что без злобы и ненависти окружающий мир был бы просто прекрасен. И на каждом этапе этой непростой дороги к пониманию себя Якова поддерживала музыка. Он играл на скрипке и изливал свою душу в печальной мелодии. В музицировании он черпал утешение и забытие, радость и силы двигаться дальше.

Майк Гелприн «Свеча горела»

Звонок раздался, когда Андрей Петрович потерял уже всякую надежду.

- Здравствуйте, я по объявлению. Вы даёте уроки литературы?

Андрей Петрович взгляделся в экран видеофона. Мужчина под тридцать. Строго одет - костюм, галстук. Улыбается, но глаза серьезные. У Андрея Петровича ёкнуло под сердцем, объявление он вывешивал в сеть лишь по привычке. За десять лет было шесть звонков. Трое ошиблись номером, ещё двое оказались работающими по старинке страховыми агентами, а один попутал литературу с лигатурой.

- Д-даю уроки, - запинаясь от волнения, сказал Андрей Петрович. - Н-на дому. Вас интересует литература?

- Интересно, - кивнул собеседник. - Меня зовут Максим. Позвольте узнать, каковы условия.

'Задаром!' - едва не вырвалось у Андрея Петровича.

- Оплата почасовая, - заставил себя выговорить он. - По договорённости. Когда бы вы хотели начать?

- Я, собственно... - собеседник замялся.

- Первое занятие бесплатно, - поспешно добавил Андрей Петрович. - Если вам не понравится, то...

- Давайте завтра, - решительно сказал Максим. - В десять утра вас устроит? К девяти я отвожу детей в школу, а потом свободен до двух.

- Устроит, - обрадовался Андрей Петрович. - Записывайте адрес.

- Говорите, я запомню.

В эту ночь Андрей Петрович не спал, ходил по крошечной комнате, почти келье, не зная, куда девать трясущиеся от переживаний руки. Вот уже двенадцать лет он жил на нищенское пособие. С того самого дня, как его уволили.

- Вы слишком узкий специалист, - сказал тогда, пряча глаза, директор лицея для детей с гуманитарными наклонностями. - Мы ценим вас как опытного преподавателя, но вот ваш предмет, увы. Скажите, вы не хотите переучиться? Стоимость обучения лицей мог бы частично оплатить. Виртуальная этика, основы виртуального права, история робототехники - вы вполне бы могли преподавать это. Даже кинематограф всё ещё достаточно популярен. Ему, конечно, недолго осталось, но на ваш век... Как вы полагаете?

Андрей Петрович отказался, о чём немало потом сожалел. Новую работу найти не удалось, литература осталась в считанных учебных заведениях, последние библиотеки закрывались, филологи один за другим переквалифицировались кто во что горазд.

Пару лет он обивал пороги гимназий, лицеев и спецшкол. Потом прекратил. Промаялся полгода на курсах переквалификации. Когда ушла жена, бросил и их.

Сбережения быстро закончились, и Андрею Петровичу пришлось затянуть ремень. Потом продать автомобиль, старый, но надёжный. Антикварный сервиз, оставшийся от мамы, за ним вещи. А затем... Андрея Петровича мутило каждый раз, когда он вспоминал об этом - затем настала очередь книг. Древних, толстых, бумажных, тоже от мамы. За раритеты коллекционеры давали хорошие деньги, так что граф Толстой кормил целый месяц. Достоевский - две недели. Бунин - полторы.

В результате у Андрея Петровича осталось полсотни книг - самых любимых, перечитанных по десятку раз, тех, с которыми расстаться не мог. Ремарк, Хемингуэй, Маркес, Булгаков, Бродский, Пастернак... Книги стояли на этажерке, занимая четыре полки, Андрей Петрович ежедневно стирал с корешков пыль.

'Если этот парень, Максим, - беспорядочно думал Андрей Петрович, нервно расхаживая от стены к стене, - если он... Тогда, возможно, удастся откупить назад Бальмонта. Или Мураками. Или Амаду'.

Пустяки, понял Андрей Петрович внезапно. Неважно, удастся ли откупить. Он может передать, вот оно, вот что единственно важное. Передать! Передать другим то, что знает, то, что у него есть.

Максим позвонил в дверь ровно в десять, минута в минуту.

- Проходите, - засуетился Андрей Петрович. - Присаживайтесь. Вот, собственно... С чего бы вы хотели начать?

Максим помялся, осторожно уселся на край стула.

- С чего вы посчитаете нужным. Понимаете, я профан. Полный. Меня ничему не учили.

- Да-да, естественно, - закивал Андрей Петрович. - Как и всех прочих. В общеобразовательных школах литературу не преподают почти сотню лет. А сейчас уже не преподают и в специальных.

- Нигде? - спросил Максим тихо.

- Боюсь, что уже нигде. Понимаете, в конце двадцатого века начался кризис. Читать стало некогда. Сначала детям, затем дети повзрослели, и читать стало некогда их детям. Ещё более некогда, чем родителям. Появились другие удовольствия - в основном, виртуальные. Игры. Всякие тесты, квесты... - Андрей Петрович махнул рукой. - Ну, и конечно, техника. Технические дисциплины стали вытеснять гуманитарные. Кибернетика, квантовая механика и электродинамика, физика высоких энергий. А литература, история, география отошли на задний план. Особенно литература. Вы следите, Максим?

- Да, продолжайте, пожалуйста.

- В двадцать первом веке перестали печатать книги, бумагу сменила электроника. Но и в электронном варианте спрос на литературу падал - стремительно, в несколько раз в каждом новом поколении по сравнению с предыдущим. Как следствие, уменьшилось количество литераторов, потом их не стало совсем - люди перестали писать. Филологи продержались на сотню лет дольше - за счёт написанного за двадцать предыдущих веков.

Андрей Петрович замолчал, утёр рукой вспотевший вдруг лоб.

- Мне нелегко об этом говорить, - сказал он наконец. - Я осознаю, что процесс закономерный. Литература умерла потому, что не ужилась с прогрессом. Но вот дети, вы понимаете... Дети! Литература была тем, что формировало умы. Особенно поэзия. Тем, что определяло внутренний мир человека, его духовность. Дети растут бездуховными, вот что страшно, вот что ужасно, Максим!

- Я сам пришёл к такому выводу, Андрей Петрович. И именно поэтому обратился к вам.

- У вас есть дети?

- Да, - Максим замялся. - Двое. Павлик и Анечка, погодки. Андрей Петрович, мне нужны лишь азы. Я найду литературу в сети, буду читать. Мне лишь надо знать что. И на что делать упор. Вы научите меня?

- Да, - сказал Андрей Петрович твёрдо. - Научу.

Он поднялся, скрестил на груди руки, сосредоточился.

- Пастернак, - сказал он торжественно. - Мело, мело по всей земле, во все пределы. Свеча горела на столе, свеча горела...

- Вы придёте завтра, Максим? - стараясь унять дрожь в голосе, спросил Андрей Петрович.

- Непременно. Только вот... Знаете, я работаю управляющим у состоятельной семейной пары. Веду хозяйство, дела, подбиваю счета. У меня невысокая зарплата. Но я, - Максим обвёл глазами помещение, - могу приносить продукты. Кое-какие вещи, возможно, бытовую технику. В счёт оплаты. Вас устроит?

Андрей Петрович невольно покраснел. Его бы устроило и задаром.

- Конечно, Максим, - сказал он. - Спасибо. Жду вас завтра.

- Литература - это не только о чём написано, - говорил Андрей Петрович, расхаживая по комнате. - Это ещё и как написано. Язык, Максим, тот самый инструмент, которым пользовались великие писатели и поэты. Вот послушайте.

Максим сосредоточенно слушал. Казалось, он старается запомнить, заучить речь преподавателя. наизусть.

- Пушкин, - говорил Андрей Петрович и начинал декламировать.

'Таврида', 'Анчар', 'Евгений Онегин'.

Лермонтов 'Мцыри'.

Баратынский, Есенин, Маяковский, Блок, Бальмонт, Ахматова, Гумилёв, Мандельштам, Высоцкий...

Максим слушал.

- Не устали? - спрашивал Андрей Петрович.

- Нет-нет, что вы. Продолжайте, пожалуйста.

День сменялся новым. Андрей Петрович воспрянул, пробудился к жизни, в которой неожиданно появился смысл. Поэзию сменила проза, на неё времени уходило гораздо больше, но Максим оказался благодарным учеником. Схватывал он на лету. Андрей Петрович не переставал удивляться, как Максим, поначалу глухой к слову, не воспринимающий, не чувствующий вложенную в язык гармонию, с каждым днём постигал её и познавал лучше, глубже, чем в предыдущий.

Бальзак, Гюго, Мопассан, Достоевский, Тургенев, Бунин, Куприн.
Булгаков, Хемингуэй, Бабель, Ремарк, Маркес, Набоков.
Восемнадцатый век, девятнадцатый, двадцатый.
Классика, беллетристика, фантастика, детектив.
Стивенсон, Твен, Конан Дойль, Шекли, Стругацкие, Вайнеры, Жапризо.

Однажды, в среду, Максим не пришёл. Андрей Петрович всё утро промаялся в ожидании, уговаривая себя, что тот мог заболеть. Не мог, шептал внутренний голос, настырный и вздорный. Скрупулёзный педантичный Максим не мог. Он ни разу за полтора года ни на минуту не опоздал. А тут даже не позвонил.

К вечеру Андрей Петрович уже не находил себе места, а ночью так и не сомкнул глаз. К десяти утра он окончательно извёлся, и когда стало ясно, что Максим не придёт опять, побрёл к видеофону.

- Номер отключён от обслуживания, - поведал механический голос.

Следующие несколько дней прошли как один скверный сон. Даже любимые книги не спасали от острой тоски и вновь появившегося чувства собственной никчемности, о котором Андрей Петрович полтора года не вспоминал. Обзвонить больницы, морги, навязчиво гудело в виске. И что спросить? Или о ком? Не поступал ли некий Максим, лет под тридцать, извините, фамилию не знаю?

Андрей Петрович выбрался из дома наружу, когда находиться в четырёх стенах стало больше нелегко.

- А, Петрович! - приветствовал старик Нефёдов, сосед снизу. - Давно не виделись. А чего не выходишь, стыдишься, что ли? Так ты же вроде ни при чём.

- В каком смысле стыжусь? - оторопел Андрей Петрович.

- Ну, что этого, твоего, - Нефёдов провёл ребром ладони по горлу. - Который к тебе ходил. Я всё думал, чего Петрович на старости лет с этой публикой связался.

- Вы о чём? - у Андрея Петровича похолодело внутри. - С какой публикой?

- Известно с какой. Я этих голубчиков сразу вижу. Тридцать лет, считай, с ними отработал.

- С кем с ними-то? - взмолился Андрей Петрович. - О чём вы вообще говорите?

- Ты что ж, в самом деле не знаешь? - всполошился Нефёдов. - Новости посмотри, об этом повсюду трубят.

Андрей Петрович не помнил, как добрался до лифта. Поднялся на четырнадцатый, трясущимися руками нашарил в кармане ключ. С пятой попытки отворил, просеменил к компьютеру, подключился к сети, пролистал ленту новостей.

Сердце внезапно зашло от боли. С фотографии смотрел Максим, строчки курсива под снимком расплывались перед глазами.

'Уличён хозяевами, - с трудом сфокусировав зрение, считывал с экрана Андрей Петрович, - в хищении продуктов питания, предметов одежды и бытовой техники. Домашний робот-гувернёр, серия ДРГ- 439К. Дефект управляющей программы. Заявил, что самостоятельно пришёл к выводу о детской бездуховности, с которой решил бороться. Самовольно обучал детей предметам вне школьной программы. От хозяев свою деятельность скрывал. Изъят из обращения... По факту утилизирован.... Общественность обеспокоена проявлением... Выпускающая фирма готова понести... Специально созданный комитет постановил...'

Андрей Петрович поднялся. На негнувшихся ногах прошагал на кухню. Открыл буфет, на нижней полке стояла принесённая Максимом в счёт оплаты за обучение початая бутылка коньяка. Андрей Петрович сорвал пробку, заозирался в поисках стакана. Не нашёл и рванул из горла. Закашлялся, выронив бутылку, отшатнулся к стене. Колени подломились, Андрей Петрович тяжело опустился на пол.

Коту под хвост, пришла итоговая мысль. Всё коту под хвост. Всё это время он обучал работа. Бездушную, дефективную железяку. Вложил в неё всё, что есть. Всё, ради чего только стоит жить. Всё, ради чего он жил.

Андрей Петрович, превозмогая ухватившую за сердце боль, поднялся. Протащился к окну, наглухо завернул фрамугу. Теперь газовая плита. Открыть конфорки и полчаса подождать. И всё.

Звонок в дверь застал его на полпути к плите. Андрей Петрович, стиснув зубы, двинулся открывать. На пороге стояли двое детей. Мальчик лет десяти. И девочка на год-другой младше.

- Вы даёте уроки литературы? - глядя из-под падающей на глаза чёлки, спросила девочка.

- Что? - Андрей Петрович опешил. - Вы кто?

- Я Павлик, - сделал шаг вперёд мальчик. - Это Анечка, моя сестра. Мы от Макса.

- От... От кого?!

- От Макса, - упрямо повторил мальчик. - Он велел передать. Перед тем, как он... как его...

- Мело, мело по всей земле во все пределы! - звонко выкрикнула вдруг девочка.

Андрей Петрович схватился за сердце, судорожно глотая, запихал, затолкал его обратно в грудную клетку.

- Ты шутишь? - тихо, едва слышно выговорил он.

- Свеча горела на столе, свеча горела, - твёрдо произнёс мальчик. - Это он велел передать, Макс. Вы будете нас учить?

Андрей Петрович, цепляясь за дверной косяк, шагнул назад.

- Боже мой, - сказал он. - Входите. Входите, дети.

Комментарий.

Мир, в котором существует бывший учитель литературы, охвачен техническим прогрессом, и услуги преподавателя остаются без надобности, он оказывается не у дел, уволенный с любимой работы. Чтобы как-то выживать на мизерное пособие, учитель вынужден осуществлять продажу собственных книг для покупки неотложных продуктов и вещей.

Писатель, повествуя о фантастической реальности, старается рассмотреть через призму своих героев жуткую картину человеческого будущего, в котором исчезает все духовное в виде книг, литературы, искусства, души. Человечество стремительно падает в пропасть небытия, покоряясь техническому неодошественному прогрессу и инновациям. Вместе с тем автор рассуждает о том, бумажные версии книг являются неотъемлемой частью жизни предыдущих поколений, связывающей истинных любителей литературы с душевными воспоминаниями. Название произведения символично и указывает на то, что жизненный свет продолжает освещать веру в существование искренней духовности людей, способных выбраться из темноты бездуховности, ненужности, страха перед будущим.

Майк Гелприн: *«Литература умерла потому, что не ужилась с прогрессом. Но вот дети, вы понимаете... Дети! Литература была тем, что формировало умы. Особенно поэзия. Тем, что определяло внутренний мир человека, его духовность. Дети растут бездуховными, вот что страшно, вот что ужасно, Максим!»* — вот она, главная мысль и идея рассказа».

Рэй Брэдбери. «Улыбка»

На главной площади очередь установилась ещё в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далекие петухи и нигде не было огня. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, клочьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело, и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди ещё люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче.

Мальчишка притопывал на месте и дул на свои красные, в цыпках, руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины, одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди.

— Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? — сказал человек за его спиной.

— Это моё место, я тут очередь занял, — ответил мальчик.

— Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы своё место тому, кто знает в этом толк!

— Оставь в покое парня, — вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

— Я же пошутил. — Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стряхнул её. Просто подумал: чудно! Это ребёнок, такая рань, а он не спит.

— Этот парень знает толк в искусстве, ясно? — сказал заступник, его фамилия была Григсби. — Тебя как звать-то, малец?

— Том.

— Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку — верно, Том?

— Точно!

Смех покотился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев туда, Том увидел маленький жаркий костёр и бурлящее варево в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни¹ чашка, согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману. Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

— Говорят, она улыбается, — сказал мальчик.

— Ага, улыбается, — ответил Григсби.

— Говорят, она сделана из краски и холста.

— Точно. Потому-то и сдаётся мне, что она не подлинная. Та, настоящая, я слышал, была на доске нарисована в незапамятные времена.

— Говорят, ей четыреста лет.

— Если не больше. Коли уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

— Две тысячи шестьдесят первый!

— Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трёхтысячный! Или пятитысячный! Почём мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия² была... И достались нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперёд по холодным камням мостовой.

— Скоро мы её увидим? — уныло протянул Том.

— Ещё несколько минут, не больше. Они огородили её, повесили на четыре латунных столбика бархатную верёвку, всё честь по чести, чтобы люди не подходили слишком близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в неё камни.

— Ладно, сэр.

Солнце поднималось всё выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шляпы.

— А зачем мы все тут собрались? — спросил, подумав, Том. — Почему мы должны плевать?

Григсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

— Э, Том, причин уйма. — Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. Том видел это движение миллион раз. — Тут всё дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города — груды развалин, дороги от бомбёжек — словно

пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся, радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?

— Да, сэр, конечно.

— То-то и оно... Человек ненавидит то, что его сгубило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такова человеческая природа.

— А есть хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? — сказал Том.

— Во-во! А всё эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами — новые троглодиты, ни покурить, ни выпить, никакой тебе утехи, кроме этих наших праздников, Том. (...)

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливицы могли по одному разу долбануть машину кувалдой!..

— Помню ли я, Том? Помню ли? Да ведь я же разбил переднее стекло — стекло, слышишь? Господи, звук-то какой был, прелесть! Тррахх!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

— А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм! Но лучше всего, — продолжал вспоминать Григсби, — было в тот раз, когда громили завод, который ещё пытался выпускать самолёты. И отвели же мы душеньку! А потом нашли типографию и склад боеприпасов — и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?

Том подумал.

— Ага.

Полдень. Запахи разрушенного города отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий.

— Сэр, это больше никогда не вернётся?

— Что — цивилизация? А кому она нужна? Во всяком случае не мне!

— А я так готов её терпеть, — сказал один из очереди. — Не всё, конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

— Чего зря болтать-то! — крикнул Григсби. — Всё равно впустую.

— Э, — упорствовал один из очереди, — не торопитесь. Вот увидите: ещё появится башковитый человек, который её подлатает. Попомните мои слова. Человек с душой.

— Не будет того, — сказал Григсби.

— А я говорю, появится. Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернёт нам — нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.

— Не успеешь и глазом моргнуть, как опять война!

— Почему же? Может, на этот раз всё будет иначе.

Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой, держа в руке листок бумаги. Огороженное пространство было в самом центре площади. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперёд — шли, изготовившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

— Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай!

По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских (...) с жёлтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

— Это для того, — уже напоследок объяснил Григсби, — чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том? Ну, давай!

Том замер перед картиной, глядя на неё.

— Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

- Том, давай! Живее!
- Но, — медленно произнёс Том, — она же красивая!
- Ладно, я плюну за тебя!

Плевок Григсби блеснул в лучах солнца. Женщина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на её взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

- Она красивая, — повторил он.
- Иди уж, пока полиция...
- Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома — стал как пень! — а теперь все повернулись к верховому.

- Как её звать, сэр? — тихо спросил Том.
- Картину-то? Кажется, «Мона Лиза»... Точно: «Мона Лиза».
- Слушайте объявление, — сказал верховой. — Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении.

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутёк. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил клочок лоснящегося холста, дёрнул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жёсткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочья.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно прижала к груди кусок холста, пряча его.

- Эй, Том, ты что же! — крикнул Григсби.

Не говоря ни слова, всхлипывая, Том побежал прочь. За город, на испещрённую воронками дорогу, через поле, (...) он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку.

На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через неё. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встретили звуки, которые сказали ему, что семья спит — спит мать, отец, брат. Тихонько, молча, он скользнул в узкую дверь и лёг, часто дыша. (...)

- Где ты болтался? — рявкнул отец. — погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

- Ложись! — негромко прикрикнула на него мать. (...)

Том дышал уже ровнее. Кругом царил тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, зажмурив глаза.

Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял её. Он помедлил, глубоко-

глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок закрашенного холста.

Мир спал, освещенный луной.

А на его ладони лежала Улыбка. Он смотрел на неё в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...» Час спустя он всё еще видел её, даже после того, как осторожно сложил её и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним — Улыбка. Ласковая, добрая, она была там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием, и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.

Комментарий.

Улыбка – это короткая история, действие которой происходит в будущем 2061 году, когда последние кусочки цивилизации уничтожаются самим человечеством. Нам рассказывают, в каком состоянии находится мир, хотя и не о том, что с ним случилось. Мы знаем только то, что само человечество привело его в это состояние. Можно догадаться, что это была ядерная война. Теперь люди перенесли ненависть к тем, кто разрушил мир, на остатки цивилизации, которая у них была. Нынешние люди называют уничтожение этих останков праздниками и не находят в этом ничего плохого. Кульминация истории произошла, когда Том не смог плюнуть в картину. Затем толпа разорвала полотно на куски. Том сам оторвал кусок холста в отчаянной попытке что-нибудь спасти. И это оказалась знаменитая улыбка, прекрасная и красивая, теплая и нежная. Окончание истории дает надежду читателю на то, что если есть такой человек, как Том, то может быть, мир еще не потерян. История заставляет задуматься о том, что люди готовы ненавидеть все, чего они не понимают, и разрушать то, что они ненавидят. Повесть заставляет грустить и вызывает страх за будущее. Но она также создает обнадеживающие мысли.

Н. Тэффи.

«Мой первый Толстой».

Я помню. Мне девять лет.

Я читаю «Детство и отрочество» Толстого. Читаю и перечитываю.

В этой книге все для меня родное.

Володя, Николенька, Любочка — все они живут вместе со мною, все они так похожи на меня, на моих сестер и братьев. И дом их в Москве у бабушки — это наш московский дом, и когда я читаю о гостиной, диванной или классной комнате, мне и вообразить ничего не надо — это все наши комнаты.

Наталья Саввишна — я ее тоже хорошо знаю — это наша старуха Авдотья Матвеевна, бывшая бабушкина крепостная. У нее тоже сундук с наклеенными на крышке картинками. Только она не такая добрая, как Наталья Саввишна. Она ворчунья. Про нее старший брат даже декламировал: «И ничего во всей природе благословить он не хотел».

Но все-таки сходство так велико, что, читая строки о Наталье Саввишне, я все время ясно вижу фигуру Авдотьи Матвеевны.

Все свои, все родные.

И даже бабушка, смотрящая вопросительно строгими глазами из-под рюша своего чепца, и флакон с одеколоном на столике у ее кресла, — это все такое же, все родное.

Чужой только гувернер St-Jerome, и я ненавижу его вместе с Николенькой. Да как ненавижу! Дольше и сильнее, кажется, чем он сам, потому что он в конце концов помирился и простил, а я так и продолжала всю жизнь.

«Детство и отрочество» вошло в мое детство и отрочество и слилось с ним органически, точно я не читала, а просто прожила его.

Но в историю моей души, в первый расцвет ее красной стрелой вонзилось другое произведение Толстого — «Война и мир».

Я помню.

* * *

Мне тринадцать лет.

Каждый вечер, в ущерб заданным урокам я читаю и перечитываю все одну и ту же книгу — «Война и мир».

Я влюблена в князя Андрея Болконского. Я ненавижу Наташу, во-первых, оттого, что ревную, во-вторых, оттого, что она ему изменила.

— Знаешь, — говорю я сестре, — Толстой, по-моему, неправильно про нее написал. Не могла она никому нравиться. Посуди сама — коса у нее была «негустая и недлинная», губы распухшие. Нет, по-моему, она совсем не могла нравиться. А жениться он на ней собрался просто из жалости.

Потом, еще мне не нравилось, зачем князь Андрей визжал, когда сердился. Я считала, что Толстой это тоже неправильно написал. Я знала наверное, что князь не визжал.

Каждый вечер я читала «Войну и мир».

Мучительны были те часы, когда я подходила к смерти князя Андрея.

Мне кажется, что я всегда немножко надеялась на чудо. Должно быть, надеялась, потому что каждый раз то же отчаяние охватывало меня, когда он умирал.

Ночью, лежа в постели, я спасала его. Я заставляла его броситься на землю вместе с другими, когда разрывалась граната. Отчего ни один солдат не мог догадаться толкнуть его? Я бы догадалась, я бы толкнула.

Потом посылала к нему всех лучших современных врачей и хирургов.

Каждую неделю читала я, как он умирает, и надеялась, и верила чуду, что, может быть, на этот раз он не умрет.

Нет. Умер! Умер!

Живой человек один раз умирает, а этот вечно, вечно.

И стонало сердце мое, и не могла я готовить уроков. А утром... Сами знаете, что бывает утром с человеком, который не приготовил урока!

И вот наконец я додумалась. Решила идти к Толстому, просить, чтобы он спас князя Андрея. Пусть даже женит его на Наташе, даже на это иду, даже на это! — только бы не умирал!

Спросила гувернантку — может ли автор изменить что-нибудь в уже напечатанном произведении. Та ответила, что как будто может, что авторы иногда для нового издания делают исправления.

Посоветовалась с сестрой. Та сказала, что к писателю нужно идти непременно с его карточкой и просить подписать, иначе он и разговаривать не станет, да и вообще с несовершеннолетними они не говорят.

Было очень жутко.

Исподволь узнавала, где Толстой живет. Говорили разное — то, что в Хамовниках, то, что будто уехал из Москвы, то, что на днях уезжает.

Купила портрет. Стала обдумывать, что скажу. Боялась — не заплакать бы. От домашних свое намерение скрывала — осмеют.

Наконец решилась. Приехали какие-то родственники, в доме поднялась суетня — время удобное. Я сказала старой няньке, чтобы она проводила меня «к подруге за уроками», и пошла.

Толстой был дома. Те несколько минут, которые пришлось прождать в передней, были слишком коротки, чтобы я успела удрать, да и перед нянькой было неловко.

Помню, мимо меня прошла полная барышня, что-то напевая. Это меня окончательно смутило. Идет так просто, да еще напевает и не боится. Я думала, что в доме Толстого все ходят на цыпочках и говорят шепотом.

Наконец — он. Он был меньше ростом, чем я ждала. Посмотрел на няньку, на меня. Я протянула карточку и, выговаривая от страха «л» вместо «р», пролепетала:

— Вот, плосили фотоглафию подписать.

Он сейчас же взял ее у меня из рук и ушел в другую комнату.

Тут я поняла, что ни о чем просить не смогу, ничего рассказать не посмею, и что так осрамилась, погибла навеки в его глазах, со своим «плюсили» и «фотоглафией», что дал бы только Бог убраться подобру-поздорову.

Он вернулся, отдал карточку. Я сделала реверанс.

— А вам, старушка, что? — спросил он у няньки.

— Ничего, я с барышней. Вот и все.

Вспоминала в постели «плюсили» и «фотоглафии» и поплакала в подушку.

* * *

В классе у меня была соперница, Юленька Аршева. Она тоже была влюблена в князя Андрея, но так бурно, что об этом знал весь класс. Она тоже ругала Наташу Ростову и тоже не верила, чтобы князь визжал.

Я свое чувство тщательно скрывала и, когда Аршева начинала буйствовать, старалась держаться подальше и не слушать, чтобы не выдать себя.

И вот раз за уроком словесности, разбирая какие-то литературные типы, учитель упомянул о князе Болконском. Весь класс, как один человек, повернулся к Аршевой. Она сидела красная, напряженно улыбающаяся, и уши у нее так налились кровью, что даже раздулись.

Их имена были связаны, их роман отмечен насмешкой, любопытством, осуждением, интересом — всем тем отношением, которым всегда реагирует общество на каждый роман.

А я, одинокая, с моим тайным «незаконным» чувством, одна не улыбалась, не приветствовала и даже не смела смотреть на Аршеву.

Вечером села читать о его смерти. Читала и уже не надеялась, и не верила в чудо.

Прочла с тоской и страданием, но не возроптала. Опустила голову покорно, поцеловала книгу и закрыла ее.

— Была жизнь, изжилась и кончилась.

Комментарий.

Девочка, от лица которой ведется повествование, признается в том, что любила перечитывать произведение Л.Н. Толстого – «Войну и мир». Героиня признается: «Мучительны были те часы, когда я подходила к смерти князя Андрея». В рассказе Надежды Тэффи есть фраза: «И стонало сердце мое». Она выражает переживания девочки, которая с особым трепетом относилась к Андрею Болконскому. Гибель героя оказывает огромное воздействие на героиню. Перечитывая роман, она каждый раз она искренне надеется на то, что князь Андрей останется в живых, и каждый раз героиня испытывает ужас, воспринимая гибель персонажа как собственную трагедию. Сложные чувства переживает девятилетний ребенок, встретивший свою первую любовь, хоть и на страницах книги. Это и надежда, и вера в чудо, и отчаяние. Героиня строила в своей голове возможные сюжеты, где бы князь Андрей остался живым. Но надеждам девочки не суждено было воплотиться в реальность. Гибель литературного персонажа она воспринимала как собственное горе. Стонущее сердце девочки мешало ей готовить уроки, она постоянно думала о том, как можно спасти Андрея Болконского.

Рассказчица вспоминает тот эпизод своей жизни, когда она идет к Л.Н. Толстому, чтобы попросить его переписать произведение и спасти князя Андрея, но в последний момент не решается. Девочка живет рядом со своим героем, сопереживает ему, учится любить. Гениальное произведение произвело на нее настолько сильное впечатление, что, взрослев, став писательницей, она испытывает к любимому герою такие же сильные чувства.

Читая этот трогательный рассказ, понимаешь, какое сильное воздействие может оказать литературное произведение на читателя.

Марина Цветаева
Мой Пушкин (отрывок)

Начинается как глава настольного романа всех наших бабушек и матерей – «Jane Eyre» – Тайна красной комнаты.

В красной комнате был тайный шкаф.

Но до тайного шкафа было другое, была картина в спальне матери – «Дуэль». Снег, черные прутья дерева, двое черных людей проводят третьего, под мышки, к саням – а еще один, другой, спиной отходит. Уводимый – Пушкин, отходящий – Дантес. Дантес вызвал Пушкина на дуэль, то есть заманил его на снег и там, между черных безлистных деревьев, убил.

А.А Наумов. «Дуэль Пушкина с Дантесом»

Первое, что я узнала о Пушкине, это – что его убили. Потом я узнала, что Пушкин – поэт, а Дантес – француз. Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль, то есть заманил на снег и там убил его из пистолета в живот. Так я трех лет твердо узнала, что у поэта есть живот, и, – вспоминаю всех поэтов, с которыми когда-либо встречалась, – об этом животе поэта, который так часто не-сыт и в который Пушкин был убит, пеклась не меньше, чем о его душе. С пушкинской дуэли во мне началась сестра. Больше скажу – в слове живот для меня что-то священное, – даже простое «болит живот» меня заливает волной содрогającego сочувствия, исключаяющего всякий юмор. Нас этим выстрелом всех в живот ранили.

О Гончаровой не упоминалось вовсе, и я о ней узнала только взрослой. Жизнь спустя горячо приветствую такое умолчание матери. Мещанская трагедия обретала величие мифа. Да, по существу, третьего в этой дуэли не было. Было двое: любой и один. То есть вечные действующие лица пушкинской лирики: поэт – и чернь. Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила – поэта. А Гончарова, как и Николай I, – всегда найдется. – Нет, нет, нет, ты только представь себе! – говорила мать, совершенно не представляя себе этого ты. – Смертельно раненный, в снегу, а не отказался от выстрела! Прицелился, попал и еще сам себе сказал: браво! – тоном такого восхищения, каким ей, христианке, естественно бы: «Смертельно раненный, в крови, а простил врагу!» Отшвырнул пистолет, протянул руку, – этим, со всеми нами, явно возвращая Пушкина в его родную Африку

мести и страсти и не подозревая, какой урок – если не мести, так страсти – на всю жизнь дает четырехлетней, еле грамотной мне.

Черная с белым, без единого цветного пятна, материнская спальня, черное с белым окно: снег и прутья тех деревьев, черная и белая картина «Дуэль», где на белизне снега совершается черное дело: вечное черное дело убийства поэта – чернюю.

Пушкин был мой первый поэт, и моего первого поэта – убили.

С тех пор, да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали всё мое младенчество, детство, юность, – я поделила мир на поэта – и всех и выбрала – поэта, в подзащитные выбрала поэта защищать – поэта – от всех, как бы эти все ни одевались и ни назывались.

Три таких картины были в нашем трехпрудном доме: в столовой – «Явление Христа народу», с никогда не разрешенной загадкой совсем маленького и непонятно-близкого, совсем близкого и непонятно-маленького Христа; вторая, над нотной этажеркой в зале – «Татары» - татары в белых балахонах, в каменном доме без окон, между белых столбов убивающие главного татарина («Убийство Цезаря») и – в спальне матери – «Дуэль». Два убийства и одно явление. И все три были страшные, непонятные, угрожающие, и крещение с никогда не виденными черными кудрявыми орлоносими голыми людьми и детьми, так заполнившими реку, что капли воды не осталось, было не менее страшное тех двух, - и все они отлично готовили ребенка к предназначенному ему страшному веку...

Комментарий.

"Мой Пушкин" - это воспоминание автора о своём детстве, повесть о девочке, которую водили гулять по Страстному бульвару к памятнику Пушкина, а ещё на стене одной из комнат её родного дома в Трёхпрудном переулке висела картина "Дуэль Пушкина". С детских лет она рассматривала эту картину, рано узнала, что Пушкин был убит на этой дуэли пулей в живот, и уже тогда поняла, что поэт не тот, кто рифмует строки, а живой человек, который может испытывать боль, страдание, как любой другой... Вот поэтому ей всю жизнь было тесно в рамках прохладной почтительности.

В центре существования Цветаевой была поэзия и в ней непреходящая величина – Пушкин. Самое показательное для понимания Цветаевой – её свобода в отношении к Пушкину. Она острее других чувствовала непревзойдённость его гения и уникальность его личности. Восторг и восхищение его творчеством она выражала на равных, глаза в глаза, без намёка на подбострастие.

Перед "её Пушкиным" не надо было только благоговеть, его надо было читать, знать, любить, у которого надо было учиться. Свободный дух Пушкина жил в ней, сопутствовал в любую минуту жизни. Среди разочарований, потрясений жизни Марины Пушкин – это то, что пребудет с ней до конца. И это даёт ей свободу понимать и толковать Пушкина.

Никто не любил Пушкина так, как Марина Цветаева. Не того Пушкина, которого запечатлевали в мраморе и бронзе, но того, который всегда оставался лучшим другом для неё. Анастасия Ивановна Цветаева в "Воспоминаниях" пишет: "Делом Марины было – оплакивание судьбы поэта, судьбы любимого, плач Ярославны о каждом князе Игоре на земле".

Марина Цветаева.

Книги в красном переплёте

Из рая детского житья

Вы мне привет прощальный шлете,

Неизменившие друзья

В потертом, красном пререплете.

Чуть легкий выучен урок,

Бегу тот час же к вам, бывало,
— Уж поздно! — Мама, десять строк!.. —
Но, к счастью, мама забывала.
Дрожат на люстрах огоньки...
Как хорошо за книгой дома!
Под Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнеет, в воздухе свежо...
Том в счастье с Бэки полон веры.
Вот с факелом Индеец Джо
Блуждает в сумраке пещеры...
Кладбище... Вещий крик совы....
(Мне страшно!) Вот летит чрез кочки
Приемыш чопорной вдовы,
Как Диоген, живущий в бочке.
Светлее солнца тронный зал,
Над стройным мальчиком — корона...
Вдруг — нищий! Боже! Он сказал:
«Позвольте, я наследник трона!»
Ушел во тьму, кто в ней возник.
Британии печальны судьбы...
— О, почему среди красных книг
Опять за лампой не уснуть бы?
О золотые времена,
Где взор смелей и сердце чище!
О золотые имена:
Гекк Финн, Том Сойер, Принц и Нищий!
1908 г.

Комментарий.

Читая стихотворения Серебряного века, читатель способен ощутить полную гамму самых различных чувств. «Книги в красном переплете», написанные Мариной Цветаевой, позволяют нам окунуться в чудесный мир детства, полный замечательных историй. Тема произведения становится понятной нам уже из заглавия. Мысли о любви к литературе у Цветаевой тесно перекликаются с воспоминаниями о детстве.

Книги могут стать лучшими друзьями. Лирическая героиня стихотворения Цветаевой «Книги в красном переплёте» вспоминает, как в детстве спешила домой, чтобы поскорее встретиться с любимыми персонажами – Томом Сойером и Геккльберри Финном. Они стали ей не просто друзьями, а родственными душами, с которыми не только интересно, но и очень комфортно проводить время. Героиня вспоминает об этом много лет спустя, а значит, она становится взрослой, не забывая своих друзей со страниц детских книг. Марина каждую свободную минуту посвящала чтению. Читая это стихотворение, читатель способен ощутить полную гамму самых различных чувств. Таким образом, произведение «Книги в красном переплете» превращается в гимн литературе и детству.

Счастлирое детство закончилось, и вместе с ним канули в небытие ночные чтения под лампой с абажуром, которые переносили юную Цветаеву в мир пусть и выдуманных, но таких любимых, близкий, понятных литературных героев.

Став старше, поэтесса неоднократно пыталась повернуть время вспять и восстановить те ощущения, которые испытывала в детстве. Она даже порывалась

провести ночь за чтением любимых книг, но очень скоро поняла, что это не поможет ей перенестись в прошлое и услышать требовательный голос матери, которая призывала дочерей отправляться в постель. “О золотые времена, где взор смелей и сердце чище!”, – с ностальгией восклицает поэтесса, понимая, что этот этап ее жизни, наполненный светом и душевным теплом, отныне будет жить лишь в воспоминаниях.

ОТКРЫТОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

«Кому на Руси жить хорошо?» – вопрос гражданина» (социальные пороки и общественная справедливость, поиск путей помощи тем, кому трудно, путей совершенствования общества и государства)

Автор-составитель: **Редько Кристина Юрьевна**, учитель русского языка и литературы МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 13» г. Симферополя.

Содержание

Комментарий ФИПИ
Примерные темы
Основные определения
Мудрые мысли
Литературные источники
Цитатный материал
Н. Гоголь «Тарас Бульба»
Н Лесков «Левша»
Н. Чернышевский «Что делать?»
Ф. Достоевский «Преступление и наказание»
Н. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо»
Максим Горький «На дне»

КОММЕНТАРИЙ ФИПИ

Тематическое направление сформулировано с отсылкой к известной поэме Н. А. Некрасова, 200-летие со дня рождения которого отмечается в конце 2021 г. Поставленный вопрос дает возможность рассуждать о самом понятии «гражданин», об общественной справедливости и личной ответственности гражданина, о счастье и долге, о причинах социальных пороков и способах их устранения, о необходимости помогать тем, у кого возникли жизненные проблемы, о путях совершенствования общественного и государственного устройства.

Темы сочинений, ориентированные на широкий круг социально-философских вопросов, позволят соотнести историю и современность, опереться на читательский кругозор и опыт социально-значимой деятельности выпускника.

При раскрытии тем этого направления можно привлечь для аргументации примеры из художественной, исторической, психологической, философской литературы и

публицистики, обозначая при их интерпретации свою гражданскую и нравственную позицию.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

- Нужно ли помогать тем, кто оказался в трудной ситуации?
- Какие проблемы мешают людям найти счастье на Руси?
- Кто счастлив на Руси?
- Существует ли справедливость в обществе?
- Что нужно сделать, чтобы на Руси всем жилось хорошо?
- Как Вы понимаете выражение «общественная справедливость»?
- На ком лежит ответственность за развитие страны?
- Как Вы думаете, какова мера ответственности гражданина в демократическом государстве?
- Личное счастье или долг перед Родиной: что важнее?
- Стоит ли помогать тем, кто попал в тяжелые жизненные обстоятельства?
- Как вы понимаете высказывание Н.А. Некрасова: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»?
- Справедливо ли мнение о том, что быть патриотом – это значит отдавать долг Родине?
- Согласны ли вы с тем, что историю делает народ, а не отдельные личности?
- «Только тогда станешь человеком, когда научишься видеть человека в другом» (А. Н. Радищев) Как вы понимаете эти слова?
- В чем должна проявляться активная жизненная позиция человека?
- «Жить хорошо» — категория духовная или материальная?
- Согласны ли вы со словами Ф. М. Достоевского «Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее»?

МУДРЫЕ МЫСЛИ

- «Отечество славлю, которое есть, но трижды - которое будет». Владимир В. Маяковский
- «А месяц будет плыть и плыть, Роняя весла по озерам, А Русь все так же будет жить, Плясать и плакать у забора». Сергей А. Есенин

- «Принимать близко к сердцу радости и горести Отечества способен лишь тот, кто не может пройти равнодушно мимо радостей и горестей отдельного человека». Василий Сухомлинский
- «Я Родину свою люблю, но государство ненавижу». Б. Окуджава
- «Может быть, народ наш и плох, но он — наш народ, и это решает все». Василий Розанов
- «Принцип «око за око» сделает весь мир слепым». Махатма Ганди
- «Вам, должно быть, нелегко живётся, если вы всё ещё верите в справедливость». Эрих Мария Ремарк
- «Что бы о тебе ни думали, делай то, что считаешь справедливым». Пифагор
- «Высшая и самая характерная черта нашего народа — это чувство справедливости и жажда ее». Фёдор Михайлович Достоевский
- «Большинство начинает вопить о справедливости, только когда это касается их лично». Чарльз Буковски

НЕОБХОДИМЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, справедливости, мн. нет, жен.

1. отвлеч. суц. к справедливый. Справедливость поступка. Справедливость слухов.
2. Беспристрастие, справедливое отношение к кому-чему-нибудь. Соблюсти справедливость. Нарушить справедливость. Чувство справедливости.

❖ Отдать справедливость кому-чему (книжн.) - по справедливости признать что-нибудь за кем-чем-нибудь, воздать должное кому-чему-нибудь. «Хоть и дрянной человечешко, но гостеприимен, надо отдать справедливость.» Чехов.

Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935-1940.

Синонимы:

астрья, беспристрастие, беспристрастность, верность, достоверность, достоинство, жэнь, законность, заслуженность, истинность, нелицеприятность, непредвзятость, непредубежденность, объективность, понятность, правда, праведность, правильность, правосудие, честность

Антонимы:

Несправедливость

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, -и, жен.

1. см. справедливый.

2. Справедливое отношение к кому-н., беспристрастие. Чувство справедливости.

Поступить по справедливости.

• Отдать справедливость кому (чему) (книжн.) признать за кем-чем-н. какие-н. достоинства, правоту, отдать должное.

Толковый словарь Ожегова. С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 1949-1992.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Значение:

категория морально-правового и социально-политического сознания, понятие о должном, связанное с исторически меняющимися представлениями о неотъемлемых правах человека. Содержит требование соответствия между реальной значимостью различных индивидов (социальных групп) и их социальным положением, между их правами и обязанностями, между деянием и воздаянием, трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием и т. п. Несоответствие в этих соотношениях оценивается как несправедливость.

Современный толковый словарь изд. «Большая Советская Энциклопедия»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Л. Н. Толстой «Три вопроса», «После бала».
- М. Е. Салтыков-Щедрин «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил»
- А. П. Чехов «Размазня», «Смерть чиновника», «Злоумышленник», «В аптеке», «Вишневый сад», «Ионыч», Хамелеон», Человек в фуляре»
- Н. А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо?»
- А. И. Куприн «Чудесный доктор»
- Х.К. Андерсен «Девочка со спичками»
- Пауло Коэльо «Алхимик»
- А. П. Платонов «Котлован»
- М.А. Булгаков «Собачье сердце»
- И.А. Бунин «Господин из Сан-Франциско»
- Н. В. Гоголь «Мертвые души», «Ревизор», «Шинель»

- И. А. Гончаров «Обломов»
- М. Горький «На дне», «Детство», «Бывшие люди»
- А. С. Грибоедов «Горе от ума»
- Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание», «Бесы», «Бедные люди», «Мальчик у Христа на ёлке», «Братья Карамазовы»
- А. Н. Островский «Гроза», «Свои люди-сочтемся», «Бедность не порок».
- Д. И. Фонвизин «Недоросль»
- Н.Г. Чернышевский «Что делать?»

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ

Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»

Верно ли утверждение, что Родину не выбирают? Н.В. Гоголь в повести «Тарас Бульба» доказал, что человек не может выбрать Родину, ведь он родился и сформировался в определенной среде, которая уже оказала на него определенное влияние. Так, Андрий был казаком и впитал традиции и нравы казачества. Несмотря на то, что его сходство с отцом прослеживается далеко не во всех аспектах, он также проникается культурой Сечи и перенимает ее кодекс поведения. Андрий пьет, гуляет, дерется и получает от этой жизни удовольствие. Лишь любовь к паночке убеждает его переменить сторону в сражении и предать веру отцов. Герой видит польские нравы в розовых очках своей симпатии к девушке. Поэтому он надевает другие доспехи, но своим в среде поляков не становится. Никто не последовал за ним, когда казаки заманили его в ловушку. А в финале, уже после смерти Андрия, Гоголь выхватывает из толпы на площади красивую паночку, которая смеется. Герой не смог выбрать Родину, Польша ею для него не стала. Зато он предал ту, что была для него единственной.

Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо?»

Какие проблемы мешают людям найти счастье на Руси? Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» показал, что люди на Руси зачастую становятся жертвами друг друга и своих слабостей. Социальное неравенство во многом определяется их нежеланием работать над собой. «Умны крестьяне русские, одно нехорошо, что пьют до одурения, во рвы, в канавы валятся — Обидно поглядеть!» — вот так Павел Веретенников, знаток русской жизни, говорит о тех, за кем наблюдает. Конечно, пьяницы тут же находят оправдание: тяжелая работа заставляет их злоупотреблять спиртным. Но неужели бить жен и детей их тоже принуждает труд? Неужели пропивать последние гроши в кабаке и оставлять семью без еды требует лично царь или барин? Все эти проблемы исходят из глубин их душ, порочных и слабых. Можно было бы не выпивать,

как сам Некрасов, оказавшийся в столице без материальной помощи отца и вынужденный голодать, чтобы заниматься тем, что ему нравилось. Можно было бы откладывать деньги и начать свое дело, ведь многие купцы были выходцами из крестьянства. Возможности жить хорошо были у всех, но порочные желания и вечные оправдания мешают героям взяться за ум и перестать во всем винить богачей.

Н.С. Лесков «Левша».

Гражданин страны должен работать и приносить пользу обществу. Он обязан соблюдать законы и уважать права сограждан. Но вместе с тем он получает и свои неотъемлемые права на охрану здоровья и труда, на благополучие и социальную защиту. Но, к сожалению, на Руси обязанности никак не соотносятся с привилегиями. Например, Левша из сказа Лескова выплачивал Родине долг своим уникальным талантом и трудом. Когда страна нуждалась в нём, он выполнил приказ царя и подковал танцующую блоху. При этом герой был образцовым подданным: не нарушал закон, вел тихую семейную жизнь и подчинялся вышестоящим господам. Но что он получил взамен? Побои, ругань, неуважение, а в финале еще и черную неблагодарность. Платов выжал из него все, что мог, а потом устранился из его жизни. Царь о талантливом мастере даже не вспомнил. В больнице бедняку помощь не оказали, а его секрет о чистке ружей никому не пригодился. Левша не был гражданином в полном смысле слова, ведь государство не защищало его права на жизнь, здоровье, труд, социальную поддержку. Даже в Англии к нему отнеслись лучше, чем на Родине. На его примере мы можем сделать вывод о том, что трудовым, правовым, социальным обязанностям человека в стране должны соответствовать аналогичные права.

Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»

Кто счастлив на Руси? Ф.М. Достоевский в романе «Преступление и наказание» показывает человека, который был счастлив, несмотря на бедность и униженность положения. В отличие от Раскольникова, который жил на средства матери и сестры, да еще и жаловался на судьбу, Разумихин не получал помощи. Зато он много работал, чтобы оплатить учебу самостоятельно: давал уроки, делал переводы, старался заработать честно. Дмитрий много веселится, общается со всеми, умеет дружить и сопереживать людям, поэтому его окружают позитивные и доброжелательные товарищи, которые выручают и Раскольникова. Все эти юноши не думают о своем высоком статусе и сравнении с Наполеоном. Они трудятся и добиваются успеха, а не замыкаются в своем несчастье. Живет Дмитрий не богаче Родиона, но он счастлив и делится этим состоянием с другими. Значит, внутреннее состояние зависит не от дохода или происхождения, а от того, насколько человек открыт миру и готов к созидательному взаимодействию с ним.

Н.Г. Чернышевский «Что делать?»

Что нужно сделать, чтобы на Руси всем жилось хорошо? Н.Г. Чернышевский в романе «Что делать?» предложил публике свой план по усовершенствованию России. И он отчасти воплотился в жизнь, ведь был правильным: чтобы женщины жили свободно и счастливо, а мужчины не тащили в одиночку бремя содержания семьи, необходимо создать условия для полноценного вовлечения всех людей в экономические, социальные и политические процессы. Девушки должны иметь право на образование, работу и равные возможности в обществе. Находясь в финансовой зависимости, они становятся предметами торговли и бесправными существами, судьба которых — это узаконенная форма проституции, брак без любви и выбора. Вера могла быть насильно выдана замуж, и лишь вмешательство Дмитрия помогло ей встать на ноги и начать себя обеспечивать. Поэтому в финале героиня стала образованной, успешной и счастливой женщиной, а ее семья была построена на любви и взаимоуважении. Сейчас все девушки в нашей стране имеют такие возможности, это изменило нашу жизнь к лучшему.

М. Горький «На дне»

Что мешает людям «жить хорошо» на Руси? М. Горький в пьесе «На дне» продемонстрировал пороки, которые присущи многим русским людям, считающим себя несправедливо обделенными судьбой. Ночлежку населяют далеко не ангелы: шулеры, бывшие каторжники, воры, пьяницы. Даже честный работник Клещ, который так гордится своим положением, сживает со свету жену, бьет ее и оскорбляет. А Василиса, едва вырвавшись из грязи в князи благодаря браку по расчету, тиранит людей без жалости. Увы, нравы этой среды полностью соответствуют уровню ее достатка. Актер, Барон, Сатин, Бубнов вовсе не стремятся трудиться и выходить из нищеты. Им и так нормально, ведь делать ничего не нужно и ответственности никакой. Сатин открыто пропагандирует лень и противопоставляет себя тем, кто трудится. Что мешает им жить хорошо? Они сами и менталитет социального дна.

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ № 1

Ф. М. ДОСТОЕВКИЙ «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Раскольников вышел в решительном смущении. Смущение это всё более и более увеличивалось. Сходя по лестнице, он несколько раз даже останавливался, как будто чем-то внезапно пораженный. И наконец, уже на улице, он воскликнул:

«О боже! как это всё отвратительно! И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! — прибавил он решительно. — И неужели такой ужас мог прийти мне в голову? На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!.. И я, целый месяц...»

Но он не мог выразить ни словами, ни восклицаниями своего волнения. Чувство бесконечного отвращения, начинавшее давить и мутить его сердце еще в то время, как он только шел к старухе, достигло теперь такого размера и так ярко выяснилось, что он не знал, куда деться от тоски своей. Он шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице. Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной, в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж. Из дверей, как раз в эту минуту, выходили двое пьяных и, друг друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз. Никогда до сих пор не входил он в распивочные, но теперь голова его кружилась, и к тому же палящая жажда томила его. Ему захотелось выпить холодного пива, тем более что внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден. Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностью выпил первый стакан. Тотчас же всё отлегло, и мысли его прояснели. «Всё это вздор, — сказал он с надеждой, — и нечем тут было смущаться! Просто физическое расстройство! Один какой-нибудь стакан пива, кусок сухаря, — и вот, в один миг, крепнет ум, яснее мысль, твердеют намерения! Тьфу, какое всё это ничтожество!..» Но, несмотря на этот презрительный плевок, он глядел уже весело, как будто внезапно освободясь от какого-то ужасного бремени, и дружелюбно окинул глазами присутствующих. Но даже и в эту минуту он отдаленно предчувствовал, что вся эта восприимчивость к лучшему была тоже болезненная.

В распивочной на ту пору оставалось мало народу. Кроме тех двух пьяных, что попались на лестнице, вслед за ними же вышла еще разом целая ватага, человек в пять, с одною девкой и с гармонией. После них стало тихо и просторно. Остались: один хмельной, но немного, сидевший за пивом, с виду мещанин; товарищ его, толстый, огромный, в сибирке и с седою бородой, очень захмелевший, задремавший на лавке и изредка, вдруг, как бы спросонья, начинавший прищелкивать пальцами, расставив руки врозь, и подпрыгивать верхнюю часть корпуса, не вставая с лавки, причем подпевал какую-то ерунду, силясь припомнить стихи, вроде:

Целый год жену ласкал,

Цел-лый год же-ну лас-кал...

Или вдруг, проснувшись, опять:

По Подъяческой пошел,

Свою прежнюю нашел...

Но никто не разделял его счастья; молчаливый товарищ его смотрел на все эти взрывы даже враждебно и с недоверчивостью. Был тут и еще один человек, с виду похожий как бы на отставного чиновника. Он сидел особо, перед своею посудинкой, изредка отпивая и посматривая кругом. Он был тоже как будто в некотором волнении.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ

Фёдор Миха́йлович Досто́евский (30 октября [11 ноября] 1821, Москва, Российская империя — 28 января [9 февраля] 1881, Санкт-Петербург, Российская империя) — русский писатель, мыслитель, философ и публицист[10]. Член-корреспондент Петербургской академии наук с 1877 года[11]. Классик мировой литературы, по данным ЮНЕСКО, один из самых читаемых писателей в мире.

Ранние произведения писателя, как и повесть «Записки из Мёртвого дома», способствовали возникновению жанра психологической прозы[12].

После смерти Достоевский был признан классиком русской литературы и одним из лучших романистов мирового значения, считается первым представителем персонализма в России. Творчество русского писателя оказало воздействие на мировую литературу, в частности на творчество ряда лауреатов Нобелевской премии по литературе, философов Фридриха Ницше и Жана-Поль Сартра, а также на становление экзистенциализма и фрейдизма[13].

К наиболее значительным произведениям писателя относятся романы «великого пятикнижия». Многие известные произведения Достоевского многократно экранизировались и инсценировались в театре, ставились балетные и оперные постановки

ПРОБЛЕМАТИКА: социальное неравенство, бунт против общественной несправедливости

КОММЕНТАРИИ

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ № 2

Н. А. НЕКРАСОВ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

«Невесело
Глядеть, как изменилось
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадают
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные [66]
Да глупые посредники [67].
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалось
В избытке благодарности

Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалось
Колясок, бричек троечных.
Дормезов шестерней!
Катит семья помещицья —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки милovidные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной
Что шаг – ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещицый,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещицый,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, – мужик любитесь,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганичка и Верочка,
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою

Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещицы
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно:
Мужик сидит – не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий
Звучит – топор разбойничий,
Шалют! .. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля – недоработаны,
Посевы – недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косою распущенной,
С неубранным лицом!..
Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..
А нам земля осталась...
Ой ты, земля помещицы!
Ты нам не мать, а мачеха

Теперь... «А кто велел? —
Кричат писаки праздные, —
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
А я скажу: — А кто же ждал? —
Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учись! трудись!..»
Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь!
Я не крестьянин-лапотник —
Я Божию милостью
Российский дворянин!
Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький,
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного.
А мне поют: «Трудись!»
А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо Божие,

Носил ливрею царскую.
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный!..»
Помещик зарыдал...
Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилась
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Никола́й Алексе́евич Некра́сов (28 ноября [10 декабря] 1821, Немиров, Подольская губерния, Российская империя — 27 декабря 1877 [8 января 1878], Санкт-Петербург) — русский поэт, прозаик и публицист, классик русской литературы[4][5].

С 1847 по 1866 год — руководитель литературного и общественно-политического журнала «Современник», с 1868 года — редактор журнала «Отечественные записки». По взглядам его причисляют к «революционным демократам»[6][7]Перейти к разделу «#ОРД».

Наиболее известен такими произведениями, как эпическая поэма «Кому на Руси жить хорошо», поэмы «Мороз, Красный нос», «Русские женщины»[8], стихотворения «Дедушка Мазай и зайцы», «Железная дорога». Его стихи были посвящены преимущественно страданиям народа, трагедии крестьянства[9]. Некрасов ввёл в русскую поэзию богатство народного языка и фольклора, широко используя в своих произведениях прозаизмы и речевые обороты простого народа[10] — от бытового до публицистического, от народного просторечия до поэтической лексики, от ораторского до пародийно-сатирического стиля. Используя разговорную речь и народную фразеологию, он значительно расширил диапазон русской поэзии. Некрасов первым решился на смелое сочетание элегических, лирических и сатирических мотивов в пределах одного стихотворения, что до него не практиковалось[11]. Его поэзия оказала заметное влияние на последующее развитие русской классической, а позже и советской поэзии[12].

ПРОБЛЕМАТИКА: общественное счастье, несправедливость, социальное неравенство

КОММЕНТАРИИ

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ № 3

М. ГОРЬКИЙ «НА ДНЕ»

Актер (*Сатину*). Эх ты... пятак! Вася! Дай нам двугривенный...

Пепел. Надо скорее дать... пока рубля не просите... на!

Сатин. Гиблартарт! Нет на свете людей лучше воров!

Клещ (*угрюмо*). Им легко деньги достаются... Они — не работают...

Сатин. Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются... Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна — я, может быть, буду работать... да! Может быть! Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство! (*Актеру*.) Ты, Сарданапал! Идем...

Актер. Идем, Навухудоноссор! Напьюсь — как... сорок тысяч пьяниц...

Уходят.

Пепел (*зевая*). Что, как жена твоя? Клещ. Видно, скоро уж...

Пауза.

Пепел. Смотрю я на тебя, — зря ты скрипишь.

Клещ. А что делать?

Пепел. Ничего...

Клещ. А как есть буду?

Пепел. Живут же люди...

Клещ. Эти? Какие они люди? Рвань, золотая рота... люди! Я — рабочий человек... мне глядеть на них стыдно... я с малых лет работаю... Ты думаешь — я не вырвусь отсюда? Вылезу... кожу сдеру, а вылезу... Вот, погоди... умрет жена... Я здесь полгода прожил... а все равно как шесть лет...

Пепел. Никто здесь тебя не хуже... напрасно ты говоришь...

Клещ. Не хуже! Живут без чести, без совести...

Пепел (*равнодушно*). А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести... Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть...

Бубнов (*входит*). У-у... озяб!

Пепел. Бубнов! У тебя совесть есть?

Бубнов. Чего-о? Совесть?

Пепел. Ну да!

Бубнов. На что совесть? Я — не богатый...

Пепел. Вот и я то же говорю: честь-совесть богатым нужна, да! А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести...

Бубнов. А он что — занять хотел?

Пепел. У него — своей много...

Бубнов. Значит, продает? Ну, здесь этого никто не купит. Вот картонки ломаные я бы купил... да и то в долг...

Пепел (*поучительно*). Дурак ты, Андрюшка! Ты бы, насчет совести, Сатина послушал... а то — Барона...

Клещ. Не о чем мне с ними говорить...

Пепел. Они — поумнее тебя будут... хоть и пьяницы...

Бубнов. А кто пьян да умен — два угодя в нем...

Пепел. Сатин говорит: всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее... И это — верно...

Наташа входит. За нею — Лука с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса.

Лука. Доброго здоровья, народ честной!

Пепел (*приглаживая усы*). А-а, Наташа!

Бубнов (*Луке*). Был честной, да позапрошлой весной...

Наташа. Вот — новый постоялец...

Лука. Мне — все равно! Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха — не плоха: все — черненькие, все — прыгают... так-то. Где тут, милая, приспособиться мне?

Наташа (*указывая на дверь в кухню*). Туда иди, бабушка...

Лука. Спасибо, девушка! Туда, так туда... Старик — где тепло, там и родина...

Пепел. Какого занятного старичишку-то привели вы, Наташа...

Наташа. Поинтереснее вас... Андрей! Жена твоя в кухне у нас... ты, погодя, приходи за ней.

Клещ. Ладно... приду...

Наташа. Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался... ведь уж недолго...

Клещ. Знаю...

Наташа. Знаешь... Мало знать, ты — понимай. Ведь умирать-то страшно...

Пепел. А я вот — не боюсь...

Наташа. Как же!.. Храбрость...

Бубнов (*свистнув*). А нитки-то гнилые...

Пепел. Право — не боюсь! Хоть сейчас — смерть приму! Возьмите вы нож, ударьте против сердца... умру — не охну! Даже — с радостью, потому что — от чистой руки...

Наташа (*уходит*). Ну, вы другим уж зубы-то заговаривайте.

Бубнов (*протяжно*). А ниточки-то гнилые...

Наташа (*у двери в сени*). Не забудь, Андрей, про жену...

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Максiм Гóрький (литературный псевдоним, настоящие имя и фамилия — Алексéй Максiмович Пешкóв[8][9][10]; является устоявшимся также употребление настоящего имени писателя в сочетании с псевдонимом — Алексéй Максiмович Гóрький; 16 [28] марта 1868, Нижний Новгород, Российская империя — 18 июня 1936, Горки[11], Московская область, СССР) — русский и советский писатель, поэт, прозаик, драматург, основоположник литературы социалистического реализма, инициатор создания Союза писателей СССР и первый председатель правления этого союза.

Начав с романтически одухотворённых новелл, песен в прозе и рассказов, в 1901 году Горький обратился к драматургии. На рубеже XIX и XX веков прославился как автор произведений в революционном духе, лично близкий к социал-демократам и находившийся в оппозиции к царскому режиму. Расцвет творческой биографии писателя отмечен циклами очерков, автобиографических повестей, пьесами, двумя крупными романами, а также книгами и рассказами в жанре публицистической документалистики.

Основным пафосом творений Максима Горького является мечта о «новых людях», бесстрашных и свободных, которые обладают высочайшими интеллектуальными и физическими способностями,

которые способны добиться запредельных целей за гранью возможного, в том числе и бессмертия[12].

После нескольких лет культурной и правозащитной работы в Советской России жил за рубежом в 1920-е годы (Берлин, Мариенбад, Сорренто). В 1932 году окончательно вернулся в СССР.

Горький был самым издаваемым в СССР советским писателем: за 1918—1986 годы общий тираж 3556 изданий составил 242,621 млн экземпляров. Если же принимать в расчёт всех русских писателей, то Горький уступает лишь Л. Н. Толстому и А. С. Пушкину[17]. Полное собрание сочинений Горького составляет 60 томов: художественные произведения изданы в 1968—1973 годах, публицистика — после 1985 года, письма полностью не изданы до сих пор[18]. С 1932 по 1990 год имя Горького носил его родной город — Нижний Новгород.

ПРОБЛЕМАТИКА: непримиримый конфликт людей со дна с остальным миром, социальное неравенство, желание помочь нуждающимся.

КОММЕНТАРИИ

МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ОТКРЫТОГО ТЕМАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Цивилизация и технологии – спасение, вызов или трагедия?»
(достижения и риски цивилизации, надежды и страхи, с ней связанные)

Автор-составитель: **Володина Анна Николаевна**, методист отдела русской филологии ГБОУ ДПО РК КРИППО, учитель русского языка и литературы МБОУ «Перовская школа-гимназия» Симферопольского района Республики Крым

Содержание

Комментарий ФИПИ
Примерные темы
Основные определения
Мудрые мысли
Литературные источники
Цитатный материал
Рэй Брэдбери «451 по Фаренгейту»
М. Булгаков «Роковые яйца»
Е. Замятин «Мы»
Д. Киз «Цветы для Элджернона»
М. Булгаков «Собачье сердце»

КОММЕНТАРИЙ ФИПИ

Тематическое направление заостряет внимание выпускника на достижениях и рисках цивилизации, надеждах и страхах, связанных с ее плодами. Темы сочинений будут способствовать раздумьям выпускника о собственном опыте столкновения с технологическими новшествами и экологическими проблемами, дадут импульс к рассуждению о влиянии научно-технического прогресса на человека и окружающий его мир. Все эти проблемы стали особенно актуальны на фоне вызовов пандемии 2020–2021 гг. Темы позволят задуматься о диалектике «плюсов» и «минусов» цивилизационного процесса, о благих и трагических последствиях развития технологий, о способах достижения равновесия между материально-техническими завоеваниями и духовными ценностями человечества. Примеры из философской, научной, публицистической, критической и мемуарной литературы покажут, как мыслители, деятели науки и искусства понимают технологический прогресс, в чем видят его пользу и вред. Оправданно также обращение к художественным произведениям, в которых присутствует мотив научных открытий, в том числе к жанрам научной фантастики, утопии и антиутопии.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

В виде вопросов:

- Всегда ли технический прогресс приносит человечеству пользу?
- Как развитие технологий повлияло на общество?
- Меняются ли люди в условиях технического прогресса?
- Как на современное поколение влияют технические открытия нашей эпохи?
- Технический прогресс — зло или благо?
- Чем опасен технический прогресс?
- Может ли научный прогресс привести к катастрофе?
- Как сохранить баланс между экологией и цивилизацией?
- Как новые технологии помогают решать глобальные мировые проблемы?
- Какие достижения прогресса Вы считаете самыми значительными?
- Можно ли обойтись без науки в современном мире?
- Должен ли ученый нести ответственность за научное открытие?
- Меняются ли люди в условиях технического прогресса?
- Как ученый должен относиться к научным открытиям?
- Как на современное поколение влияют технические открытия нашей эпохи?
- Каким должен быть технический прогресс?
- К чему могут привести научные открытия?
- Какие научные открытия опасны?
- Кому в литературе удалось, с Вашей точки зрения, наиболее ярко отразить достижения и риски цивилизации?
- Какие вызовы несут в себе достижения цивилизации?
- Как повлияло развитие техники и технологии на молодое поколение?
- Какие опасности таит в себе технический прогресс?
- Что значит «разумное использование технологий»?
- Что в жизни людей остаётся неизменным даже в условиях технического прогресса?
- Должен ли ученый нести ответственность за своё открытие?
- Что важнее для современного поколения: умение жить в цифровом мире или живое общение?
- Как на современное поколение влияют технические открытия нашей эпохи?
- Почему многие люди боятся достижений цивилизаций?
- Что значит быть современным?
- Как в эпоху перемен раскрываются нравственные качества людей?

В форме высказывания:

- Согласны ли Вы с утверждением Стивена Хокинга: «Создание искусственного интеллекта может стать последним технологическим достижением человечества, если мы не научимся контролировать риски»?
- Айзек Азимов утверждал: «Земля – не вечный и единственный приют человечества, а всего лишь его колыбель, отправная точка бесконечного приключения». Как Вы относитесь к его высказыванию?

Согласны ли Вы с фразой Фредерика Бегбедера: «Настоящая свобода настаёт тогда, когда ты недоступен или вне зоны действия сети»?

Согласны ли Вы с утверждением Альберта Эйнштейна: «Каждый, кто серьёзно занимается наукой, убеждается в том, что в законах природы присутствует некий дух, и этот дух выше человека. По этой причине занятия наукой приводят человека к религии»

Как Вы понимаете выражение Жозефа Ренана: «Промышленный прогресс совсем не параллелен в истории с прогрессом искусства и истинной цивилизации»?

Согласны ли Вы с утверждением Эннио Флайано: «Прогресс наук и машин — это полезное средство, но единственной целью цивилизации является развитие человека»?

ОСНОВНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ

ЦИВИЛИЗАЦИЯ -

одна из основных единиц исторического времени, обозначающая длительно существующее, самодостаточное сообщество стран и народов, своеобразие которого обусловлено социокультурными причинами. Ц. подобна живому организму, проходящему путь от рождения до смерти, постоянно воспроизводящему себя и придающему неповторимое своеобразие всем протекающим в нем процессам (*Философская энциклопедия*)

ЦИВИЛИЗАЦИЯ - 1) культура, присущая обществу как формации, а также отдельным частям общества на данном историческом этапе; 2) степень, уровень общественного развития; 3) отдельные периоды, стадии материального и культурного развития; 4) ступень общественного развития, следующая за варварством (*Современный социоэкономический словарь*)

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ -

широкий класс дисциплин и областей деятельности, относящихся к технологиям создания, сохранения, управления и обработки данных, в том числе с применением вычислительной техники. В последнее время под информационными технологиями чаще всего понимают компьютерные технологии. В частности, ИТ имеют дело с использованием

компьютеров и программного обеспечения для создания, хранения, обработки, ограничения к передаче и получению информации (*Википедия*)

ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС -

взаимобусловленное, взаимостимулирующее развитие науки и техники. Понятие было введено в 20 в. в контексте обоснования, использующего потребительное отношение к природе и традиционной научно-инженерной картины мира (*Философская энциклопедия*)

ТЕХНОГЕННАЯ КАТАСТРОФА -

крупная авария на техногенном объекте, влекущая за собой массовую гибель людей и даже экологическую катастрофу (*Википедия*)

ГАДЖЕТ -

карманный компьютер, сотовый телефон с добавочными функциями, авторуч

ки с набором электронных услуг (шариковая ручка как телефон, фотокамера и т. п.), ноутбуки, часы, браслеты, электронные книги, универсальные плееры для презентаций и др. (*Словарь бизнес-терминов*)

ЦИФРОВАЯ ЭКОЛОГИЯ –

область экологической науки и экологического образования, в основании которых лежат мобильные технологии и сервисы, а также цифровые устройства, с помощью которых эти технологии могут быть реализованы

ЭКОЛОГИЯ - наука о взаимодействиях живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой (*Википедия*)

НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ –

новое достижение, совершаемое в процессе научного познания природы и общества; установление неизвестных ранее, объективно существующих закономерностей, свойств и явлений материального мира. Лежит в основе научно-технической революции, придавая принципиально новые направления развитию науки и техники и революционизируя общественное производство (*Википедия*)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ –

предмет науки, посвященной разработке компьютеров и компьютерных программ, которые моделируют работу человеческого мозга (*Научно-технический энциклопедический словарь*)

Синонимы

Цивилизация: культура, прогресс, развитие, просвещение, образование, воспитание.

Цифровые технологии: IT-разработки, компьютерные методики, смешанная реальность, сети передачи данных, искусственный интеллект.

Технический прогресс: технологический прогресс, техническое развитие, техническая цивилизация, промышленный прогресс.

Искусственный интеллект: искусственный разум, искусственный мозг, машинный интеллект.

Гаджет: устройство, приспособление, планшет, девайс, смартфон.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

М.А. Булгаков «Роковые яйца», «Собачье сердце»

Н. Носов «Незнайка в Солнечном городе»

В.П. Астафьев «Царь-рыба»

Е.И. Замятин «Мы»

И.А. Ефремов «Туманность Андромеды», «Лезвие бритвы»

Т.Н. Толстая «Кысь»

Ч.Т. Айтматов «И дольше века длится день»

В.О. Пелевин «Generation “П”»

А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом», «Пикник на обочине», «Полдень, XXII век»

А. Азимов «Позитронный человек», цикл «Основание»

Лю Цысинь трилогия «В память о прошлом Земли»
Г. Каспаров «Человек и компьютер»
А.Р. Беляев «Человек-амфибия», «Голова профессора Доуэля»
О. Хаксли «О дивный новый мир»
Р. Брэдли «451 по Фаренгейту», «Марсианские хроники», «Лето, прощай», «И грянул гром», «Все лето в один день» и др.
К. Воннегут «Колыбель для кошки»
С. Лем «Солярис»
Дж. Оруэлл «1984»
К. Исигуро «Не отпускай меня»
Э. Вейер «Марсианин»
Д. Киз «Цветы для Элджернона»
В. Рот «Дивергент»
Ф. Дик «Мечтают ли андроиды об электроовцах», «Убик»
Ю. Харари «21 урок для XXI века»
Т. Чан «История твоей жизни»
Дж. Дэшнер «Бегущий в лабиринте»
О.С. Кард «Игра Эндера»
С. Коллинз «Голодные игры»
Д. Митчелл «Облачный атлас»
Ж. Верн «20000 лье под водой»
Г. Уэллс «Машина времени»
М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей»
Р. Стивенсон «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда»

ЦИТАТНЫЙ МАТЕРИАЛ

Влияние технологий на жизнь общества

Знаменитый фантаст и гениальный мыслитель Рэй Бредбери в романе «451 градус по Фаренгейту» демонстрирует сокрушительное влияние технологий на человека.

Зависимость от телевидения, с которой сталкивается жена главного героя, является лишь малейшим примером того, как воздействует прогресс на слабые умы. Но если несчастная Милдред не вредит никому, кроме себя, то ее муж Гай Монтэг занимается тем, что уничтожает прошлое в угоду новой, прогрессивной цивилизации.

Главный герой работает пожарным, но необычным, а «специального назначения». Гай должен сжигать книги, которые оказались под запретом в прогрессивном обществе. Если бы не случайная встреча, изменившая его мировоззрение, то он приложил бы все усилия, чтобы потомки не узнали о прошлой жизни, в которой технологии не занимали центральное место в жизни человека.

Рэй Бредбери поднимает важный вопрос: цивилизация подчиняет себе людей, превращая их в послушных винтиков системы, которым не нужно

думать самостоятельно, ведь за них это сделают компьютеры, телевизоры и различные гаджеты.

Другую сторону технического прогресса описывает польский писатель Януш Вишневский в популярном романе “Одиночество в сети”. Его герои используют возможности цифровых технологий для межличностного общения, не задумываясь об опасности погрузиться в мир виртуальной реальности, забыв о существовании реальности.

В романе мужчина и женщина знакомятся онлайн и влюбляются по переписке, создавая историю любви, которой на самом деле не существует. В виртуальном пространстве воплощаются в жизнь любые фантазии и желания, в то время как в реальной жизни ничего не происходит. По сути два человека тратят драгоценное время на иллюзии, придумывая реальность, как герои “Матрицы”, пока их настоящая жизнь проходит мимо, бессмысленно и бесцельно. Януш Вишневский акцентирует внимание на том, как легко принять реальность за фантазию, особенно при помощи цифровых технологий.

Научные открытия против гуманности

В фантастической повести М.А. Булгакова “Роковые яйца” мы видим, что происходит, когда научный эксперимент выходит из-под контроля. Из-за роковой ошибки отдельных людей из обыкновенных, казалось бы, куриных яиц рождаются рептилии, которые вырастают до чудовищных размеров. Начиналось все довольно оптимистично: профессор Персиков обнаружил, что световое излучение красной части спектра стимулирует рост эмбрионов, и в результате они вырастают гораздо быстрее и становятся в разы больше, чем их необлученные собратья. Глава совхоза решает воспользоваться открытием ученого для восстановления поголовья кур. Он облучает куриные, на его взгляд, яйца, но вместо цыплят вылупляются ящеры, которые за считанные дни вырастают в настоящих динозавров, предельно опасных для общества. Если бы не внезапное похолодание, то человечеству грозила бы встреча с Годзиллой, и не одним.

Михаил Булгаков в ироничной форме предупреждает, к чему ведут некоторые научные открытия, а тем более ошибки при воспроизведении эксперимента.

Похожую ситуацию мы наблюдаем в его же повести “Собачье сердце”, где профессор Преображенский из лучших побуждений превращает бродячего пса в человека. Но если очеловеченный Шарик портит жизнь только профессору и его окружению, то “роковые яйца” привели бы к концу человеческой цивилизации, если бы не вмешательство природы, которую оба ученых, и Преображенский, и Персиков, пытались обмануть.

Технический прогресс несет только пользу?

Е.И. Замятин написал знаменитую антиутопию «Мы», где показал, как цивилизация превращает человека в робота. Винтик системы – эти слова

совсем не метафора для героев произведений, которые носят не имена, а порядковые номера.

Сохраняется ли радость от существования, когда у тебя нет права на индивидуальность, любовь и самовыражение? Риторический вопрос, ведь в «идеальном» мире нет времени задумываться о таких пустяках, когда твой день четко регламентирован и расписан по часам. Отдых, сон, еда и работа имеют конкретные временные рамки, за которые никому не придет в голову выйти. Похожую картину создает Джордж Оруэлл в романе «1984», где все те же «винтики системы» не имеют права даже на собственные мысли в голове.

Каждый роман-антиутопия отражает страх человека перед технологиями будущего, у которых всегда есть темная сторона. Мы видим это в каждом фантастическом произведении, где люди будущего превращаются в рабов технического прогресса из-за неспособности ему противостоять.

В заключение следует сказать, что цифровые технологии облегчают жизнь человека, но вместе с тем делают его слабее и беззащитнее, усложняя адаптацию к окружающей среде. Чтобы не потерять себя и не раствориться в виртуальной реальности, следует пользоваться благами технического прогресса с пользой для саморазвития, а не только для пассивных развлечений, вроде видеоигр и соцсетей, зависимость от которых – доказанное явление.

Так что такое технологии – благо или трагедия? Однозначного ответа на этот вопрос не существует, ведь у технического прогресса есть две стороны. Будущее покажет, какая из них перевесит – светлая, созидательная, или темная, сокрушительная.

Могут ли новые технологии сделать людей лучше?

В романе Д. Киза «Цветы для Элджернона» показан научный эксперимент, в ходе которого доктора Штраус и Немур повышают умственные способности умственно отсталого с рождения человека. Центральный персонаж Чарли Гордон получает возможность жить жизнью обычного человека, которой он был лишен до тридцатилетнего возраста, теперь он может общаться с другими людьми, понимая при этом окружающий мир, чем он не мог довольствоваться раньше. То, что с помощью научно-технического прогресса удалось повысить интеллект Чарли Гордона, чему посвящена большая часть романа, заставляет читателя задуматься над тем, что новые технологии могут сделать человека лучше. Однако в повествовании показано, что научный эксперимент оказался неудачным: как резко Чарли Гордон стал гением, так резко он и вернулся в прежнее состояние. Новым технологиям не удалось повысить умственные способности главного героя на всю дальнейшую жизнь. Автор показывает, что новые технологии не могут выиграть борьбу с природой.

О том, что новые технологии редко делают людей лучше, рассуждает и Р. Брэдбери в своем рассказе «И грянул гром». Живущие в 2055 году люди

создают Машину времени, позволяющую оказаться в любом моменте прошлого. Казалось бы, эта новая технология может помочь человеку: теперь людям не придется мучиться незнанием того, что было в прошлом, что позволит знать абсолютно точную историю, своими глазами увидеть то, что происходило в жизни наших предков. Однако то, что главный герой Экельс, отправившийся в прошлое для того, чтобы убить динозавра, из-за страха сходит с тропы и нечаянно убивает бабочку, из-за чего меняется весь ход истории, демонстрирует, что человек, имея огромные возможности благодаря новым технологиям, не умеет соблюдать правила пользования этими новыми технологиями, и из-за этого неумения новые технологии не только не преобразуют человека и его жизнь, но и делают для его существования хуже.

Всегда ли технический прогресс приносит человечеству пользу?
В 1925 году М.А. Булгаков пишет повесть «Собачье сердце», в которой, помимо злободневных тем, связанных со строительством нового мира, раскрывает и тему научного прогресса. Писатель говорит о том, что развитие науки остановить нельзя, но человечество не до конца осознаёт последствия своих действий. Профессор Преображенский проводит необыкновенную операцию: пересаживает бродячей собаке человеческий гипофиз. Но жизнь показывает, что искусственным путём сделать человека, слепить, как из пластилина, невозможно. Новоиспечённый Полиграф Полиграфович Шариков оказывается абсолютно неуправляемым, грубым и наглым. Благородство и отзывчивость ему неведомы. Он начинает видеть в профессоре своего врага, шантажирует Преображенского, угрожая составить донос. Таким образом, М.А. Булгаков говорит нам: чтобы быть человеком, недостаточно иметь «две руки, две ноги». Главное — быть культурным, воспитанным. А это невозможно без долгого становления, без систематической работы над собой. Причём с юности. Такой технический прогресс в буквальном смысле опасен для человечества. Ещё один пример отрицательного воздействия науки на общество показал Е.И. Замятин в романе «Мы». Произведение, написанное чуть раньше булгаковской повести, в 1920 году, рисует общество будущего. Для людей сделано всё: у них есть дома, работа, они одеты и накормлены. Чем не идеальная жизнь, лишённая неравенства, бедности?! Но есть и обратная сторона: человек здесь — лишь винтик в большом и отлаженном механизме. У него отняли индивидуальность. Право на любовь и самовыражение. Жизнь строго регламентирована: время на работу, на сон, на еду, на отдых. Даже на имя никто не имеет права. Сам Благодетель безлик. Технический прогресс здесь уничтожил эмоциональную вовлечённость в каждодневные дела. Как и М.А. Булгаков, Е.И. Замятин подводит читателя к мысли о том, что человек должен сам развиваться, учиться, находить любимое дело. И регулярно работать над собой.

